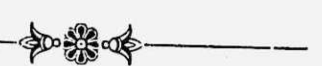
ПЛУТАРХЪ

ЖИЗНЬ и ДѢЛА ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ ДРЕВНОСТИ

ИЗДАНІЕ „НАРОДНОЙ БИБЛІОТЕКИ"

В. Н. Маракуева.

Москва—1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЛУТАРХА

(Статья французскаго историка Мишле)

Въ исторіи народовъ характеры наиболѣе достойные вниманія являются нерѣдко въ смутныхъ очертаніяхъ, ибо характерныя черты ихъ теряются въ массѣ штриховъ, не имѣющихъ большаго значенія. Нечего даже и ожидать встрѣтить здѣсь цѣльнаго человѣка; мы найдемъ тутъ только чиновниковъ, завоевателей, законодателей. Знакомя насъ только съ публичною жизнью, исторія всегда будетъ показывать намъ людей такими, какими они желали казаться.

Біографія имѣетъ для моралиста гораздо большее значеніе; она подготовляетъ ему всю его работу; она выхватываетъ изъ толпы людей, наиболѣе пригодныхъ для изученія, она проводитъ ихъ предъ нами

1*

обнаженными отъ всякихъ, ихъ скрывающихъ, прикрасъ.

Каковъ же будетъ мудрецъ, котораго мы возьмемъ себѣ руководителемъ въ этомъ полезномъ обозрѣніи? Будетъ-ли онъ похожъ на того краснорѣчиваго писателя, который такимъ остроумнымъ, такимъ энергичнымъ слогомъ разсказалъ намъ простую и скромную жизнь Агриколы? * Еще болѣе нравился бы мнѣ тотъ холодный повѣствователь, который разсказываетъ однимъ и тѣмъ же тономъ жизнь Нерона и жизнь Тита; онъ передаетъ безъ разбора всѣ факты, и никогда не изслѣдуетъ ихъ: по крайней-мѣрѣ, онъ не навязываетъ мнѣ своихъ мнѣній. Но онъ сухъ, нагъ, онъ собралъ только матеріалъ; онъ безжалостно водитъ насъ среди гнусностей, безъ всякой пользы для изученія нравовъ.

Не таковъ долженъ быть истинный біографъ. Чтобы помочь себѣ отыскать его, не будетъ-ли полезно установить главные признаки, которые онъ долженъ соединять въ

* Тацитъ, римскій историкъ.

себѣ? Онъ будетъ такъ же безпристрастенъ какъ Светоній, такъ же спокоенъ; но всюду въ его писаніяхъ будетъ чувствоваться душа человѣка добродѣтельнаго. Онъ будетъ не такъ глубокъ, не такъ теменъ какъ Тацитъ, ибо онъ долженъ говорить предъ цѣлымъ свѣтомъ; онъ будетъ показывать намъ людей скорѣе въ ихъ дѣйствіяхъ, нежели въ искусныхъ конъектурахъ; онъ не захочетъ все объяснить. Злые будутъ мало занимать его; память, ими оставленная, безплодна какъ и ихъ жизнь. Книга его будетъ посвящена добродѣтели; онъ безпрестанно будетъ намъ говорить о ней, и всегда трогательнымъ тономъ, какъ говорятъ о томъ, что любятъ. Религіозный обожатель безсмертныхъ боговъ, онъ ежеминутно будетъ напоминать намъ о нихъ въ своихъ разсказахъ, изъ опасенія нагнать на насъ уныніе, изображая такъ часто праведныхъ несчастливцевъ. Мнѣ бы хотѣлось еще, чтобы онъ родился въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ у него бы не было уже отечества; онъ отличался бы большимъ безпристрастіемъ сужде-

ній. Я бы предпочелъ, чтобы онъ былъ снисходителенъ, чтобы онъ училъ меня не ненавидѣть людей, чтобы онъ внушалъ мнѣ состраданіе къ несчастію. Если бы, не смотря на свой энтузіазмъ къ добродѣтели, этотъ мудрецъ не стоялъ бы на страшной высотѣ принциповъ, если бы этотъ геніальный человѣкъ былъ простъ, добродушенъ, даже легковѣренъ, если бы онъ походилъ на насъ, по крайней мѣрѣ, слабостями, его книга нравилась бы мнѣ еще больше; это была бы уже не книга, это былъ бы другъ. Вы узнаѐте Плутарха и его „*Жизни Знаменитыхъ Людей*"; попытаюсь окончить портретъ.

Нужно ожидать, что въ практическомъ курсѣ морали * найдется мало соображеній политическаго свойства; и дѣйствительно, хотя эти знаменитые люди и не обладаютъ

* Чтобы это названіе соотвѣтствовало „*Жизнямъ Знаменитыхъ Людей*", нужно изъ нихъ выкинуть пять, въ которыхъ Плутархъ является только историкомъ; не такъ интересныя по сюжету, они еще менѣе привлекательны по слогу; одна изъ нихъ, жизнь Артаксеркса, кажется мнѣ даже недостойною его; это не болѣе какъ разсказы о злодѣяніяхъ и описанія казней; это ни для кого не интересно. Жизни Тезея и Ромула, можетъ быть, любопытныя Грекамъ и Римлянамъ, которые находили въ нихъ преданія своей исторіи, кажутся мнѣ чисто произведеніями эрудиціи. Жизни Гальбы и Оттона, за исключеніемъ одного превосходнаго мѣста, суть слабыя подражанія Тациту (я говорю подражанія, ибо на мой взглядъ подражатель—самый плохой писатель). Вообще, въ этихъ жизняхъ я не нахожу философіи; то, что онъ рисуетъ—не характеръ; не видно моральной цѣли.

ни единою добродѣтелью, ни единымъ порокомъ, которые не оказывали бы вліянія на судьбы міра, а изученіе характеровъ естественно наводитъ на размышленія о переворотахъ, какіе они повели за собою или обусловили, Плутархъ, всегда занятый обрисовкою индивидуумовъ, рѣдко говоритъ о народахъ, да и то мимоходомъ; по этой же причинѣ, величайшія событія не всегда останавливаютъ на себѣ его вниманіе; онъ избавляетъ насъ отъ этихъ войнъ, о которыхъ такъ пространно повѣствуетъ большинство историковъ. Поступки, слова, въ которыхъ выражается человѣкъ, которые могутъ опредѣлить его физіономію,—вотъ то, что онъ беретъ изъ жизни политической, вотъ то, чего онъ ищетъ въ тайнахъ частной жизни. Частная жизнь прежде всего составляетъ

для него предметъ изученія; въ ней-то онъ преимущественно показываетъ намъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, въ ней-то онъ и застигаетъ ихъ врасплохъ, когда они не приглажены съ намѣреніемъ показать себя. Едва ли есть зрѣлище, способное сильнѣе приковать къ себѣ; этихъ колоссовъ, такъ устрашавшихъ насъ въ исторіи, онъ низводитъ до ихъ настоящихъ размѣровъ, мы узнаемъ въ нихъ людей; наше удивленіе предъ ними часто блѣднѣетъ, но оно лучше обосновано, и уже ни безплодно болѣе, ни приводитъ въ уныніе.

Эти подробности частной жизни, столь интересныя, столь драгоцѣнныя при изученіи нравовъ, нерѣдко опускались, и должны были опускаться тѣми изъ древнихъ, которые писали исторію народовъ, а деликатность новѣйшихъ писателей оскорблялась ихъ низменностью. Плутархъ одинъ изъ всѣхъ писателей осмѣлился предложить намъ эти наивныя картины; вотъ что восхищало Монтескье; благодаря этому-же, главнымъ образомъ, онъ былъ человѣкомъ Монтэня.*

* См. Монтескье, Pensées diverses; Монтэнь, Essais, livre II, chapitre X; Руссо, Emile, livre IV.

„Плутархъ, говоритъ Руссо въ *Эмилѣ*, превосходенъ этими самыми подробностями, въ которыя мы уже не осмѣливаемся входить. У него неподражаемая грація изображать великихъ людей въ мелочахъ; и онъ такъ счастливъ въ выборѣ этихъ штриховъ, что часто одного слова, улыбки, жеста для него достаточно, чтобы охарактеризовать своего героя. Одной веселой шуткою Аннибалъ ободряетъ свою смущенную армію и заставляетъ ее смѣясь итти на битву, которая отдаетъ въ его руки Италію; Агезилай, верхомъ на палкѣ*, заставляетъ меня полюбить побѣдителя великаго царя; Цезарь, проѣзжающій бѣдной деревушкой и болтающій съ своими друзьями, обнаруживаетъ въ себѣ, вовсе не думая о томъ, пройдоху, желающаго быть ровнею только Помпею; Александръ смѣло проглатываетъ лекарство, не говоря ни слова; это—лучшій моментъ въ его жизни; Аристидъ пишетъ свое имя на рако-

* Агезилай, очень любившій своихъ дѣтей, участвовалъ обыкновенно въ ихъ играхъ; однажды его застали съ ними верхомъ на палкѣ.

винѣ, и такимъ образомъ оправдываетъ свое прозвище; Филопеменъ, снявши плащъ, рубитъ дрова на кухнѣ своего хозяина. Вотъ истинное искусство живописанія. Физіономія обнаруживается не въ широкихъ штрихахъ, а характеръ не въ великихъ дѣяніяхъ; природа раскрывается въ мелочахъ. Публичныя дѣла или слишкомъ обыкновенны, или слишкомъ искуственны, а почти исключительно на нихъ-то новѣйшая чопорность и дозволяетъ останавливаться авторамъ".

Не исключительно благодаря этому ложному приличію оригинальныя черты такъ рѣдки даже у великихъ историковъ; они хотятъ подчинить характеры единству; всѣ дѣйствія ихъ персонажей исходятъ изъ одного принципа, образуютъ, такъ сказать, систему; эти детали частной жизни, часто противорѣчащія жизни общественной, не всегда могли бы найти себѣ мѣсто въ такой системѣ; они предпочитаютъ лучше пожертвовать ими. Не такова манера Плутарха; онъ слишкомъ хорошо знаетъ человѣка, чтобы предполагать большую послѣдовательность въ его поступкахъ. Онъ не написалъ бы искуснаго діалога Силлы и Евкрата.

Далекій отъ стремленія подчинить единству этотъ подвижной и перемѣнчивый сюжетъ, онъ рисуетъ преимущественно моменты страсти, несчастія, когда души наиболѣе сильныя изнемогаютъ и смягчаются. Эти слабости образуютъ нерѣдко пикантный контрастъ съ характеромъ людей, отъ котораго онѣ уклонились. Въ моментъ убіенія Цезаря эпикуреецъ Кассій обращается шопотомъ къ статуѣ Помпея; Периклъ, заподозрѣнный въ невѣріи, позволяетъ, на смертномъ одрѣ, привязать къ своему тѣлу талисманъ; Силла, разграбившій Дельфійскій храмъ, въ минуту опасности проиграть сраженіе взываетъ къ небольшому изображенію Аполлона, которое онъ всегда носилъ на себѣ. Находятъ какое-то удовольствіе въ наблюденіи этихъ противорѣчій у необыкновенныхъ людей; это—возмездіе за человѣческую злобу.

Не всѣ слабости постыдны; въ числѣ ихъ есть такія, которыя намъ было бы желательно найти въ самыхъ прекрасныхъ жиз-

няхъ. Когда великій человѣкъ, повинуясь долгу, платитъ дань природѣ слезами, мы его столько же любимъ, сколько ему удивляемся, мы даже участвуемъ въ его умиленіи: трудно устоять противъ умиленія сильной души. Насъ глубоко трогаетъ, когда Кратезиклея, разставаясь съ Клеоменомъ, роняетъ нѣсколько слезъ и, извиняя ихъ себѣ, отираетъ слезы своего сына; точно также насъ трогаетъ, когда Катонъ умиляется, прося за своихъ друзей, и плачетъ въ первый разъ въ жизни. Слабость, за которую часто мы любимъ человѣка добродѣтельнаго, внушаетъ намъ состраданіе къ злому; иногда она доказываетъ, что душа его не умерла для добродѣтели. Намъ жалко Римскаго тирана, когда мы видимъ его въ отчаяніи вслѣдствіе печали и безмолвія народа, когда онъ удаляется къ себѣ, будучи не въ силахъ выносить народную ненависть, и когда, срывая съ себя одежды, онъ кричитъ друзьямъ, что готовъ добровольно отдать свою жизнь первому, кто захочетъ поразить его.

Эти черты, рисующія такъ живо или чело-

вѣка вообще, или различные характеры, не пополняются у Плутарха никакими разсужденіями. *Большая часть великихъ уроковъ морали, которые онъ намъ преподноситъ, заключается также въ простомъ пересказѣ событій; объясненія не послужили бы ни къ чему для тѣхъ, кто не въ состояніи былъ бы уловить философскаго наставленія въ фактахъ, такъ хорошо предъявленныхъ.* Иногда, впрочемъ, когда онъ хочетъ живѣе выставить какую-нибудь великую истину, онъ облекаетъ эти разсужденія въ остроумныя и драматическія формы: всякій знаетъ наизусть діалогъ Пирра и Кинеаса, такъ удачно переведенный Буало.

Цезарь и Помпей идутъ сразиться при Фарсалѣ; сигналъ поданъ, трубы протрубили аттаку:

„Многіе, говоритъ онъ, только и думали, что о своей побѣдѣ; но наиболѣе разумные Римляне и нѣкоторые изъ Грековъ, присутствовавшіе при сраженіи, видя, что приближается страшный моментъ, ясно усматривали, до какихъ крайностей довели римское госу-

дарство честолюбіе и упрямство двухъ мужей. То-же оружіе, тѣ-же значки, братственныя войска! Цвѣтъ отечества, и всѣ силы Рима шли для того, чтобы истребить другъ друга, и показать, какъ человѣческая природа, разъ она увлечена страстью, становится слѣпою и необузданною“.

Таковы размышленія, которыя Плутархъ не всегда высказываетъ, но которыя онъ внушаетъ въ каждой своей строкѣ; таковы уроки, которыми наполнена жизнь его героевъ. Едва ли найдется авторъ, дающій такую же обильную, такую же питательную пищу: одна мысль, одинъ фактъ часто содержатъ, если хорошо вникнуть въ нихъ, сколько угодно различныхъ наставленій. Мы хвалимъ писателя увлекательнаго, отъ котораго нельзя оторваться; Плутархъ обладаетъ другимъ достоинствомъ: онъ заставляетъ всякаго, кто читаетъ ради поученія, ежеминутно прерывать чтеніе, задумываться надъ прочитаннымъ.

Но если гдѣ онъ изобилуетъ великими уроками, если гдѣ внушаетъ великія и благо-

творныя мысли, такъ это главнымъ образомъ въ своемъ разсказѣ о высокихъ минутахъ смерти, увѣнчивающихъ эти прекрасныя жизни. Смерть, которую такъ тщательно изучалъ Монтэнь, принадлежитъ также къ числу сюжетовъ, которые и Плутархъ рисуетъ съ величайшею любовью. *Это — день-владыка; это—день суда всѣхъ другихъ дней* (Монтэнь). При надменности, можно еще съ достоинствомъ съиграть остальную часть пьесы; но рѣдко встрѣчается достойное сожалѣнія мужество лгать и въ тотъ моментъ, когда наступаетъ день суда: тутъ уже нѣтъ мѣста заботамъ о лицемѣріи ради пустыхъ похвалъ, которыя не придется слышать.

Эти сюжеты, столь поучительные, часто исполнены у Плутарха высокаго паѳоса. Незаслуженныя несчастія, переносимыя съ такою твердостью духа, трогаютъ наше сердце; презрѣніе, лишенное всякаго тщеславія, вполнѣ добровольное презрѣніе къ тому, чего страшится остальное человѣчество, увлекаетъ насъ, приводитъ насъ въ восхищеніе. Спокойствіе, въ виду вѣчной разлуки, без-

участность этихъ великихъ людей были бы подобны безстрастію самихъ боговъ, если бы они не имѣли жалости къ своимъ врагамъ. Они спокойно исполняютъ послѣдній долгъ дружбы; они примиряются даже съ природою въ томъ, чего она еще требуетъ отъ нихъ. Смерть не можетъ ни внушить имъ ужаса, ни лишить ихъ терпѣливости; и если иногда они предупреждаютъ моментъ, то это значитъ только, что, истощивъ надежду, они думаютъ, что наконецъ ихъ призываетъ иной міръ. Добродѣтельные Бруты, скажите намъ, неужели, когда бы вы, поднимая довѣрчивые взоры къ небу, оставляли бы поля при Филиппахъ, неужели вы не думали бы, что повинуетесь богамъ?

Бываютъ катастрофы гораздо болѣе ужасныя, несчастія гораздо болѣе плачевныя, ибо для нихъ нѣтъ утѣшенія, нѣтъ надежды. Добродѣтель въ себѣ самой имѣетъ противовѣсъ всѣмъ бѣдствіямъ; прошедшее и будущее одинаково улыбаются ей. Но если преступники извлекаютъ у насъ изъ глазъ слезы, то слезы эти бываютъ горьки, и наше со-

чувствіе къ нимъ бываетъ мучительно. Такимъ образомъ мы съ ужасомъ и съ состраданіемъ смотримъ на этого несчастнаго Цезаря, когда онъ бьется между сверкающими кинжалами, *какъ дикое животное, попавшее въ руки охотниковъ* (Жизнь Цезаря), и, наконецъ, замѣтя между ними своего друга Брута, закрываетъ себѣ голову и падаетъ, испуская духъ, къ подножію статуи Помпея. Такимъ же образомъ мы присутствуемъ у Плутарха и при трагической кончинѣ Антонія и Клеопатры, одномъ изъ самыхъ трогательныхъ сюжетовъ античнаго міра; эта компанія *умирающихъ вмѣстѣ* (συναποθνησκομενοι), эти праздники, прерываемые только приготовленіями къ смерти, раздирательная сцена на могилѣ, Клеопатра, надѣвающая діадему, чтобы навѣки угаснуть на своемъ погребальномъ ложѣ; тысячи ужасающихъ контрастовъ охватываютъ воображеніе и оставляютъ впечатлѣніе самое печальное, самое глубокое.

Изображая такъ часто несчастія и смерть, воспроизводя столько разъ зрѣлище добродѣтели, изнемогающей подъ ударами злопо-

лучія, Плутархъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ вѣрить, что человѣкъ имѣетъ надежду на нѣчто лучшее, нежели небытіе; менѣе убѣжденный въ безсмертіи души, онъ не имѣлъ бы мужества окончить свои „*Жизни*“. Но онъ былъ счастливъ вѣрою въ эту утѣшительную истину, и, благодаря этой вѣрѣ, книга его не такъ печальна, какъ произведеніе мрачнаго Тацита. Онъ недовольствуется даже тѣмъ, что сулитъ добродѣтели безсмертную жизнь; въ своемъ энтузіазмѣ къ ней, онъ возносилъ ее въ ущербъ богамъ:

„Непризнавать божественности добродѣ„тели было бы, безъ сомнѣнія, нечестиво и „неблагородно. Итакъ, придерживаясь осто„рожности, скажемъ съ Пиндаромъ:

«Нѣтъ тѣла, которое бы не умирало;
«Одна душа живетъ и послѣ смерти,
«Образъ вѣчности.»

„Душа приходитъ съ неба и туда же воз„вращается, не вмѣстѣ съ тѣломъ, но лишь „тогда, когда освободится отъ него, отдѣ„лится, сдѣлается совершенно чистою, свя„тою, безплотною; но надо думать, что души,

„украшенныя добродѣтелями и души вели„кихъ людей дѣлаются изъ людей *героями*, „изъ *героевъ*—*геніями*, наконецъ, изъ геніевъ, „если совершенно очистятся и просвѣтятся, „какъ бы посредствомъ посвященія въ таин„ства, и сбросятъ съ себя все смертное и „чувственное, онѣ возносятся къ богамъ, и „достигаютъ полноты счастія и блаженства“. (Жизнь Ромула).

Эти послѣдовательныя очищенія, заимствованныя изъ системы Платона, были во вкусѣ древнихъ; по ихъ мнѣнію, добродѣтель была безцѣнна.

Хотя въ этой выдержкѣ идея Плутарха о божественности, повидимому, и не такъ высока, какъ у многихъ другихъ философовъ древности, тѣмъ не менѣе онъ является однимъ изъ самыхъ религіозныхъ писателей. Боги появляются въ его разсказахъ на каждомъ шагу, особенно когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы помѣшать нагло пріобрѣтенному благополучію. Помпей, побѣдитель Митридата, вступалъ въ Италію знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ людей, и думалъ, что семейство

ожидаетъ его съ крайнимъ нетерпѣніемъ; „но „богъ, который къ самой блистательной бла„госклонности фортуны старается примѣшать „хоть сколько-нибудь зла, разставилъ ему „ковы въ собственномъ домѣ, подготовивъ „печальное возвращеніе“.

Даже добродѣтельные люди испытываютъ на себѣ удары этихъ суровыхъ боговъ, какъ скоро сердце ихъ на мгновеніе исполняется гордостью. Срывается гордое слово съ устъ Филопемена; его услышала *Немезида*, и герой, подобно почти побѣдившему атлету, падаетъ въ самомъ началѣ карьеры. Повидимому, Плутархъ боится, чтобы сами мы, возгордившись подобною славою и добродѣтелями, не забыли бы невидимой, но всегда наготовѣ стоящей силы.

Родившись въ отечествѣ басенъ, онъ придерживался религіи своихъ отцовъ, и даже былъ жрецомъ Аполлона, потому-то онъ подробно приводитъ всѣ оракулы, всѣ чудеса *; онъ хвалитъ Римлянъ за то, что

* Иногда эти разсказы, можно сказать, почти ребячливы. Марій, при входѣ къ Фаннію, изъ Минтурна, которому

авгуры пользовались у нихъ значеніемъ; онъ серьозно разсуждаетъ о томъ, родился-ли Аполлонъ въ Тегирѣ или въ Делосѣ, и склоняется въ пользу Тегира.

Въ древности мы находимъ множество примѣровъ поразительнаго легковѣрія; если ограничиться одними писателями, то Тацитъ вѣрилъ предсказаніямъ, Светоній приводитъ ихъ подробности. Все, что Цицеронъ считалъ ребяческими сказками, всему этому величайшіе люди эпохи императоровъ вѣрили, или, по крайней мѣрѣ, не отрицали этого. Печальная система фатализма, которой только и свойственны предсказанія и пророчества, казалось, завладѣла лучшими умами послѣ Тиберія; таковъ былъ еще одинъ изъ плодовъ тиранніи. Этимъ объясняется, почему величайшіе императоры занимались только настоящимъ, и не думали давать учрежденій этому несчастному Риму, не заботились объ

ввѣрена была его охрана, видитъ осла, *который смотрѣлъ на него весело и радостно* (προσβλεφας τῷ Μαμιω λαμυρον τε και γεγηθὲς.) Оселъ шелъ на водопой, и Марій заключилъ изъ этого, что скорѣе спасется на водѣ, чѣмъ на сушѣ. (Plut. è recensione Rualdi Lutetiae, anno 1624, стр. 428).

упроченіи благосостоянія имперіи далѣе предѣла своей жизни.

Не такъ послѣдовательный и болѣе счастливый, Плутархъ вѣрилъ оракуламъ, не вѣря въ фатализмъ; зачѣмъ бы нужно было давать образцы добродѣтели, еслибы всѣ наши дѣйствія были заранѣе опредѣлены? Въ *„Жизняхъ Знаменитыхъ Людей“* нѣтъ и слѣда этой безнадежной доктрины. Повидимому, чудеса такъ часто приводятся лишь для того, чтобъ содѣйствовать драматическому эффекту, сообщать поэтическую окраску разсказамъ, показывать намъ, что героевъ всегда защищаетъ божественная рука; нашъ авторъ язычникъ, но какъ Гомеръ.

При такихъ свѣтлыхъ воззрѣніяхъ нельзя было исповѣдовать дурную религію, не очищая ее; можно было быть легковѣрнымъ, но не суевѣрнымъ и не фанатикомъ. О суевѣріи Плутархъ упоминаетъ не иначе какъ съ отвращеніемъ. Одинъ изъ его трактатовъ посвященъ борьбѣ съ этою ужасною душевною болѣзнью. Онъ смотритъ на боговъ не иначе какъ на существа благодѣтельныя. Скорѣе

онъ отказался бы вѣрить въ нихъ, чѣмъ рѣшился бы оскорбить ихъ страхомъ предъ ними.

„Не Тифоны и не гиганты управляютъ „міромъ; имъ управляетъ отецъ боговъ и лю„дей. Вѣрить тому, чтобы были геніи охот„ники до убійства и крови, безъ сомнѣнія, „можетъ только безумный; но еслибъ они „существовали, то на нихъ слѣдовало бы „смотрѣть какъ на безсильныхъ, и пренебре„гать ими: существо столько же слабое какъ „и злое одно только и можетъ подлежать не„лѣпой и жестокой прихоти“. (Жизнь Тимо„леона).

Да и какъ могъ бы вѣрить въ боговъ жестокихъ и кровожадныхъ тотъ, кто въ своихъ твореніяхъ выказываетъ столько гуманности, столько состраданія къ несчастію? Тотъ, кто хочетъ, чтобы доброта наша простиралась и на животныхъ, кто, какъ самъ онъ говоритъ, не рѣшился бы продать стараго вола, который долго пахалъ его поле. Добрый наставникъ, добрый отецъ семейства, съ сердцемъ, исполненнымъ нѣжныхъ чувствъ,

онъ вѣритъ, *что человѣкъ одаренъ чувствомъ любви, какъ онъ одаренъ пониманіемъ и памятью*. (Жизнь Солона). Эта нѣжность души всецѣло запечатлѣна въ его произведеніяхъ: его сужденія о людяхъ снисходительны, а толкованія * ихъ дѣйствій рѣдко бываютъ неблагопріятны:

„Считая, говоритъ онъ, ошибки и проступки, вкравшіеся въ дѣянія великихъ мужей, по страсти-ли или по политической необходимости, скорѣе недостатками нашей добродѣтели, нежели злоумышленіями порока, мы не должны слишкомъ охотно и подробно изображать ихъ въ исторіи, но отчасти щадить человѣческую природу, которая не производитъ ничего прекраснаго совершеннымъ, и, въ отношеніи къ добродѣтели, никакого свойства безупречнымъ". (Жизнь Кимона).

Самыхъ злыхъ онъ жалѣетъ; онъ говоритъ о нихъ безъ озлобленія, и, повидимому, не столько ненавидитъ ихъ, сколько о нихъ сожалѣетъ; онъ порицаетъ историка, если онъ ругается надъ паденіемъ кого-либо изъ этихъ несчастныхъ.

* Онъ хвалитъ эту прекрасную процессію въ Элевзинѣ, которою Алкивіадъ хотѣлъ заставить забыть издѣвательство надъ статуями Гермеса.

Таково дѣйствіе этой мягкости и этой гуманности, что, не смотря на его любовь къ свободѣ, наводящія ужасъ доблести античнаго патріотизма подчасъ внушаютъ ему мало энтузіазма. Онъ сомнѣвается, слѣдуетъ-ли хвалить Брута за осужденіе имъ своихъ дѣтей; онъ вѣритъ, что мщеніе боговъ преслѣдовало всѣхъ, участвовавшихъ въ умерщвленіи Цезаря. Вы скажете, что въ этихъ страшныхъ жертвахъ онъ видѣлъ только кровь, которая текла. Было натурально, что тогда уже менѣе восхищались тѣмъ, чѣмъ уже совсѣмъ не пользовались; впрочемъ, какъ римская тираннія вездѣ стерла исключительныя учрежденія, души уже возвратились къ естественнымъ чувствамъ. Такимъ образомъ, Плутархъ, въ противность большинству древнихъ историковъ, свободенъ отъ всякихъ политиче-

скихъ страстей, не причастенъ ни къ какимъ соціальнымъ предразсудкамъ.

Но если побѣды патріотизма надъ природою подчасъ мало его трогаютъ, не думайте, чтобы онъ оставался холоденъ и безучастенъ и ко всякимъ высокимъ дѣяніямъ, великодушнымъ предпріятіямъ, внушаемымъ этимъ благороднымъ чувствомъ; они возбуждаютъ въ немъ движенія, исполненныя теплаго чувства: видно, что ему не хватало только отечества. Разсказавши о томъ, что Аратъ предложилъ свою золотую посуду, чтобы помочь освобожденію Коринѳа: „Какъ „же не удивляться, восклицаетъ онъ, вели„кодушію этого великаго мужа и какъ даже „въ наше время было бы не помочь ему, „видя, что онъ такою дорогою цѣною поку„паетъ такую великую опасность?“ Съ какимъ глубокимъ чувствомъ онъ оплакиваетъ несогласія Грековъ, которые отозвали Агезилая изъ Азіи, и „предоставили Александру „славу занять тронъ Дарія“. Съ какою благородною гордостью восторгается онъ битвою при Тегирѣ, одержанною Бэотійцами,

его соотечественниками, надъ Лакедемонянами:

„Сраженіе при Тегирѣ было первымъ, „которое показало Лакедемонянамъ и дру„гимъ Грекамъ, что не Эвротасъ и не про„странство, лежащее между Бабикомъ и Кна„кіономъ, производитъ мужественныхъ и твер„дыхъ воиновъ; но что тамъ, гдѣ родятся „юноши, стыдящіеся безчестія, гдѣ жертву„ютъ жизнью за то, что похвально, гдѣ „больше опасности боятся упрековъ: тамъ „воины бываютъ ужасны своимъ врагамъ“. (Жизнь Пелопида).

Эти немногія цитаты показываютъ, что у Плутарха, при случаѣ, нѣтъ недостатка ни въ теплотѣ, ни въ краснорѣчіи; когда онъ воодушевляется, изъ подъ пера его вырываются самыя удачныя выраженія; правда, что онъ рѣдко воодушевляется; разумъ не легко поддается страсти. Слогъ его спокоенъ, ровенъ, никогда не бываетъ стремителенъ; философія, управляющая душою, управляетъ также и слогомъ мудреца: она налагаетъ на него печать неподражаемаго спо-

койствія. Злой, духъ тревожный и страстный, часто можетъ быть краснорѣчивымъ; но онъ тщетно будетъ стремиться къ этому спокойствію: оно—грація добродѣтели; его рѣчь всегда будетъ прерывиста, безпокойна, если можно такъ сказать; можетъ быть, онъ напишетъ заговоръ Катилины; одинъ Плутархъ могъ создать *„Жизни Знаменитыхъ Людей“*.

Одна изъ этихъ жизней въ особенности замѣчательна этимъ характеромъ ровности и мягкости, вполнѣ гармонирующихъ съ предметомъ; это—жизнь Нумы: рѣдко встрѣтишь картину болѣе нѣжную, болѣе религіозную, нежели картина Рима подъ управленіемъ этого миролюбиваго царя; иногда мнѣ казалось, что я читаю божественнаго Телемака. Подобно городу Идоменея, Римъ своимъ примѣромъ смягчаетъ сосѣдніе народы; и по мѣрѣ того какъ любовь къ миру разливается по всей Италіи, въ сердца людей проникаетъ желаніе жить спокойно, воздѣлывая землю, безмятежно воспитывая своихъ дѣтей, служа богамъ и чтя ихъ;

вскорѣ повсюду мы видимъ только игры, празднества, жертвоприношенія и пиры. Народы посѣщаютъ другъ друга, смѣшиваются другъ съ другомъ безъ всякой боязни, ничего не опасаясь: такимъ образомъ, мудрость Нумы является какъ бы живымъ источникомъ благъ, освѣжающихъ и оплодотворяющихъ всю Италію.

Вещь довольно изумительная, какимъ образомъ въ вѣкъ упадка литературы, въ вѣкъ ума и напряженія, могъ явиться человѣкъ, сумѣвшій такъ изолироваться, напоминая естественностью и спокойствіемъ стиля Геродота и Ксенофонта; ибо онъ походитъ на своихъ современниковъ только энергіей и фигурностью оборотовъ; по спокойному и ровному изложенію, по словоохотливости и античной граціи—это Грекъ первыхъ вѣковъ. Какъ и всѣ великіе писатели Гомеровской школы, онъ подчасъ страдаетъ растянутостью, никогда, впрочемъ, не становясь ни холоднымъ, ни скучнымъ: подобно имъ, онъ не боится уклоняться отъ темы; но, оставаясь всегда хозяиномъ предмета, граціозно и легко возвращается къ ней.

Упрекали древнихъ за эти отступленія; говорили, что они слишкомъ медленно идутъ къ цѣли. Новые скорѣе нетерпѣливы; они не любятъ отступленій: не знаю, насколько они правы; но ихъ прямолинейность, такъ ими излюбленная, мнѣ кажется, слишкомъ стремительна; хотя и не такъ словообильные, они скорѣе утомляютъ, ибо никогда не даютъ отдыха. Новые стремятся къ особой, напередъ намѣченной цѣли; у древнихъ цѣль общѣе, къ ней ведутъ даже самыя ихъ отступленія, это—поученіе читателя. Нѣкоторыя изъ этихъ отступленій кажутся намъ скучными, въ особенности тѣ, гдѣ авторы останавливаются на религіозныхъ или политическихъ преданіяхъ древности, или же отыскиваютъ причины какого-нибудь физическаго явленія; но развѣ для насъ они писаны? Развѣ тогдашній патріотизмъ не долженъ былъ заставлять жадно искать первыхъ, а невѣжество—послѣднихъ? Въ особенности явленія природы, еще неразгаданныя философіей, возбуждали, какъ и всякая тайна, живое любопытство:

„Эти вещи и другія подобныя, говоритъ самъ Плутархъ, можетъ быть, скорѣе понравятся своею странностью, нежели оскорбятъ своею неправдоподобностью“. Безъ сомнѣнія, онъ зналъ вкусъ своихъ читателей.

Такимъ образомъ, онъ не боится усѣивать свой путь всѣмъ тѣмъ, что могла ему доставить его обширная память, и посредствомъ безчисленныхъ отступленій разнообразить сюжетъ и безъ того разнообразный по фактамъ. Тутъ вся древность не только съ своими героями, съ своими добродѣтелями и пороками, но и съ своей религіей, обычаями, мнѣніями, предразсудками, съ своей наукою и съ своимъ невѣжествомъ. Александръ вступаетъ въ Вавилонъ; этого достаточно, чтобы онъ предпринялъ изслѣдованіе о томъ, какъ въ этой странѣ образуется нефть; онъ замѣчаетъ, что въ арміи Албанцевъ, сражавшихся противъ Помпея, совсѣмъ не было амазонокъ, и онъ говоритъ намъ, гдѣ обитали амазонки; среди длинныхъ разсказовъ о битвахъ, онъ на минуту даетъ намъ отдыхъ

веселою картиною островов Блаженныхъ; описывая поле битвы, онъ изслѣдуетъ, не здѣсь-ли мѣсто рожденія Аполлона; и всѣ эти вещи связываются и сцѣпляются естественно, по мѣрѣ того какъ какой-нибудь фактъ, размышленіе, слово приводятъ ихъ на память историку, причемъ никогда разнообразіе матеріала не нарушаетъ единства сюжета, никогда обширная эрудиція не охлаждаетъ воображенія писателя.

Въ самомъ дѣлѣ, если его разсказъ идетъ медленно, онъ, взамѣнъ этого, отличается удивительною живостью въ деталяхъ; и всякій разъ, какъ сюжетъ становится драматичнымъ, онъ отъ простаго и безъискусственнаго стиля возвышается до высочайшей степени краснорѣчія; переходъ такъ натураленъ, что его замѣчаешь не прежде, какъ когда придешь въ гармонію съ чувствомъ писателя. Въ своихъ разсказахъ онъ не такъ величественъ, не такъ импонируетъ, какъ Тацитъ; его память обширна, но не такъ велика; въ его повѣствованіе совсѣмъ не примѣшано высокихъ и глубокихъ мыслей;

онъ менѣе мыслитель, за то, можетъ быть, болѣе яркій художникъ; въ особенности, въ его разсказахъ есть нѣкоторыя обстоятельства совершенно простыя, совершенно натуральныя, но ихъ эффектъ такъ поразителенъ, такъ неожиданъ, что вполнѣ овладѣваетъ читателемъ, а свидѣтеля самаго дѣйствія заставилъ бы плакать, содрогаться.

Смерть Гальбы, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ удивительныхъ картинъ Тацита, одна изъ тѣхъ картинъ, при которыхъ всего больше раздѣляешь чувство, вдохновлявшее писателя: вмѣстѣ съ нимъ презираешь, питаешь омерзѣніе къ этой подлой черни, къ этимъ восклицаніямъ безъ всякой любви, и къ этой жестокости безъ всякой ненависти; содрогаешься, когда эти солдаты-убійцы бросаются съ обнаженными саблями на площадь, топчутъ лошадями сенатъ и народъ, причемъ ни видъ Капитолія, ни уваженіе къ другимъ храмамъ, возвышавшимся на форумѣ, не могли помѣшать имъ совершить преступленіе, всегда наказуемое первымъ, кто завладѣетъ трономъ. Но латинскій историкъ,

болѣе занятый Римомъ, чѣмъ императоромъ, вкратцѣ разсказываетъ объ умерщвленіи Гальбы: это — моментъ, который долженъ былъ схватить біографъ; его-то и рисуетъ онъ съ ужасающею живостью:

„Убійца не могъ ухватить рукою эту лы„сую голову; онъ воткнулъ ее на остріе „копья, и подобно бѣшенымъ вакханкамъ, „пошелъ, потрясая и махая лицомъ этого „бѣднаго старика, верховнаго жреца и кон„сула, а вдоль всего копья стекала каплями „кровь“.

Часто великіе сюжеты увлекаютъ его самого; онъ становится поэтомъ; онъ рисуетъ всѣ подробности. Рѣчь идетъ о сраженіи, онъ описываетъ доспѣхи своего героя; онъ ободряетъ его оракулами, сопровождаетъ его въ схваткахъ, и окружаетъ счастливыми предзнаменованіями; ибо боги, неупустительно, всегда принимаютъ участіе въ дѣлѣ; въ эти-то моменты легкой вѣры умножаются чудеса: при Арбеллахъ орелъ леталъ надъ головою Александра; Фарсальская побѣда была извѣстна въ Италіи въ то самое время

какъ была одержана въ Греціи; въ ту самую ночь, которая предшествовала дню, когда Антонію предстояло сдѣлать безполезныя усилія къ защитѣ Александріи, своего послѣдняго убѣжища, около полуночи былъ слышенъ шумъ музыки и крики огромной толпы; это были какъ бы хоры вакханалій и танцы сатировъ; танцы и хоры проходили по городу, и, направляясь къ лагерю Цезаря, возвѣщали этимъ, что боги переходили на сторону побѣдителя.

Эти удивительные разсказы, какъ и у всѣхъ древнихъ историковъ, перемѣшаны съ рѣчами. У Плутарха онѣ кратки, рѣдки, всегда естественны и краснорѣчивы. Когда онъ заставляетъ говорить своихъ актеровъ, видно, что ему самому нужно облегчить душу отъ глубокаго чувства. Нерѣдко это урокъ, который въ устахъ великой и добродѣтельной личности пріобрѣтаетъ бо́льшую силу и важность; но почти всегда это—патетическое движеніе, разряжающееся въ трогательномъ положеніи, дающее выходъ чувствамъ, возбужденнымъ разсказомъ, и завершающее

эмоцію. Навертываются слезы умиленія, когда читаешь, какъ Діонъ, голосомъ, подавленнымъ печалью, проситъ съ такимъ благородствомъ за свое отечество, которое его изгнало; или какъ Хелонида, только-что возвратившись изъ изгнанія, въ которое она послѣдовала за своимъ отцомъ, молитъ его за своего мужа, дрожащаго у подножія алтарей, и какъ она, показывая на свои траурныя одежды и на распущенные волосы, восклицаетъ:

„Отецъ мой, не жалость къ Клеомброту „облекла меня въ эти одежды, придала мнѣ „этотъ печальный видъ — нѣтъ! это слезы „прежней моей горести о твоихъ бѣдствіяхъ, „о твоемъ изгнаніи; слѣды эти и теперь остаются на мнѣ“. (Жизнь Агиса).

Онъ обладалъ не только воображеніемъ, вдохновляющимъ великаго писателя этими драматическими концепціями; но и инаго рода воображеніемъ, роль котораго просто облекать мысль въ живую и удачную метафорическую форму; за эту живописную и смѣлую манеру рисовать свои идеи онъ

достоинъ мѣста непосредственно за Монтенемъ: она у него до безконечности разнообразна; и если рѣже встрѣчается въ „Жизняхъ“, чѣмъ въ Moralia, то просто потому, что рѣже встрѣчался подходящій случай.

Всякій разъ какъ онъ пораженъ какимъ либо образомъ, или охваченъ какимъ либо чувствомъ или внезапною мыслью, выраженіе ихъ является сильнымъ и блестящимъ.

„Когда Діонисій прибылъ въ Коринѳъ, „не было ни одного Грека, который не по„шелъ бы его смотрѣть: одни шли изъ со„страданія къ нему, другіе изъ ненависти, „какъ бы для того чтобы бросить его къ „своимъ ногамъ, его, кого счастіе и безъ „того повергло на землю“. *

Иногда онъ фигураленъ какъ поэты:

„Когда Деметрій приготовлялся къ сраже„нію, онъ забывалъ всѣ удовольствія, на „его копьѣ уже не было плюща“. **

Почти всегда онъ развиваетъ мысль при помощи простыхъ и безъискусственныхъ, но удивительно энергичныхъ сравненій:

* Стр. 242.
** Стр. 946.

„Увидя лакедемонскую фалангу, вы ска-
„зали бы, что это—тѣло смѣлаго животнаго,
„которое ощетинилось, чтобъ сразиться“.*

Гдѣ нѣтъ надобности живописать, онъ довольствуется остроуміемъ:

„Что касается недостатковъ Перикла, не
„будемъ слушать этого поэта Іона, который
„хотѣлъ бы, чтобы добродѣтель, подобно
„одной изъ нашихъ трагедій, имѣла и са-
тирическую сторону“. **

Плутархъ, *** который писалъ небрежно подъ диктовку такого живаго воображенія, долженъ былъ подчасъ впадать въ дурной вкусъ. Его метафоры иногда необдуманны, утрированы; онъ сгибается подъ давленіемъ самой своей силы; но эти недостатки встрѣчаются рѣдко. Прибавьте, что если иногда онъ изысканъ, за то никогда не бываетъ

* Стр. 329.

** Стр. 154.

*** Я не могу не привести здѣсь одного мѣста, не менѣе замѣчательнаго, но которое я не отваживаюсь перевести. Онъ пытается извинить мотовство Лукулла: ὑβριστικῶς εχρῆτο τῷ πλούτῳ καθαπερ ὄντως αιχμαλώτῳ και βαρβαρῳ, Стр. 519.

претензіозенъ, что въ этой изысканности всегда замѣтно вліяніе небрежности, и что, далекая отъ всякой претензіозности, она нисколько не лишаетъ его стиль наивности.

Небрежность, этотъ недостатокъ, или, если хотите, это качество, придающее его произведеніямъ пріятность разговора, особенно поразительна формою фразы; едва ли есть что-нибудь такъ необработанное; а это то и дозволяетъ читать его подолгу, безъ всякаго утомленія. Тѣмъ не менѣе, фразы его длинны; но онѣ отрывочны, и какъ бы сшиты вмѣстѣ изъ нѣсколькихъ фразъ; онѣ удлинняются, по мѣрѣ того какъ растягиваются его мысли: часто даже онъ бросаетъ одну конструкцію и начинаетъ другую; всецѣло занятый мыслями, онъ не обращаетъ вниманія на слова; отъ этого его стиль не такъ послѣдователенъ, за то весьма подвиженъ. Если онъ пренебрегаетъ гармоніей, обусловливаемой числомъ и каданцемъ, гармоніей ораторовъ, за то часто вы найдете у него гармонію, состоящую въ живописаніи посредствомъ звука, болѣе свойственную поэ-

тамъ. Послѣднею, которая гораздо натуральнѣе первой, Плутархъ пользуется часто. Посмотрите, въ Жизни Цезаря, какими печальными звуками рисуетъ онъ начало междоусобной войны: „широкія ворота войны раст„ворились; законы отечества были ниспро„вергнуты, равно какъ были нарушены и „его границы; всеобщій страхъ; граждане, „города, приведенные въ ужасъ, обращались „въ бѣгство по всей Италіи“.

Читая оригиналъ, мы слышимъ какъ бы шумъ потока.

Разсмотрѣвъ Плутарха какъ философа и какъ писателя, обратимся къ нему какъ къ историку, въ тѣсномъ смыслѣ слова; мы найдемъ, что и здѣсь онъ не менѣе привлекателенъ. У него масса анекдотовъ, любопытныхъ частностей, особенно этихъ деталей относительно нравовъ, сообщающихъ мѣстный колоритъ разсказу, и раскрывающихъ оригинальный характеръ народа лучше, нежели это могли бы сдѣлать великія событія, всегда такъ однообразныя въ исторіи; иногда, рисуя человѣка, онъ мимоходомъ знакомитъ насъ съ народомъ.

Если бы мы не знали, чѣмъ была Лакедемонія, развѣ мы не разгадали бы этой удивительной республики, читая, что Агезилай былъ присужденъ эфорами къ штрафу, „за то, что онъ привлекалъ къ себѣ „сердца всѣхъ согражданъ“. Не узнаемъ-ли мы это ревнивое отечество по одному этому штриху?

Нигдѣ мы не встрѣчаемъ у Плутарха похвалъ тому тонкому чувству приличія, которымъ въ древности отличались одни Аѳины; онъ передаетъ только фактъ: во всѣхъ подозрительныхъ домахъ отыскивали Гарпала; пощадили только домъ одного оратора, который только что женился и ввелъ въ свой домъ молодую жену.

Одной черты ему достаточно, чтобы охарактеризовать древнихъ Римлянъ: Камиллъ обѣщалъ десятую часть добычи отъ Вейевъ; городъ былъ разграбленъ, и трудно было сдержать обѣщаніе; Сенатъ, довѣряя честности гражданъ, повелѣлъ, чтобы каждый принесъ десятую часть того, что онъ взялъ.

Эти добродѣтели исчезли не скоро: во

времена Пуническихъ войнъ 16 родичей знаменитой фамиліи Эліевъ жили вмѣстѣ въ одномъ домѣ, съ женами и со множествомъ дѣтей: небольшое поле составляло все ихъ богатство. Изъ ихъ семьи Павелъ-Эмилій, дважды бывшій консуломъ, выбралъ себѣ зятя, и никогда достойная дочь побѣдителя Персея не стыдилась бѣдности своего мужа. Первая серебряная вещь, которую увидали въ домѣ Эліевъ, была серебряная чаша вѣсомъ въ 5 литръ: Павелъ-Эмилій наградилъ ею храбрость своего зятя; „и то, говоритъ Плутархъ, вошла она въ честь и въ награду за добродѣтель; прежде этого ни мужья, ни жены ихъ не хотѣли имѣть у себя ничего ни золотаго, ни серебрянаго". (Жизнь Павла-Эмилія).

Кромѣ этихъ подробностей о нравахъ, настолько же полезныхъ, насколько интересныхъ, Жизни Знаменитыхъ Людей содержатъ еще тысячи любопытныхъ частностей касательно гражданскихъ, военныхъ и религіозныхъ обычаевъ этихъ, такъ отдаленныхъ отъ насъ, народовъ. Мы читаемъ у него, что у

Парѳянъ, славившихся легкостью своей конницы, были также солдаты, вооруженные почти такъ, какъ наши древніе рыцари; они были обременены такими тяжелыми кирасами, что, упавши, не могли уже подняться на ноги. Съ удивленіемъ мы встрѣчаемъ у него, что римскій консулъ, во время луперкалій, бѣгалъ совершенно голый съ римскою молодежью. Плутархъ не прибавляетъ къ этому никакихъ замѣчаній. Цицеронъ, упоминая объ этомъ обычаѣ во второй филиппикѣ, не дѣлаетъ упрека Антонію *.

Въ твореніи, столь интересномъ въ историческомъ отношеніи, гдѣ, впрочемъ, исторія служитъ подспорьемъ философіи, не будетъ-ли мелочностью указаніе нѣкоторыхъ неточностей? Впрочемъ, я долженъ замѣтить, что въ Жизняхъ Римлянъ онъ часто противорѣчитъ самымъ солиднымъ авторамъ. Такъ,

* Въ тотъ моментъ, когда Антоній приближается къ креслу Цезаря, чтобы вручить ему діадему, онъ говоритъ: Ita lupercus esse debebas ut te consulem esse meminisses. Это слово, сказанное такимъ образомъ, означаетъ только, что онъ не долженъ былъ пользоваться безуміемъ этого праздника ради акта, не пристойнаго консулу.

онъ считаетъ легіонъ въ правленіе Ромула (стр. 30 уже цитированнаго изданія) въ 6,000 пѣхотинцевъ и 600 всадниковъ: утверждение неправдоподобное, да и противорѣчащее Титу-Ливію, по которому численность легіона была доведена до 10,000 пѣхоты и 300 конницы только во время Македонской войны. Онъ утверждаетъ, что годъ въ 12 мѣсяцевъ установленъ былъ Ромуломъ (стр. 72); здѣсь онъ противорѣчитъ Титу-Ливію и Овидію, которые приписываютъ поправку Нумѣ. К. Гракхъ (стр. 837) совсѣмъ не раздѣлялъ, какъ онъ увѣряетъ, судейской власти между сенаторами и всадниками; онъ цѣликомъ передалъ ее въ руки этихъ послѣднихъ. (Velleius, libro II, Cicero in Verrem. Appianus, libro primo Belli Civilis). Безъ сомнѣнія, эти ошибки, и нѣкоторыя другія, которыя отыскать не трудно, не имѣютъ большаго значенія въ произведеніи, посвященномъ морали, гдѣ истина фактовъ имѣетъ только второстепенный интересъ. Впрочемъ, мы не должны быть строгими къ Греку, которому римскій языкъ былъ почти незнакомъ; ибо онъ самъ говоритъ, что онъ узналъ его поздно и несовершенно, хотя на немъ говорили повсемѣстно, и даже въ провинціяхъ отправляли правосудіе на латинскомъ языкѣ.

Это извѣстіе—изъ числа тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя Плутархъ передалъ намъ о самомъ себѣ. Однако же, по свидѣтельству одного древняго писателя (Eunapius, De vitis philos. et sophist., in proemio), вся его жизнь—цѣликомъ въ его твореніяхъ, а потому-то мы еще болѣе должны сожалѣть, что затеряна половина того, что онъ написалъ. Изъ того, что намъ осталось отъ него, видно, что онъ родился въ Херонеѣ, небольшомъ Бэотійскомъ городкѣ (вѣроятно, въ правленіе Калигулы либо Клавдія); что онъ слушалъ философа Аммонія, когда Неронъ находился въ Греціи (60-й годъ до Р. Х. περι του εν Δελφοις, 385). Къ какой сектѣ принадлежалъ онъ? Онъ самъ говоритъ намъ, что онъ былъ Академикомъ; но еслибы онъ даже и не повѣдалъ объ этомъ, то мы увидали бы это изъ его твореній (περι του εν Δελφοις, 387).

Философія, которая должна была обезсмертить Плутарха, прославила его еще при жизни: скоро сдѣлавшись извѣстнымъ въ Греціи, онъ отправился искать болѣе широкаго поприща и прибылъ въ Римъ; здѣсь онъ собралъ вокругъ себя громадную толпу знаменитыхъ людей, и въ числѣ своихъ поклонниковъ могъ указать на великодушнаго Арулена Рустика, который въ царствованіе Нерона просилъ Тразею, обвиненнаго, позволить ему воспротивиться обвиненію въ качествѣ трибуна, т. е. умереть вмѣстѣ съ нимъ.

Во время своего пребыванія въ Римѣ совершилъ Плутархъ свое величайшее дѣло, воспитавъ Траяна *, и однимъ этимъ завоевалъ себѣ мѣсто въ числѣ благодѣтелей человѣчества. Тотъ, кто продолжалъ трудиться для счастія человѣчества, добрый Антонинъ, отецъ божественнаго Марка Ав-

* Меня огорчаетъ, что это мнѣніе находится только у писателей не слишкомъ отдаленной древности: они сохранили также на латинскомъ языкѣ мнимое письмо Плутарха къ Траяну, которое кажется мнѣ произведеніемъ какого-нибудь декламатора.

релія, былъ воспитанъ внукомъ Плутарха, ораторомъ Фронтономъ (Suidas, in lexico).

Когда Траянъ былъ императоромъ, онъ назначилъ Плутарха консуломъ и послалъ его въ Иллирію, давъ ему власть выше всѣхъ должностныхъ лицъ (in Suida). Но впослѣдствіи, изъ опасенія, какъ говоритъ онъ, чтобы его отечество, и безъ того такъ малое, не сдѣлалось бы еще меньше отъ его отсутствія, онъ вернулся домой и долго занималъ на родинѣ первую должностную роль. То немногое, что извѣстно о его частной жизни, дѣлаетъ ему не меньше чести. Этотъ великій мужъ, повидимому, былъ превосходнымъ человѣкомъ; онъ нѣжно любилъ жену; онъ восхваляетъ ее въ одномъ изъ своихъ твореній: одинъ изъ своихъ трактатовъ онъ написалъ ей въ утѣшеніе, когда они потеряли одну изъ своихъ дочерей еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Философія его была уже испытана потерею двухъ сыновей; у него осталось только два сына, которые его пережили: всѣ ихъ дѣти получили домашнее воспитаніе въ родительскомъ домѣ: ихъ воспитывали отецъ и мать (παραμυθικός, стр. 608).

О братѣ своемъ онъ говоритъ съ дружеской нѣжностью: „Изъ всѣхъ благодѣяній судьбы, говоритъ онъ, я всего болѣе благодаренъ за дружбу своего брата Тимона“. Многія изъ его произведеній посвящены его друзьямъ.

Такой человѣкъ долженъ былъ любить свое отечество; онъ написалъ книгу въ опроверженіе Геродота, который недостаточно почтительно говорилъ о Херонеѣ (περι κακοηθεια Ηροδοτου). Онъ описалъ жизнь Лукулла потому, что нѣкогда онъ спасъ Херонею (Vita Cimonis initio), и тонъ этого произведенія кажется черезчуръ проникнутъ этою признательностью.

АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ.

(Отъ 356 до 324 до Р. Х.).

Излагая въ этой книгѣ жизнь царя Александра и Цезаря, побѣдившаго Помпея, я вижу предъ собою такое множество событій, что все предисловіе мое ограничу только одною просьбою къ читателю: не винить меня за то, что передамъ не все, и даже изъ знаменитыхъ дѣяній о многихъ разскажу только вкратцѣ, а о большей части и совсѣмъ умолчу. Вѣдь я пишу не исторію, а біографіи. Притомъ же и въ самыхъ блестящихъ дѣлахъ не всегда проявляется нравственное

достоинство или недостоинство человѣка: въ незначущемъ поступкѣ, въ мимолетномъ словѣ и шуткѣ характеръ выступаетъ часто яснѣе, чѣмъ въ большихъ сраженіяхъ, сгубившихъ тысячи людей, и въ продолжительныхъ осадахъ. Какъ живописецъ, чтобы получить схожій портретъ, все вниманіе свое сосредоточиваетъ на лицѣ и характерныхъ чертахъ физіономіи, касаясь всего остального только слегка, такъ и я буду, главнымъ образомъ, проникать въ черты души и по нимъ уже возсоздавать жизнь человѣка, предоставляя другимъ описывать сраженія и внѣшнее величіе.

Къ числу неоспоримыхъ фактовъ принадлежитъ то, что, съ одной стороны, Александръ, происходя по отцу отъ Карана, былъ Гераклидомъ, а съ другой, происходя по матери отъ Неоптолема, былъ Эакидомъ *. Разсказываютъ, что отецъ его, Филиппъ, въ

* Гераклиды—потомки Геракла или Геркулеса, знаменитаго героя баснословныхъ временъ въ исторіи Греціи. Къ числу ихъ принадлежалъ и Каранъ, выведшій изъ Греціи

одно время съ Олимпіей былъ посвященъ въ Самоѳракійскія таинства *. Еще молодымъ человѣкомъ онъ полюбилъ дѣвушку, уже потерявшую своихъ родителей, и съ согласія ея брата Аримбаса вступилъ съ нею въ бракъ. Въ ночь передъ свадьбой невѣста видѣла сонъ. Ей приснилось, что, вслѣдъ за страшнымъ ударомъ грома, молнія проникла ей въ тѣло; изъ образовавшейся раны вспыхнуло яркое пламя и, раздѣлившись на множество огней, разлетѣлось во всѣ стороны. Спустя нѣкоторое время послѣ бракосочетанія, Филиппу снилось, что онъ самъ прижималъ къ груди супруги перстень съ печатью. На этомъ перстнѣ, какъ ему казалось, было вырѣзано изображеніе льва. Боль-

колонію, которая водворилась въ Македоніи и изъ которой образовалось впослѣдствіи Македонское царство.—Неоптолемъ—сынъ, Эакъ—дѣдъ Ахилла, знаменитаго героя Троянской войны.

* Уже съ древнѣйшихъ временъ въ разныхъ мѣстахъ Греціи совершались таинственные обряды, въ исполненіи которыхъ участвовали только посвященные. Самоѳракія—островъ въ сѣверной части Эгейскаго моря.

шинство предсказателей думало, что этотъ сонъ даетъ поводъ къ сомнѣніямъ насчетъ вѣрности Олимпіи и что Филиппъ долженъ имѣть надъ ней болѣе тщательный надзоръ. Но Аристандръ Телмисскій * утверждалъ, что этотъ сонъ означалъ только, что царица беременна, ибо не принято запечатывать то, что ничего въ себѣ не содержитъ, и должна ожидать ребенка, одареннаго львинымъ мужествомъ. Разъ видѣли змѣю, которая, растянувшись во всю длину, лежала рядомъ со спящей Олимпіей. Говорятъ, что послѣ того Филиппъ охладѣлъ въ своей любви и нѣжности къ супругѣ, и сталъ рѣже приходить спать съ ней въ одной комнатѣ. Можетъ быть, онъ опасался какихъ-либо чаръ или отравы со стороны своей жены, а можетъ быть, избѣгалъ ея и потому, что считалъ ее въ связи съ высшимъ существомъ.

Но объ этомъ есть и другое преданіе. Всѣ македоняне съ весьма древнихъ временъ

* Телмиссъ—городъ въ Ликіи, составлявшей западную часть южнаго берега Малой Азіи.

оказываются посвященными въ таинства, совершаемыя во время орфическихъ и вакхическихъ празднествъ *, почему и называются Клодонами и Мималонами **, и много у нихъ религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ, почти совершенно сходныхъ съ тѣми, которые существуютъ у женщинъ Эдоніи и Ѳракіи, живущихъ въ окрестностяхъ Гемуса ***. Отъ этихъ обрядовъ произошло, повидимому, и греческое слово, обозначающее богослуженіе, сопряженное съ странными и суевѣрными обрядами. Олимпія, которая любила приводить себя въ состояніе вдохновенной восторженности, чтобы придать этимъ торжествамъ болѣе варварскій характеръ, на священныя пляски брала съ собой большихъ ручныхъ змѣй, которыя часто, выползая изъ

* Въ честь Бахуса, бога вина и веселья, совершались празднества, соединявшіяся съ различными таинственными, отчасти безнравственными обрядами. Одновременно совершались и таинства орфическія, установленіе которыхъ приписывалось Орфею, знаменитому поэту баснословныхъ временъ Греціи.

** Такъ Македоняне называли вакханокъ.

*** Древнее названіе Балканскихъ горъ.

плюща и изъ священныхъ корзинъ, обвивались кругомъ тирсовъ * и вѣнковъ женщинъ, конечно, къ великому ужасу мужчинъ.

Сказаніе гласитъ, что послѣ видѣннаго имъ сна, Филиппъ послалъ Херона Мегалопольскаго ** въ Дельфы, и Херонъ, возвратясь, передалъ Филиппу повелѣніе оракула приносить жертвы Юпитеру Аммону и оказывать этому богу особое почитаніе. Сказываютъ также, что Филиппъ лишился глаза, когда смотря въ дверную щель, увидалъ, что этотъ богъ, въ видѣ змѣи, покоился рядомъ съ его женой ***. По словамъ Эратосѳена ****, Олимпія, отпуская разъ сына въ походъ, открыла ему тайну его происхожденія и на-

* Тирсами назывались палочки съ еловыми шишками, обвитыя плющемъ и виноградомъ; ихъ носили въ правой рукѣ женщины, участвовавшія въ вакхическихъ процессіяхъ.

** Мегалополь—городъ въ Аркадіи, въ срединѣ Пелопонеза.

*** Филиппъ былъ раненъ стрѣлой въ глазъ при осадѣ одного Ѳракійскаго города.

**** Знаменитаго греческаго географа, жившаго въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х.

казывала вести себя съ гордостью, приличною его рожденію. Другіе же утверждаютъ, что она отрицала все это и часто говорила: „неужели Александръ не перестанетъ никогда вредить мнѣ въ глазахъ Юноны“.

Александръ родился въ началѣ мѣсяца Гекатомбеона * и притомъ 6-го числа, т. е. въ тотъ самый день, когда сгорѣлъ храмъ Діаны въ Ефесѣ. По этому поводу Гегезій изъ Магнезіи ** позволилъ себѣ восклицаніе, настолько холодное, что имъ можно бы было потушить этотъ пожаръ. „Неудивительно, что храмъ подожгли“, сказалъ онъ: „вѣдь въ этотъ день Діана принимала новорожденнаго Александра. Всѣ маги, находившіеся тогда въ Ефесѣ, смотрѣли на гибель храма, какъ на предзнаменованіе новаго несчастія. Они бѣгали по всюду и, ударяя себя въ лицо, кричали: „Въ этотъ день родился будущій бичъ Азіи, который принесетъ ей великія бѣдствія“.

* Гекатомбеонъ соотвѣтствуетъ нашему іюню.

** Философъ, жившій при Птоломеѣ Лагѣ въ Египтѣ (323—289 до Р. Х.).

Въ это же время къ Филиппу, только-что овладѣвшему Потидеей, * пришли разомъ три извѣстія: первое, что Парменіонъ нанесъ сильное пораженіе Иллирійцамъ; второе, что одна изъ скаковыхъ лошадей Филиппа выиграла призъ на Олимпійскихъ играхъ, и третье, что родился Александръ. Вполнѣ понятная радость Филиппа при полученіи этихъ вѣстей увеличилась еще предсказаніями гадателей, что сынъ его, рожденіе котораго совпадало съ тремя побѣдами, будетъ самъ впослѣдствіи непобѣдимъ.

Наружность Александра нигдѣ такъ хорошо не схвачена, какъ въ изваяніяхъ Лизиппа, которому одному онъ позволялъ изображать себя. Многіе изъ бывшихъ послѣ него художниковъ и друзей старались подражать ему, но никто изъ нихъ не могъ такъ вѣрно передать легкое наклоненіе шеи

* Между Македоніей и древней Ѳракіей (нынѣ Румеліей) выдается въ Эгейское море Халкедонскій полуостровъ. На югѣ онъ развѣтвляется на три узкихъ полуострова, изъ которыхъ самый западный назывался Паллене. На этомъ послѣднемъ и находился городъ Потидея.

влѣво и проницательность его глазъ. Апеллесъ, изобразивъ его въ видѣ Юпитера, вооруженнаго перунами, не могъ передать цвѣта его лица, который выходилъ у него темнѣй.

У Александра былъ бѣлый цвѣтъ кожи съ легкой краснотой въ лицѣ и у груди. Въ запискахъ Аристоксена * говорится, что кожа Александра издавала пріятный запахъ, что изъ его рта и изъ всего тѣла исходило особенное благовоніе, сообщавшееся даже одеждѣ. Это явленіе происходило, быть можетъ, отъ слишкомъ высокой температуры его тѣла, потому что, по мнѣнію Теофраста**, пріятный запахъ происходитъ отъ раствоpенія влаги теплотой. По этой самой причинѣ лучшія благовонныя растенія въ наибольшемъ числѣ водятся въ странахъ сухихъ и жаркихъ, гдѣ солнце вытягиваетъ влагу,

* Аристоксенъ Тарентскій, одинъ изъ учениковъ Аристотеля, учившій въ Аѳинахъ во 2-й половинѣ IV вѣка.

** Теофрастъ, философъ, родился въ 372 году, умеръ въ 287 г.

пребывающую въ тѣлахъ и составляющую въ нихъ начальную причину гніенія. Высокой-же температурой тѣла объясняется наклонность Александра къ вину и его чрезмѣрная раздражительность. При всей своей горячности онъ еще въ дѣтствѣ обнаруживалъ замѣчательную умѣренность и равнодушіе къ тѣлеснымъ наслажденіямъ; въ этомъ же возрастѣ славолюбіе соединялъ онъ съ серьезнымъ и возвышеннымъ не по лѣтамъ направленіемъ мыслей. Онъ любилъ славу; но не всякаго рода славу, какъ отецъ его Филиппъ, который, какъ любой софистъ, гордился своимъ краснорѣчіемъ и побѣды своихъ колесницъ на Олимпійскихъ играхъ изображалъ на монетахъ. Однажды его друзья, намекая на то, что онъ скоро бѣгаетъ, спросили у него, не пожелаетъ ли онъ состязаться въ бѣгѣ на Олимпійскихъ играхъ. „Да, отвѣчалъ Александръ, если моими соперниками будутъ цари“. Вообще онъ не любилъ атлетовъ и, часто устраивая состязанія для трагиковъ, для играющихъ на духовыхъ и струнныхъ инструментахъ, даже для рапсо-

довъ *, устраивая всякаго рода примѣрныя сраженія и звѣриныя травли, онъ неохотно потѣшалъ себя борьбой или кулачными боями.

Однажды, въ отсутствіе Филиппа, Александръ принималъ персидскихъ пословъ. Проводя постоянно время въ ихъ обществѣ, онъ имъ понравился своею привѣтливостью и разумными вопросами, не заключавшими въ себѣ ничего дѣтскаго и пустого. Онъ разспрашивалъ ихъ о длинѣ дорогъ, о способахъ передвиженія во внутренней Азіи, о самомъ царѣ, каковъ онъ на войнѣ и какъ велика сила и могущество Персовъ. Послы дивились, и столь прославленныя способности Филиппа показались имъ ничтожными сравнительно съ высокимъ умомъ и даровитостью его сына. Когда же приходило извѣстіе о взятіи Филиппомъ какого-нибудь города, или объ одержанной имъ славной побѣдѣ, Александръ вовсе не радовался и говорилъ своимъ сверстникамъ: „Товарищи! отецъ мой все завою-

* Рапсоды—странствующіе пѣвцы.

етъ и мнѣ съ вами нечѣмъ будетъ прославиться". Имѣя влеченіе не къ наслажденіямъ и богатству, но къ доблести и славѣ, онъ думалъ, что чѣмъ обширнѣе будетъ государство, которое оставитъ ему отецъ, тѣмъ менѣе будетъ онъ имѣть случаевъ прославиться. При мысли, что съ каждымъ новымъ пріобрѣтеніемъ отца ограничивается число его успѣховъ въ будущемъ, онъ желалъ получить въ наслѣдство не богатства, не роскошь и наслажденія, а такое государство, обладаніе которымъ вело бы къ войнамъ и побѣдамъ.

Естественно, что при немъ находилось много воспитателей и учителей. Во главѣ ихъ стоялъ Леонидъ, человѣкъ суроваго характера и родственникъ Олимпіи. Признавая благородное и прекрасное призваніе педагога, онъ не прочь былъ называться этимъ именемъ; но другіе изъ уваженія къ его сану и родству съ Олимпіей называли его пестуномъ и воспитателемъ. Должность же и титулъ педагога принадлежали Лизимаху.

Онъ былъ родомъ изъ Акарнаніи * и не отличался особеннымъ умомъ; но его любили за то, что онъ называлъ себя Фениксомъ **, Александра—Ахилломъ, Филиппа—Пелеемъ, и дали ему второе мѣсто послѣ Леонида.

Однажды Филоникъ изъ Ѳессаліи привелъ къ Филиппу лошадь Буцефала и предложилъ ему купить ее за 13 *** талантовъ. Пошли въ поле испытать ее. Оказалось, что съ этимъ конемъ трудно сладить и даже совсѣмъ невозможно: онъ не давалъ никому сѣсть на себя, не выносилъ ничьего голоса, и становился на дыбы, когда кто-нибудь къ нему подходилъ. Филиппу, наконецъ, это надоѣло; найдя, что конь слишкомъ дикъ и неукротимъ, онъ приказалъ увести его. Присутствовавшій при этомъ Александръ сказалъ: „Можно ли терять такую лошадь только потому, что по неопытности и трусости не умѣютъ справиться съ ней"?—Филиппъ

* Акарнанія—самая западная область Средней Греціи, на берегу Іоническаго моря.

** Фениксъ воспитатель Ахилла.

*** 18,000 р.

сначала молчалъ, но когда сынъ его нѣсколько разъ повторилъ это восклицаніе и притомъ весьма недовольнымъ голосомъ, то сказалъ: „Ты осуждаешь старшихъ, словно ты опытнѣе ихъ и могъ бы сладить съ этой лошадью“.—„Да, отвѣчалъ Александръ, я бы могъ скорѣе другихъ сладить съ ней!“—„А если ты не сладишь, то какъ наказать тебя за твое высокомѣріе?“—„Клянусь Зевесомъ, я заплачу тогда то, что она стоитъ“, сказалъ онъ. Всѣ засмѣялись. Филиппъ съ сыномъ согласились, что тотъ, кто проиграетъ, заплатитъ 13 талантовъ. Тогда Александръ бросился къ лошади, схватилъ ее за узду и повернулъ къ солнцу, примѣтя, вѣроятно, что она пугается своей собственной тѣни, движущейся у ней передъ глазами. Принявъ эту предосторожность, онъ нѣкоторое время бѣжалъ рядомъ съ ней, и видя, что она горячится, гладилъ ее тихонько рукой; затѣмъ медленно спустилъ плащъ, вскочилъ на нее и крѣпко усѣлся. Слегка потягивая поводъ, онъ осаживалъ ее, не нанося ей никакихъ ударовъ; когда же замѣтилъ, что она успокоилась и только хочетъ бѣгать, онъ ослабилъ поводъ, громко крикнулъ, ударилъ ногой и пустилъ ее во весь опоръ. Филиппъ и вся свита его сначала пришли въ ужасъ; всѣ замолкли. Но когда Александръ, согласно правиламъ ѣзды, возвратился на мѣсто, поднялись восторженные крики. Говорятъ, отецъ его заплакалъ отъ радости, и когда Александръ слѣзъ съ лошади, поцѣловалъ его въ голову и только сказалъ: „Дитя, ищи достойнаго тебя царства: Македонія слишкомъ мала для тебя“.

Между тѣмъ Филиппъ сталъ замѣчать, что сынъ его гордъ, что онъ не выноситъ ни малѣйшаго принужденія, и что только разумными доводами его можно заставить исполнять свои обязанности; поэтому онъ рѣдко ему что нибудь приказывалъ, но всегда старался дѣйствовать на него убѣжденіями. Не полагаясь на учителей музыки и прочихъ преподоваемыхъ тогда наукъ въ трудномъ дѣлѣ воспитанія, для котораго, по словамъ

Софокла *, „одной узды и одного кормила мало“, онъ пригласилъ къ своему двору Аристотеля, знаменитѣйшаго и ученѣйшаго философа того времени, и поручилъ ему своего сына; за это онъ назначилъ ему прекрасное вознагражденіе: и возобновилъ имъ же самимъ разрушенную, Стагиру **, родину Аристотеля, вновь водворивъ тамъ изгнанныхъ или обращенныхъ въ рабство гражданъ. Для занятій назначилъ онъ имъ мѣсто; посвященное нимфамъ въ окрестностяхъ Міеты, *** и тамъ до сихъ поръ показываютъ тѣнистыя аллеи и каменныя скамьи, поставленныя Аристотелемъ.

Александръ, какъ кажется, не только обучался у Аристотеля этикѣ **** и политикѣ, но и высшимъ наукамъ, которыя философы

* Аѳинскаго трагика (406 –406).

** Стагира на полуостровѣ Халкедонскомъ.

*** Міета городъ въ Македоніи, на берегу рѣки Стримона.

**** Этика, наука о нравственности.

держали въ тайнѣ отъ большинства и называли акроаматическими и эпоптическими *.

Когда, впослѣдствіи, въ бытность свою въ Азіи, Александръ узналъ, что Аристотель издалъ сочиненія, въ которыхъ коснулся этихъ высшихъ предметовъ, то, въ защиту философіи, написалъ своему бывшему наставнику, въ самыхъ откровенныхъ выраженіяхъ, слѣдующее письмо: „Александръ Аристотелю желаетъ здравствовать! Ты поступилъ нехорошо, издавъ акроматики

* Въ древности знанія раздѣлялись на общедоступныя, которыя надлежало знать каждому образованному гражданину, и на таинственныя, преподаваемыя немногимъ избраннымъ.

Первыя преподавались по методу катехизическому, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ; вторыя—въ формѣ связныхъ, научно излагаемыхъ лекцій. Слово „акроматическій“ означаетъ излагаемое въ формѣ лекцій, слово „эпоптическій“ происходитъ отъ словъ „Эпоптъ“: такъ назывались лица, удостоившіяся полнаго посвященія въ Элевзинскія таинства. (Элевзисъ—городъ въ Аттикѣ, на берегу моря, противъ острова Саламина. Въ городѣ находился храмъ богини земледѣлія, называвшейся у Грековъ Деметрою, у Римлянъ Церерой. Поклоненіе ей соединялось съ таинственными обрядами, извѣстными подъ названіемъ Элевзинскихъ таинствъ).

въ числѣ прочихъ твоихъ трактатовъ. Въ чемъ будетъ наше превосходство надъ прочими людьми, если образовавшія насъ науки сдѣлаются всеобщимъ достояніемъ? Познаніемъ высокаго, болѣе чѣмъ могуществомъ, желалъ бы я отличаться отъ другихъ людей. Будь здоровъ!“ — Чтобы успокоить Александра, а также и въ свое оправданіе, Аристотель отвѣчалъ, что эти сочиненія его все равно что не обнародованы. И дѣйствительно, его метафизическіе трактаты, не внося ничего новаго и полезнаго въ науку, содержатъ въ себѣ свѣдѣнія, доступныя только лицамъ, получившимъ высшее образованіе.

Аристотель, кажется, внушалъ Александру, болѣе чѣмъ другіе учителя, любовь къ медицинѣ. Изъ писемъ его видно, что онъ не только интересовался теоріей этой науки, но и лѣчилъ своихъ друзей, когда они бывали больны, прописывалъ рецепты и давалъ діэтетическія предписанія. Кромѣ того, въ немъ была врожденная наклонность къ краснорѣчію, ученію и чтенію. Онъ очень высоко

цѣнилъ Илліаду и называлъ ее руководствомъ воинской доблести. Одно изданіе этой поэмы, исправленное Аристотелемъ, онъ, по словамъ Онезикрита *, пряталъ вмѣстѣ съ кинжаломъ подъ подушкой. Не имѣя, что читать во время пребыванія своего въ Средней Азіи, онъ приказалъ Гарпалу ** прислать ему книгъ, и послѣдній прислалъ ему сочиненія Филиста ***, многія трагедіи Эврипида, Софокла и Эсхила и диѳирамбы Телеста и Филоксена. Сперва онъ очень уважалъ Аристотеля, и любилъ его не менѣе отца, говоря, что отецъ даровалъ ему жизнь, а Аристотель научилъ какъ жить добродѣтельно. Но впослѣдствіи онъ почувствовалъ къ нему нѣкоторое недовѣріе,

---

* Онезикритъ, ученикъ философа, циника Діогена, написалъ исторію Александра, которому сопутствовалъ въ походахъ.

** Гарпалъ — одинъ изъ приближенныхъ Александра, которому и было поручено храненіе огромныхъ денежныхъ суммъ, оставленныхъ въ Екбатанѣ.

*** Филистъ, Телестъ и Филоксенъ, современники Діонисія старшаго, тирана Сиракузскаго, царствовавшаго отъ 405—367 г. до Р. Х. Эсхилъ жилъ отъ 523 по 456-ой годъ, Эврипидъ отъ 480 по 406.

хотя и не настолько, чтобы дѣлать ему зло; только его дружественныя отношенія къ этому философу не отличались уже прежнею горячностью, что и указываетъ на нѣкоторое отчужденіе. Но что врожденное и развитое воспитаніемъ влеченіе къ философіи никогда въ немъ не пропадало, тому служитъ доказательствомъ пятьдесятъ талантовъ, подаренныхъ Ксенократу и высокое уваженіе его къ Анаксарху, Дандамису и Калану *.

Во время похода Филиппа противъ Византійцевъ Александру было всего только шестнадцать лѣтъ; но, оставленный въ Македоніи правителемъ и хранителемъ государственной печати, онъ усмирилъ возмутившихся Медаровъ ** и, взявъ ихъ городъ, выгналъ варваровъ и водворилъ на ихъ мѣстѣ населеніе, составленное изъ людей разныхъ народностей. Эту колонію онъ назвалъ

* Объ этихъ лицахъ разсказывается ниже.

** Медары—Ѳракійское племя, безпокоившее Македонянъ разбоями.

Ѳракія—часть Балканскаго полуострова между Дунаемъ и Эгейскимъ моремъ.

Александрополемъ. Онъ принималъ участіе въ битвѣ при Херонеѣ * противъ Грековъ, и, говорятъ, первый атаковалъ священный батальонъ Ѳивянъ. Въ наше время ** еще показывали близъ Кефиза старый дубъ, прозванный дубомъ Александра, гдѣ тогда раскинутъ былъ его шатеръ; тамъ же недалеко кладбище Македонянъ.

Вслѣдствіе всего этого Филиппъ горячо любилъ сына, такъ что даже радовался, когда Македоняне называли Александра царемъ, а его самаго—полководцемъ. Но семейныя неурядицы вслѣдствіе новой женитьбы Филиппа, ссоры на женской половинѣ дворца, отзывавшіяся во всемъ государствѣ, производили нерѣдко несогласія и даже крупныя размолвки. Завистливая и злая Олимпія, постоянно возстановлявшая Александра противъ отца еще болѣе раздувала ихъ. Эти несогласія съ особой силой обнаружились во вре-

* Городъ Херонея въ Біотіи, области Средней Греціи, лежащей къ сѣверозападу отъ Аттики; неподалеку отъ этого города протекаетъ рѣка Кефизъ.

** Плутархъ родился въ 46-мъ году, а умеръ въ 120-мъ году по Р. Х.

мя бракосочетаніи Филиппа съ Клеопатрой, которую онъ взялъ за себя дѣвушкой. Атталъ, дядя невѣсты, на свадебномъ пиру выпивъ лишнее, сталъ уговаривать Македонянъ молить боговъ о дарованіи имъ законнаго наслѣдника отъ Филиппа и Клеопатры. Эти слова привели Александра въ ярость; схвативъ кубокъ, онъ бросилъ его въ лицо Аттала и сказалъ: „Бездѣльникъ, такъ по твоему я незаконнорожденный!“ — Филиппъ, выскочивъ изъ-за стола, обнажилъ мечъ и бросился на сына; но къ обоюдному ихъ счастію, подъ вліяніемъ вина и гнѣва, онъ поскользнулся и упалъ, а Александръ, насмѣхаясь надъ нимъ, сказалъ: „Этотъ человѣкъ готовится перешагнуть изъ Европы въ Азію *, а самъ падаетъ, переходя отъ одного стола къ другому“. Послѣ этого оскорбленія, нанесеннаго отцу въ пьяномъ видѣ, Александръ отвезъ Олим-

* Филиппъ не задолго до этого, въ собраніи Грековъ на Коринѳскомъ перешейкѣ, избранъ былъ главнокомандующимъ всѣхъ греческихъ войскъ, для войны противъ Персіи.

пію въ Эпиръ *, а самъ удалился къ Иллирійцамъ **.

Въ это время прибылъ къ Филиппу Коринѳянинъ Демаратъ, связанный съ нимъ узами дружбы и гостепріимства и привыкшій высказывать свои мысли свободно и откровенно. Послѣ первыхъ привѣтствій Филиппъ спросилъ у своего гостя, какъ ладятъ Греки между собою. „Приличествуетъ ли тебѣ заботиться о Грекахъ, отвѣчалъ Демаратъ, когда у тебя въ твоемъ собственномъ домѣ столько ссоръ и бѣдъ?“ — Эти слова образумили Филиппа, и онъ послалъ Демарата уговаривать Александра возвратиться, въ чемъ тотъ и успѣлъ.

Между тѣмъ сатрапъ Карійскій Пексодоръ, желая породниться съ Филиппомъ и заключить съ нимъ союзъ, послалъ Аристокрита въ Македонію съ предложеніемъ выдать старшую свою дочь за сына Филиппова Аридея. Тогда

* Область сѣверной греціи между Пиндскимъ хребтомъ и морями Адріатическимъ и Іоническимъ.

** Иллиріей тогда называлась сѣверозападная часть Балканскаго полуострова, омываемая Адріатическимъ моремъ.

друзья и мать Александра стали опять ему наговаривать на отца, представляя, что Филиппъ согласіемъ на этотъ блестящій бракъ ясно обнаруживаетъ свое намѣреніе сдѣлать Аридея наслѣдникомъ престола. Встревоженный такими подозрѣніями, Александръ послалъ въ Карію* трагическаго актера Ѳессала для переговоровъ съ Пексодоромъ. Ѳессалъ долженъ былъ совѣтовать Пексодору оставить въ сторонѣ незаконнорожденнаго и слабоумнаго Аридея и искать союза съ Александромъ. Это предложеніе пришлось Пексодору болѣе по сердцу, чѣмъ то, чего онъ желалъ прежде. Узнавъ объ этихъ переговорахъ Филиппъ въ сопровожденіи Александрова друга, сына Парменіонова, Филотаса, пошелъ въ покои своего сына и тамъ въ самыхъ оскорбительныхъ и горькихъ выраженіяхъ упрекалъ Александра, представляя ему, что онъ недостоинъ предназначаемыхъ ему благъ, если готовъ сдѣлаться зятемъ Карійца, подвластнаго царю варваровъ. Въ то же время написалъ онъ Коринѳянамъ, чтобы они

* Карія занимала западную часть южнаго берега Малой Азіи.

прислали къ нему Ѳессала въ оковахъ. Изъ другихъ друзей Александра Филиппъ удалилъ изъ Македоніи Гарпала, Неарха, Фригія и Птоломея. Впослѣдствіи Александръ возвратилъ ихъ и осыпалъ величайшими почестями. Вскорѣ потомъ нѣкто Павзаній жестоко былъ оскорбленъ по наущенію Аттала и Клеопатры. Не добившись правосудія отъ Филиппа, онъ умертвилъ этого государя и тогда обвиненіе въ убійствѣ пало главнымъ образомъ на Олимпію, которая своими совѣтами будто бы еще болѣе возбудила и раздражила молодого человѣка. Александръ также не ушелъ отъ обвиненій: разсказываютъ, что когда Павзаній встрѣтился съ Александромъ и вскорѣ послѣ того, сталъ жаловаться на нанесенное ему оскорбленіе, то послѣдній будто бы отвѣчалъ слѣдующими словами Еврипидовой Медеи: „Покараю супруга, супругу и виновника брака“. Однако Александръ разыскалъ сообщниковъ преступленія и строго ихъ наказалъ, а Олимпіи выразилъ негодованіе за то, что она, въ его отсутствіе, жестоко обращалась съ Клеопатрой.

Александру было двадцать лѣтъ, когда онъ вступилъ на престолъ. Государству, раздираемому ненавистью враждебныхъ партій, угрожали опасности со всѣхъ сторонъ. Сосѣднія варварскія племена, сожалѣя о своихъ прежнихъ царяхъ, не хотѣли долѣе переносить македонскаго ига. Филиппъ, побѣдивъ Грековъ оружіемъ, не успѣлъ пріучить ихъ къ своей власти; своими перемѣнами онъ произвелъ только смуты въ дѣлахъ и оставилъ Грековъ, непривыкшихъ къ согласію и тишинѣ, въ страшныхъ волненіяхъ. Македоняне, опасаясь такого положенія дѣлъ, совѣтовали Александру совсѣмъ отказаться отъ Греціи и не пытаться покорить ее оружіемъ, а отложившихся варваровъ кроткими мѣрами возвратить къ повиновенію и такимъ образомъ потушить мятежъ въ самомъ началѣ. Но у Александра были другіе разсчеты. Смѣлость и безстрашіе считалъ онъ единственнымъ средствомъ для охраненія государства, хорошо понимая, что варвары возстанутъ всей массой, какъ скоро замѣтятъ

въ немъ малѣйшій упадокъ духа. И дѣйствительно, устремившись съ войскомъ къ берегамъ Истра (Дуная), и побѣдивъ въ большомъ сраженіи царя Трибалловъ, Сирма, онъ быстро подавилъ возстаніе варваровъ и прекратилъ происходившія между ними войны.

Узнавъ, что Ѳиванцы, сговорившись съ Аѳинянами, взбунтовались, онъ немедленно провелъ свое войско чрезъ Ѳермопилы. „Демосѳенъ назвалъ меня мальчишкой, сказалъ онъ, когда я былъ въ Илліріи и у Трибалловъ, юношей, когда я былъ въ Ѳессаліи: такъ пусть же подъ стѣнами Аѳинъ онъ увидитъ во мнѣ мужа“. Подступивъ къ Ѳивамъ, онъ далъ этому городу срокъ для принесенія повинной, потребовалъ выдачи Феникса и Проѳита и тѣмъ, которые возвратятся подъ его власть, обѣщалъ полную безнаказанность. Ѳиванцы съ своей стороны требовали выдачи Филотаса и Антипатра и въ то же время обнародовали воззваніе, которымъ приглашали всѣхъ желающихъ освободить Грецію, соединиться съ ними. Те-

перь Александру нетрудно было склонить Македонянъ къ войнѣ съ Греціей.

Ѳиванцы защищались съ мужествомъ, превышавшимъ ихъ силы, противъ врага, далеко превосходившаго ихъ численностью. Между тѣмъ прибылъ изъ города Кадмеи македонскій гарнизонъ и напалъ на нихъ съ тыла; окруженные со всѣхъ сторонъ, защитники Ѳивъ пали большею частью на полѣ битвы, а городъ былъ взятъ, разграбленъ и разоренъ до основанія. Такою жестокостью Александръ думалъ нагнать страхъ на Грековъ и заставить ихъ держать себя спокойно; къ съ другой стороны онъ желалъ показать, что хочетъ дать удовлетвореніе своимъ союзникамъ, Фокейцамъ и Платейцамъ, горько жаловавшимся ему на Ѳиванцевъ *. За исключеніемъ жрецовъ и всѣхъ Ѳиванцевъ, связанныхъ съ Македонянами узами гостепріимства **, а также потомковъ Пиндара ***

* Въ 427 году Платея была взята и разорена соединенными силами Спартанцевъ и Ѳивянъ.

** Т.-е. дававшихъ пріютъ и угощеніе Македонянамъ, пріѣзжавшимъ въ Ѳивы (кунакамъ).

*** Знаменитый лирическій поэтъ, уроженецъ города Ѳивъ, жившій въ концѣ шестого и въ началѣ пятаго вѣка до Р. Х.

и всѣхъ гражданъ, противившихся постановленію объ отпаденіи, все остальное населеніе, въ числѣ 30000, было продано въ рабство; въ битвахъ же пало свыше 6000.

Среди многихъ бѣдствій, посѣтившихъ Ѳивы, случилось слѣдующее происшествіе: толпа Ѳракійцевъ силой ворвалась въ домъ Тимоклеи, извѣстной и уважаемой всѣми женщины. Между тѣмъ какъ воины грабили имущество, предводитель ихъ допрашивалъ Тимоклею, нѣтъ-ли у нея спрятаннаго гдѣнибудь золота или серебра. Она созналась, что есть, повела его въ садъ, указала колодезь и объявила, что когда городъ былъ взятъ, она сама бросила сюда лучшія изъ своихъ сокровищъ. Ѳракіецъ нагнулся, чтобы лучше разсмотрѣть это мѣсто, а Тимоклея, ставъ сзади, толкнула его въ колодезь и затѣмъ убила камнями. Ѳракійцы ее связали и повели къ Александру. По ея виду и походкѣ, Александръ заключилъ, что она женщина благородная и безстрашная: такъ спокойно шла она за тѣми, кто велъ ее. Царь спросилъ у нея, кто она такая, и по-

лучилъ въ отвѣтъ, что она сестра Теагена, который сражался противъ Филиппа, за свободу Греціи и, въ санѣ полководца, палъ въ Херонейской битвѣ. Александръ, удивленный ея отвѣтомъ, а также и поступкомъ, ей и дѣтямъ ея даровалъ свободу.

Александръ заключилъ миръ съ Аѳинянами, хотя они и не остались равнодушны къ несчастіямъ Ѳиванцевъ. Получивъ извѣстіе о взятіи Ѳивъ наканунѣ празднованія мистерій (таинствъ), они, въ знакъ траура, не стали справлять праздника, и искавшихъ у нихъ убѣжища Ѳивянамъ оказали самый радушный пріемъ. Потому-ли, что Александръ, подобно разъяренному льву, уже утолилъ кровью свой гнѣвъ, или потому, что ему хотѣлось показать себя милосерднымъ послѣ жестокаго поступка, онъ не только ни въ чемъ не обвинилъ Аѳинянъ, но еще совѣтовалъ имъ не оставлять безъ вниманія общихъ дѣлъ, такъ какъ, въ случаѣ какого либо несчастія съ нимъ, къ нимъ одним могла перейти гегемонія (первенство) въ Греціи.

Впослѣдствіи ему не разъ случалось сожалѣть, что онъ такъ жестоко поступилъ съ Ѳиванцами, и воспоминаніе о несчастномъ городѣ часто дѣлало его кроткимъ и снисходительнымъ. Смерть Клита, котораго онъ убилъ въ состояніи опьяненія, приписывалъ онъ единственно гнѣву и мщенію Діонисія *; этимъ же онъ объяснилъ малодушіе, обнаруженное его воинами, когда они отказались продолжать походъ въ Индію и тѣмъ нанесли ущербъ его славѣ. Впослѣдствіи Ѳиванцамъ, пережившимъ паденіе своей отчизны, онъ никогда не отказывалъ ни въ какой просьбѣ.

Вскорѣ послѣ того всѣ Греки, въ собраніи на Коринѳскомъ перешейкѣ постановили итти войной на Персовъ и провозгласили Александра своимъ полководцемъ.

Многіе философы и государственные люди явились къ нему съ поздравленіями. Онъ ждалъ такого-же посѣщенія и отъ Діогена

---

* Діонисія или Бахуса. Всѣ свои злые поступки Александръ приписывалъ мести этого бога, который, по преданію, родился въ Ѳивахъ и пользовался тамъ особеннымъ почитаніемъ.

изъ города Синопа *, жившаго въ это время въ окрестностяхъ Коринѳа. Но такъ какъ Діогенъ, мало заботясь о Александрѣ, преспокойно оставался въ Краніи, ** то Александръ самъ отправился къ нему. Діогенъ лежалъ на солнцѣ; увидавъ приближающуюся толпу, онъ немного привсталъ и взглянулъ на Александра. Александръ его привѣтствовалъ и, назвавъ по имени, спросилъ, не нужно-ли ему чего-нибудь. „Не заслоняй отъ меня солнца“, сказалъ Діогенъ. Говорятъ, что слова эти произвели на Александра глубокое впечатлѣніе; онъ удивлялся величію и гордости Діогена, и когда придворные, на возвратномъ пути, смѣялись и шутили надъ этимъ философомъ, то онъ сказалъ: „Если-бъ я не былъ Александромъ, то желалъ бы быть Діогеномъ“.

Затѣмъ онъ отправился въ Дельфы вопросить оракула о предстоящемъ походѣ. Случилось, что прибылъ онъ туда въ такъ на-

* Синопъ на южномъ берегу Чернаго моря.

** Краніемъ называлась кипарисовая роща въ окрестностяхъ Коринѳа.

зываемые несчастные дни, когда жрицамъ не дозволяется прорицать. Сначала онъ послалъ просить жрицу прійти въ храмъ; она отказывалась, ссылаясь на законъ. Тогда онъ самъ пошелъ въ храмъ и силой притащилъ ее. Въ испугѣ, она воскликнула: „Сынъ мой, ты непобѣдимъ!“ Услыхавъ это, Александръ объявилъ, что другого прорицанія ему не нужно, что теперь онъ получилъ отвѣтъ, какого желалъ. Когда онъ выступилъ въ походъ, богъ послалъ много чудесныхъ предзнаменованій. Въ Либертѣ, маленькомъ городѣ у подошвы Олимпа, * кипарисная статуя Орфея потѣла въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Всѣ испугались этого чуда, но Аристандръ успокоилъ Александра, сказавъ, что чудо означаетъ, что ему предстоитъ совершить великія дѣла, которыя въ потѣ лица будутъ воспѣвать поэты и сыны музъ.

Что касается до численности его войска, то, по словамъ писателей, показывающихъ наименьшую цифру, оно простиралось до 30000 пѣхоты и 4000 кавалеріи; по сло-

* Въ Ѳессаліи.

вамъ же показывающихъ наибольшую цифру, оно не превышало 34000 пѣхоты и 4000 конницы. Для содержанія этихъ силъ Александръ, по словамъ Аристобула *, располагалъ только 70 талантами (105000 р.); другой писатель, Дуросъ, говоритъ, что припасовъ у него было не болѣе какъ на 30 дней. Какъ ни малы были его средства, но передъ тѣмъ, какъ сѣсть ему на корабль, онъ позаботился о домашнихъ дѣлахъ своихъ друзей: кому далъ поле, кому деревню, одному доходъ съ мѣстечка, другому съ гавани. Когда такимъ образомъ онъ расточилъ всѣ свои средства, Пердикка сказалъ: „А себѣ, государь, что же ты оставляешь?“ „Надежду“, отвѣчалъ Александръ. „Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Пердиккъ, и мы всѣ, идущіе на войну вмѣстѣ съ тобой, возьмемъ съ собою свою часть надежды“. Пердикка отказался отъ своей доли подарковъ; нѣкоторые изъ друзей Александра послѣдовали его примѣру.

* Этотъ писатель участвовалъ въ походахъ Александра и написалъ не дошедшую до насъ въ подлинникѣ біографію его

Но Александръ съ одинаковой щедростью и радушіемъ одѣлялъ какъ принимавшихъ подарки, такъ и просившихъ ихъ, и обратилъ на это большую часть своихъ имуществъ въ Македоніи.

Въ такомъ восторженномъ настроеніи духа онъ переправился черезъ Геллеспонтъ * и, выйдя на берегъ въ окрестностяхъ Иліона, принесъ жертву Аѳинѣ и почтилъ возліяніями героевъ. Натеревъ масломъ колонну, возвышавшуюся надъ могилой Ахилла, онъ, по обычаю, раздѣтый, пробѣжалъ кругомъ ея нѣсколько разъ, возложилъ на нее вѣнокъ и поздравилъ Ахилла съ тѣмъ, что при жизни онъ нашелъ себѣ вѣрнаго друга, а по смерти — славнаго пѣвца. Въ то время, какъ онъ осматривалъ достопримѣчательности города, нѣкто спросилъ его, не желаетъ-ли онъ видѣть лиру Париса **. „Она меня нисколько не занимаетъ“, отвѣчаетъ Александръ, „но я хотѣлъ-бы отыскать лиру,

* Дарданельскій проливъ.

** Парисъ, сынъ Троянскаго царя Пріама, виновникъ Троянской войны.

на которой Ахиллъ воспѣвалъ славу и подвиги храбрыхъ воиновъ".

Между тѣмъ, полководцы Дарія, собравъ многочисленное войско, стали въ боевую позицію на берегу Граника, близъ мѣста переправы. Здѣсь, у воротъ Азіи, для того, чтобы вступить въ нее и открыть кампанію, быть можетъ необходимо было сразиться. Но многіе страшились глубокой рѣки, противоположнаго берега, крутого и изрытаго, на который можно было высадиться не иначе, какъ съ бою; нѣкоторые думали также, что слѣдуетъ соблюсти древній обычай, по которому македонскіе цари въ мѣсяцѣ Дезіи (маѣ) не выводили своихъ войскъ въ поле. Александръ устранилъ это послѣднее препятствіе, приказавъ, чтобы этотъ мѣсяцъ считался вторымъ Артемизіемъ (Апрѣлемъ), а на замѣчаніе Парменіона, что уже слишкомъ поздній часъ, чтобы въ этотъ день начинать опасное дѣло, отвѣчалъ: „Стыдно будетъ Геллеспонту, черезъ который я перешелъ, если я устрашусь Граника". Сказавъ эти слова, онъ,

съ тринадцатью эскадронами конницы, бросился въ рѣку.

Подъ градомъ стрѣлъ плыветъ онъ къ противоположному берегу, гдѣ ожидаетъ его непріятельская конница; быстрымъ теченіемъ уноситъ его, тянетъ ко дну; но онъ неистово стремится впередъ, какъ безумецъ, а не какъ разумный вождь. Онъ, однако, переплылъ и, съ трудомъ взобравшись на скользкій отъ грязи берегъ, не успѣлъ еще выстроить своихъ, уже переправившихся, войскъ въ какой-либо порядокъ, какъ былъ вынужденъ вступить въ рукопашный бой съ бросившимся на нихъ непріятелемъ. Персы съ крикомъ напирали, направляя лошадь на лошадь и поражая Македонянъ сперва копьями, а потомъ, когда копья ломались, мечами. На Александра, замѣтно выдававшаго себя своимъ щитомъ и шлемомъ съ конской гривой, по обѣ стороны которой подымались два огромныхъ, ослѣпительной бѣлизны крыла, напала цѣлая толпа. Ему нанесли ударъ въ панцырь. Раненъ онъ не былъ, но вслѣдъ за тѣмъ напали на него вдвоемъ

персидскіе полководцы Резацесъ и Спитридатъ: отъ послѣдняго онъ увернулся, а въ Резацеса, одѣтаго въ твердую броню, пустилъ дротикъ; дротикъ сломался, и тогда Александръ взялся за мечъ. Но, когда они схватились, Спитридатъ подскочилъ съ боку и, быстро приподнявшись на сѣдлѣ, своей персидской саблей такъ сильно ударилъ Александра по головѣ, что гребень съ однимъ крыломъ отскочилъ, шлемъ чуть не слетѣлъ съ головы, и клинкомъ сабли задѣло за волоса. Спитридатъ уже готовился нанести второй ударъ, но Черный Клитъ * предупредилъ его, вонзивъ ему въ тѣло свое копье. Въ это же время палъ Резацесъ, пораженный мечомъ Александра. Въ самый разгаръ этого опаснаго кавалерійскаго боя фаланга македонская переправилась черезъ рѣку, и пѣшія войска вступили въ бой съ пѣхотой непріятеля. Послѣ недолгаго и слабаго сопротивленія все персидское войско, за исключенімъ греческихъ наемниковъ, обратилось въ бѣгство. Эти послѣдніе, занявъ позицію на возвышенномъ мѣстѣ, заявили желаніе сдаться на условіяхъ. Въ отвѣтъ на это, Александръ, скорѣе повинуясь гнѣву, чѣмъ размышленію, бросился первый въ ихъ ряды, и подъ нимъ, ударомъ меча въ ребро, убита была лошадь, не Буцефалъ, а другая. Въ этой стычкѣ у него было болѣе убитыхъ и раненыхъ, чѣмъ во всѣ остальные моменты сраженія, потому что здѣсь онъ имѣлъ дѣло съ отчаянными храбрецами. Говорятъ, что варвары въ этомъ первомъ сраженіи потеряли 20000 человѣкъ пѣхоты и 2000 конницы. У Александра, по словамъ Аристобула, было убито не болѣе тридцати человѣкъ и въ числѣ ихъ только девять пѣшихъ воиновъ. Всѣмъ имъ онъ приказалъ воздвигнуть бронзовыя статуи; эта работа была исполнена Лизиппомъ. Желая раздѣлить съ Греками славу одержанной побѣды, онъ послалъ Аѳинянамъ триста щитовъ, отнятыхъ у непріятеля, а на всѣхъ остальныхъ вещахъ, захваченныхъ у Персовъ, велѣлъ поставить слѣдующую гордую надпись: „Александромъ, сыномъ Филиппа, и Греками,

*) Въ числѣ Александровыхъ полководцевъ былъ еще другой Клитъ, прозывавшійся Бѣлымъ.

за исключеніемъ Лакедемонянъ, взято у варваровъ, живущихъ въ Азіи“. Но чаши, пурпуровыя ткани и тому подобныя вещи онъ послалъ своей матери, оставивъ себѣ очень немного.

Побѣда эта повела за собой немедленное улучшеніе въ дѣлахъ Александра; Сарды, оплотъ могущества варваровъ на морѣ, а также и другіе города покорились его власти. Только Милетъ и Галикарнасъ оказали ему сопротивленіе. Взявъ приступомъ эти города и покоривъ близъ лежащія провинціи, онъ былъ въ недоумѣніи насчетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій: то хотѣлъ, рискуя всѣмъ, прямо итти на Дарія, то считалъ сначала необходимымъ усилить себя деньгами и блестящими подвигами на морѣ.

Близъ города Ксанта, въ странѣ Ликійцевъ, есть небольшой ручей. Говорятъ, что въ это время этотъ ручей, безъ всякой видимой причины, вдругъ измѣнилъ свое теченіе и, разлившись, выкинулъ на берегъ мѣдную доску съ древними письменами, гласившими, что могущество Персовъ должно быть раз-

рушено Греками. Ободренный этимъ предсказаніемъ, Александръ поспѣшилъ овладѣть всѣмъ берегомъ до Финикіи и Киликіи. * Походъ его въ Памфилію ** послужилъ многимъ историкамъ темою для краснорѣчивыхъ и преувеличенныхъ описаній, имѣющихъ цѣлью поразить умы. Разсказываютъ, напримѣръ, будто море, обыкновенно заливающее здѣсь берега и только изрѣдка обнажающее острые камни, разбросанные у подножія прибрежныхъ утесовъ, само, волею боговъ, отступило передъ Александромъ. Менандръ, *** въ одной изъ своихъ комедій, въ шутку говоритъ, намекая на это чудо: „Какъ я похожъ на Александра! Ищу ли я кого, онъ тотчасъ передо мной. Нужно ли мнѣ море переплыть, чтобы добраться до какого нибудь мѣста, море удаляется и открываетъ мнѣ свободный путь“. Самъ Александръ, въ своихъ

* Киликія занимала восточную часть южнаго берега Малой Азіи.

** Памфилія занимала среднюю часть южнаго берега Малой Азіи.

*** Менандръ, греческій комикъ второй половины 4-го вѣка.

письмахъ, ничего не разсказываетъ объ этомъ чудѣ, а говоритъ только, что изъ Фазелиса * прошелъ мѣстомъ, называемымъ Климаксъ, т. е. уступами; нѣсколько дней оставался въ этомъ городѣ; увидавъ на площади статую умершаго Ѳеодекта, родомъ изъ Фазелиса, онъ плясалъ вокругъ нея послѣ ужина, разгоряченный виномъ, и украсилъ ее вѣнками. Такъ весело почтилъ онъ память человѣка, съ которымъ познакомили его Аристотель и изученіе философіи.

Затѣмъ онъ привелъ подъ свою власть Писидійцевъ, не желавшихъ добровольно покориться, и Фригію; ** въ послѣдней взялъ городъ Гордій, бывшую столицу древняго царя Мидаса; видѣлъ тамъ знаменитую колесницу и при ней упряжь съ узломъ изъ рябиновыхъ лыкъ и узналъ о преданіи, распространенномъ между варварами, что кто развяжетъ этотъ узелъ, тому суждено быть царемъ всей земли.

* Городъ въ Ликіи, области, лежащей на западѣ отъ Памфиліи.

** Писидія лежала на сѣверъ отъ Памфиліи, Фригія на сѣверъ отъ Писидіи.

Большинство писателей согласно утверждаютъ, что ужи, нѣсколько разъ закрученные, такъ хитро были перепутаны и переплетены, что не видать было ихъ концовъ; затѣмъ они передаютъ, что Александръ, не умѣя ихъ распутать, разрубилъ узелъ мечомъ, и что тогда обнаружилось много концовъ. Но Аристобулъ свидѣтельствуетъ, что Александръ безъ труда развязалъ узелъ, выдернувъ только гвоздь, которымъ ярмо прибито было къ дышлу, вытащивъ ярмо изъ подъ дышла.

Послѣ того онъ покорилъ Пафлагонію и Каппадокію. * Узнавъ тутъ о смерти Мемнона, котораго изъ всѣхъ полководцевъ Дарія, дѣйствовавшихъ на морѣ, одного только и считали способнымъ причинить Александру множество всевозможныхъ хлопотъ и затрудненій, послѣдній еще болѣе укрѣпился въ своемъ намѣреніи итти походомъ на Среднюю Азію.

* Каппадокія лежала на сѣверъ отъ Киликіи, Пафлагонія по Черному морю, на западъ отъ рѣки Галиса, теперь Кизиль-Ирмока.

Между тѣмъ Дарій также уже двинулся изъ Сузы, во главѣ 600,000 человѣкъ, гордясь многочисленностью своихъ боевыхъ силъ. Передъ выступленіемъ въ походъ онъ былъ ободренъ сновидѣніемъ, которому маги дали толкованіе, скорѣй внушенное имъ желаніемъ угодить царю, чѣмъ правдоподобіемъ. Ему снилось, что македонская фаланга сдѣлалась жертвой пламени, и Александръ, въ одеждѣ, которую Дарій самъ прежде носилъ, когда былъ астандой * персидскаго царя, сперва прислуживалъ ему, а потомъ вошелъ въ храмъ Бела ** и сталъ невидимъ. Этотъ сонъ означалъ, что Александру предназначено было богомъ возвести Македонію на высшую степень могущества и славы, что онъ долженъ былъ сдѣлаться повелителемъ Азіи, какъ Дарій сдѣлался таковымъ изъ начальниковъ царскихъ гонцовъ; что затѣмъ Александръ скоро умретъ, покрывъ себя славой.

Еще болѣе ободрился Дарій, когда пред-

* Астанда—главный начальникъ царскихъ гонцовъ.
** Богъ солнца у семитическихъ народовъ.

ставилъ себѣ, что Александръ изъ трусости такъ долго остается въ Киликіи. Но этому замедленію была причиной болѣзнь Александра, которая, по мнѣнію однихъ, приключилась ему отъ чрезмѣрной усталости, а по мнѣнію другихъ, оттого, что онъ выкупался въ ледяной водѣ рѣки Кидна *. Изъ многихъ врачей никто не рѣшался лѣчить Александра, находя, что нѣтъ средствъ помочь ему; Филиппъ, изъ Акирнаніи **, также признавалъ опасность, но полагаясь на дружбу, которую питалъ къ нему Александръ, и считая неблагороднымъ не подвергать себя нѣкоторой опасности, въ то время, какъ самъ Александръ въ таковой находился, и не испытать послѣднихъ средствъ для его спасенія, взялся лѣчить его. Приготовивъ лѣкарство, онъ предложилъ Александру выпить его, говоря, что это необходимо для того, чтобъ онъ скорѣй выздоровѣлъ и могъ продолжать войну. Но въ это самое время пришло къ Александру

* Киднъ впадаетъ въ море близъ города Тарси.
** Провинція въ средней Греціи, на берегу Іоническаго моря.

письмо изъ лагеря отъ Парменіона. Парменіонъ совѣтовалъ не довѣрять Филиппу, какъ человѣку, котораго Дарій, дорогими подарками и обѣщаніемъ выдать за него дочь свою, подкупилъ убить Александра. Александръ, прочитавъ письмо, не показалъ его никому изъ своихъ друзей, а только положилъ себѣ подъ подушку. Въ назначенный часъ Филиппъ, вмѣстѣ съ друзьями Александра, вошелъ въ комнату больного, съ чашкой лѣкарства въ рукахъ. Александръ, совершенно свободно, не выказывая ни малѣйшаго подозрѣнія, взялъ чашку и въ то же время подалъ Филиппу письмо, — и вышло, по истинѣ, удивительное и театральное зрѣлище: Александръ пилъ, а Филиппъ читалъ письмо, и затѣмъ оба взглянули другъ на друга, съ неодинаковыми чувствами Веселый взглядъ Александра выражалъ полнѣйшее довѣріе и благоволеніе къ врачу, а Филиппъ, внѣ себя отъ такой клеветы, то призывалъ боговъ въ свидѣтели своей невинности, вознося руки къ небу, то, бросаясь къ постели государя, умолялъ его быть рѣшительнымъ и довѣрчи-

вымъ къ нему. Сначала лѣкарство отняло у него послѣднія силы, и больной долго лежалъ безъ языка, безъ чувствъ и безъ сознанья. Но при помощи Филиппа онъ скоро вылѣчился и показался Македонянамъ, которые только тогда и успокоились, когда увидали его.

Въ войскѣ Дарія находился одинъ Македонянинъ, по имени Аминта, изгнанный изъ своего отечества и нѣсколько знавшій характеръ Александра. Видя, что Дарій собирается итти на Александра узкими горными проходами, онъ умолялъ персидскаго царя оставаться тамъ, гдѣ онъ былъ, чтобы на широкой, открытой равнинѣ, съ своими несмѣтными силами дать малочисленному врагу рѣшительное сраженіе. Дарій отвѣчалъ, что боится, чтобы непріятель не обратился вдругъ въ бѣгство и чтобы Александръ не ушелъ отъ него. „На счетъ этого, государь, будь покоенъ, сказалъ Аминта: онъ самъ пойдетъ на тебя и, быть можетъ, ужъ идетъ“. Аминта не убѣдилъ Дарія, и персидскій царь, снявшись съ лагеря, двинулся въ Киликію въ то самое время, какъ Александръ выступилъ

въ Сирію. Но, по причинѣ ночи, оба войска прошли одно мимо другого и повернули назадъ. Александръ, довольный такой счастливой случайностью, спѣшилъ настичь непріятеля въ ущеліяхъ. Дарій, съ своей стороны, спѣшилъ возвратиться къ мѣсту своего прежняго расположенія, и вывести войско изъ тѣснинъ*. Теперь онъ понималъ, насколько повредилъ себѣ, вступивъ въ мѣстность, лежащую между моремъ и горами, перерѣзанную въ серединѣ рѣкою Пинаромъ и раздѣленную на множество отдѣльныхъ частей, весьма неудобныхъ для дѣйствія кавалеріи и представляющихъ очень выгодныя позиціи малочисленному непріятелю. Счастіемъ было для Александра, что онъ могъ дать сраженіе въ такомъ мѣстѣ; но, болѣе чѣмъ этими благопріятными обстоятельствами, обезпечилъ онъ себѣ побѣду искусствомъ, съ какимъ расположилъ свои войска. Не смотря на многочисленность персидскаго войска, онъ не только лишилъ его

* При входѣ въ ущелія, ведущія изъ Киликіи въ Сирію, лежитъ городъ Исса, отъ котораго описываемое сраженіе и получило свое наименованіе.

возможности окружить Македонянъ, но, принявъ личное начальство надъ своимъ правымъ крыломъ, обошелъ лѣвый флангъ непріятеля, ударилъ на него и обратилъ въ бѣгство. Самъ онъ сражался въ переднихъ рядахъ и мечомъ раненъ былъ въ бедро. Эту рану, говорилъ Харесъ, нанесъ ему самъ Дарій, когда оба государя вступили въ рукопашный бой; но Александръ, въ письмѣ къ Антипатру *, описывая это сраженіе, не называетъ того, кто нанесъ ему ударъ, а говоритъ только, что былъ раненъ въ бедро мечомъ, и что это не имѣло вредныхъ послѣдствій.

Несмотря на блистательную побѣду, уничтожившую болѣе 110,000 враговъ, Александру не удалось взять въ плѣнъ самого Дарія, который бѣжалъ и опередилъ своихъ преслѣдователей на 4 или 5 стадій **. Овладѣвъ его колесницей и лукомъ, Александръ возвратился къ своему главному войску какъ

* Антипатръ, одинъ изъ его полководцевъ, оставленный намѣстникомъ въ Македоніи и Греціи на время похода въ Азію.

** $5^3/_7$ стадій составляютъ версту.

разъ въ то время, когда Македоняне брали и грабили лагерь варваровъ. Тамъ оказалися несмѣтныя богатства, несмотря на то, что Персы на мѣсто дѣйствія прибыли налегкѣ, оставивъ въ Дамаскѣ большую часть своего обоза. Богато убранную палатку Дарія, въ которой оказалось много дорогой утвари, золотой и серебряной посуды, оставили нетронутой для Александра. Немедленно по возвращеніи, Александръ снялъ съ себя оружіе и пошелъ въ баню. „Утремъ теперь потъ отъ сраженія и вымоемся въ банѣ Дарія", сказалъ онъ своимъ приближеннымъ. „Не въ банѣ Дарія, а въ банѣ Александра", перебилъ одинъ изъ нихъ: „имущество побѣжденныхъ принадлежитъ побѣдителю". Здѣсь съ удивленіемъ смотрѣлъ онъ на золотые, съ необыкновеннымъ искусствомъ отдѣланные водоемы и купальни, урны и ящики съ благоуханіями, и упивался чуднымъ ароматомъ благовонныхъ эссенцій, наполнявшихъ комнату; перейдя затѣмъ въ шатеръ, замѣчательный по высотѣ и обширности, а также по убранству постели и столовъ, онъ бро-

силъ взглядъ на бывшихъ съ нимъ друзей и сказалъ:

„Вотъ, должно быть, что у нихъ значитъ царствовать".

Онъ готовился сѣсть за столъ, когда кто то сказалъ, что мать, супруга и обѣ дочери Дарія находятся между плѣнными и что, увидавъ лукъ и колесницу Дарія, онѣ убиваются и плачутъ, считая его умершимъ. Услыхавъ это, Александръ долго сидѣлъ въ молчаніи, видимо болѣе тронутый несчастной судьбой семейства Дарія, чѣмъ довольный своими успѣхами. А затѣмъ послалъ Леонната объявить плѣннымъ женщинамъ, что Дарій живъ, что имъ нечего бояться Александра, который воюетъ съ Даріемъ за власть, и что имъ будетъ оказано такое же уваженіе, какимъ онѣ пользовались при Даріи. Уже эти слова свидѣтельствовали плѣнницамъ о милосердіи и человѣколюбіи побѣдителя; последовавшія затѣмъ дѣла еще болѣе поразили ихъ. Онъ дозволилъ имъ похоронить тѣхъ изъ Персовъ, которыхъ онѣ пожелаютъ, и взять изъ вещей, отнятыхъ у непріятеля,

одежду и все нужное для погребенія. Изъ обстановки и почестей, которыми онѣ до сихъ поръ пользовались, онъ ничего не убавилъ, а денежное содержаніе ихъ даже увеличилъ.

Но для благородныхъ и добродѣтельныхъ женщинъ, имѣвшихъ несчастіе попасться въ плѣнъ, самой высокой и царственной милостью съ его стороны было то, что въ ихъ присутствіи не было сказано ни одного срамнаго слова, не сдѣлано ни малѣйшаго намека, оскорбительнаго для ихъ цѣломудрія, что имъ отведено было помѣщеніе тайное и недоступное для другихъ, словно онѣ были не въ непріятельскомъ лагерѣ, а въ священномъ убѣжищѣ дѣвъ. А между тѣмъ, супруга Дарія была, говорятъ, одна изъ красивѣйшихъ женщинъ, самъ Дарій тоже отличался красотой и высокимъ ростомъ, а дочери очень похожи были на родителей. Но Александръ, считая болѣе достойнымъ царя одерживать побѣды надъ собой, чѣмъ властвовать надъ врагами, ихъ не трогалъ. Да и вообще онъ былъ человѣкъ воздержанный и до своей женитьбы не зналъ ни одной женщины, за исключеніемъ

Барзины, вдовы Мемнона, взятой въ плѣнъ въ Дамаскѣ. Она получила греческое образованіе и нравилась своимъ пріятнымъ характеромъ; къ тому же была царскаго происхожденія, такъ какъ отецъ ея, Артобазъ, былъ внукъ персидскаго царя; по словамъ Аристобула, Александра съ этой знатной и красивой женщиной познакомилъ Парменіонъ. О прочихъ своихъ плѣнницахъ, тоже отличавшихся красотой и высокимъ ростомъ, онъ только говорилъ, шутя, что отъ Персіянокъ у него болятъ глаза. Ихъ красотѣ противупоставлялъ онъ свое самообладаніе и безстрастіе, смотрѣлъ на нихъ, какъ на безжизненныя статуи, смотрѣлъ и—проходилъ мимо.

Получивъ разъ донесеніе, что два македонянина, Дамонъ и Тимотей, служившіе въ отрядѣ Парменіона, обезчестили женъ нѣкоторыхъ наемныхъ воиновъ, онъ предписалъ Парменіону изслѣдовать дѣло и, если обвиняемые окажутся виновными, умертвить ихъ, какъ дикихъ звѣрей, истребляющихъ человѣческій родъ. Въ этомъ самомъ письмѣ

онъ писалъ: „что касается до меня самого, то я никогда не видалъ и не желалъ видѣть супруги Дарія, не позволялъ даже говорить при себѣ о ея красотѣ". Онъ часто говорилъ, что сонъ и женщины всего болѣе даютъ ему чувствовать, что онъ смертный, такъ какъ, по его мнѣнію, утомленіе и потребность наслажденія вытекаютъ изъ одной и той же слабости нашего существа. Онъ также былъ очень воздерженъ въ пищѣ, чему служатъ доказательствомъ слова, сказанныя имъ Адѣ, которую онъ возвелъ на престолъ Каріи. Ада, въ знакъ своего расположенія, ежедневно присылала ему разныхъ кушаній и пирожныхъ, а также лучшихъ своихъ поваровъ и хлѣбниковъ. Но Александръ ей объявилъ, что этого ему не нужно, что его наставникъ Леонидъ подарилъ ему двухъ, еще лучшихъ поваровъ, одного—для обѣда, другого—для ужина: для обѣда— прогулку на разсвѣтѣ, для ужина—легкій обѣдъ. Тотъ же самый Леонидъ, продолжалъ Александръ, часто заглядывалъ въ сундуки, гдѣ хранилось мое бѣлье и платье, ища, не положила ли мнѣ мать чего нибудь сладкаго или лишняго.

Къ вину онъ также не былъ такъ пристрастенъ, какъ казалось. А казалось это лишь потому, что онъ засиживился за столомъ, произнося за каждой чашей длинныя рѣчи. Впрочемъ, онъ дѣлалъ это лишь тогда, когда имѣлъ въ своемъ распоряженіи много досуга; во время же военныхъ дѣйствій, ни вино, ни сонъ, ни игра, ни театральныя представленія не плѣняли его, какъ другихъ полководцевъ. Доказательствомъ этому можетъ служить его жизнь, непродолжительная, но богатая славными дѣлами. Въ свободное время, вставъ по утру, онъ прежде всего приносилъ жертву богамъ, затѣмъ обѣдалъ сидя. Остальная часть дня посвящалась охотѣ, обученію войска, обсужденію военныхъ вопросовъ и, наконецъ, чтенію. Часто также онъ забавлялся охотою на лисицъ и на птицъ, какъ это можно видѣть изъ его дневника. Возвратясь къ себѣ и отдохнувъ, шелъ въ баню, натирался масломъ и спрашивалъ поваровъ и завѣдующихъ его кухней, хорошъ ли будетъ ужинъ. Бывало уже поздно и темно, когда онъ садился за ужинъ. Замѣчательно,

съ какимъ вниманіемъ онъ слѣдилъ, чтобы всѣмъ его гостямъ кушанья подавались одинаково и чтобы все дѣлалось рачительно: но, любя бесѣду, онъ чрезъ мѣру засиживался за столомъ, какъ сказано выше.

Будучи изъ всѣхъ царей пріятнѣйшимъ человѣкомъ въ обществѣ, обладая всѣми средствами нравиться, онъ за попойкой хвастался и надоѣдалъ, какъ старый солдатъ. Склонный къ тщеславію, онъ охотно внималъ льстецамъ, и льстецы оттѣсняли лучшихъ гостей, не желавшихъ ни состязаться съ ними, ни отставать отъ нихъ въ похвалахъ царю, такъ какъ первое казалось слишкомъ унизительнымъ, а второе—опаснымъ. Онъ былъ мало пристрастенъ къ лакомствамъ и часто, посылая своимъ друзьямъ самые сладкіе фрукты и самую рѣдкую рыбу, ничего себѣ не оставлялъ. Тѣмъ не менѣе онъ постоянно держалъ великолѣпный столъ; издержки на него росли соразмѣрно его собственному возвышенію и дошли наконецъ до того, что каждый день стоилъ не менѣе 10,000 драхмъ*. Далѣе онъ

* 2500 руб.

не пошелъ, и было установлено, чтобы приглашавшіе Александра къ себѣ тратили не менѣе этой суммы.

Послѣ сраженія при Иссѣ, онъ послалъ часть своего войска овладѣть деньгами, обозомъ, дѣтьми и женами Персовъ. При этомъ особенно поживились ѳессалійскіе конники, которыхъ онъ нарочно послалъ, чтобы наградить за замѣчательную воинственность и храбрость въ бою. Но и остальное войско получило богатую добычу. Македонянамъ понравилось золото, серебро и роскошь варваровъ, и они, какъ собаки, напавшіе на слѣдъ звѣря, пустились въ погоню за новыми сокровищами.

Но сначала Александръ нашелъ нужнымъ овладѣть приморскими городами. Цари Кипра и всѣхъ финикійскихъ городовъ, за исключеніемъ Тира, поспѣшили ему покориться. Онъ осадилъ Тиръ и осаждалъ его цѣлые семь мѣсяцевъ съ помощію машинъ, плотинъ и 200 галлеръ. Во время осады Александръ видѣлъ во снѣ Геркулеса, * который съ го-

* Геркулесъ былъ главнымъ божествомъ Тирянъ.

родской стѣны протягивалъ ему руку и звалъ къ себѣ. Въ то же время многіе изъ жителей Тира видѣли во снѣ Аполлона, который говорилъ имъ, что идетъ къ Александру, потому что недоволенъ тѣмъ, что творится у нихъ въ городѣ. Тогда Тиряне поступили съ этимъ богомъ, какъ съ перебѣжчикомъ, пойманнымъ на мѣстѣ преступленія. Они обложили цѣпями его колоссальную статую, прибили гвоздями къ пьедесталу и бранили Александристомъ (другомъ Александра).

Александръ видѣлъ еще другой сонъ. Ему приснился Сатиръ, издали съ нимъ заигрывающій; но когда Александръ подошелъ схватить его, онъ уклонился и бросился отъ него прочь. Александръ гнался за нимъ, бросаясь во всѣ стороны, но Сатиръ только послѣ многихъ просьбъ дался ему въ руки. Гадатели дали этому сну довольно правдоподобное объясненіе, раздѣливъ словно Сатиръ на двое: „Sa Tyros", что значитъ: „Тиръ твой". И теперь еще показываютъ источникъ, гдѣ, какъ говорятъ, Александръ видѣлъ этотъ сонъ.

Пока тянулась осада Тира, Александръ совершилъ походъ противъ Арабовъ, жившихъ у подошвы Антиливана. Въ этомъ походѣ онъ подвергся опасности изъ-за своего бывшаго наставника Лизимаха, который самъ вызвался сопутствовать Александру, считая себя не хуже и не старѣе Феникса*. Подъѣхавъ къ горамъ, Александръ и его воины слѣзли съ лошадей и продолжали путь пѣшіе. Войска ушли далеко, но онъ не имѣлъ духа оставить Лизимаха, который, по своей тучности и недостатку мужества, не могъ поспѣвать за остальными. День уже склонялся къ вечеру; непріятель былъ недалеко, а Александръ, ободряя Лизимаха, иногда таща его, не замѣтилъ, какъ отсталъ отъ арміи съ немногими только воинами. Расположившись провести ночь, весьма холодную, въ мѣстѣ очень неудобномъ для ночлега, онъ увидѣлъ вдали множество непріятельскихъ огней, горѣвшихъ въ различныхъ мѣстахъ. Полагаясь на свое про-

* Фениксъ наставникъ Ахиллеса, сопровождавшій его во время похода противъ Трои.

ворство и увлекаясь привычкой не щадить себя когда требовалось облегчить тяжелое положеніе войска, онъ подбѣжалъ къ ближайшему огню, пронзилъ мечомъ двухъ варваровъ, сидѣвшихъ у костра, и съ горящей головней въ рукѣ возвратился къ своимъ: Македоняне тотчасъ развели множество огней и этимъ привели варваровъ въ такой ужасъ, что одни изъ нихъ бѣжали, а другіе, осмѣлившіеся напасть на Македонянъ, были обращены въ бѣгство. Такимъ образомъ Александръ и его воины провели остальную ночь въ полномъ спокойствіи и безопасности. Такъ разсказываетъ объ этомъ Харесъ.

Осада Тира кончилась слѣдующимъ образомъ. Послѣ многочисленныхъ битвъ Александръ далъ отдохнуть большей части своего войска и только съ малой его частью подступилъ къ стѣнамъ города, чтобы непріятель не имѣлъ времени перевести духъ. Въ этотъ самый день прорицатель Аристандръ приносилъ жертвы; разсмотрѣвъ внутренности убитаго животнаго, онъ смѣло объявилъ всѣмъ присутствующимъ, что городъ непремѣнно

будетъ взятъ въ этомъ мѣсяцѣ. Всѣ засмѣялись, потому что уже наступилъ послѣдній день мѣсяца. Александръ, увидавъ жреца въ замѣшательствѣ и всегда интересуясь предсказаніями, повелѣлъ этотъ день считать не тридцатымъ, а двадцать восьмымъ числомъ кончающагося мѣсяца; затѣмъ приказалъ трубить въ трубы и послалъ на приступъ больше войска, чѣмъ предполагалъ вначалѣ. Посланные на приступъ горячо начали дѣло; войска, бывшія въ лагерѣ, не могли оставаться спокойными и устремились на помощь товарищамъ. Тиряне упали духомъ, и городъ былъ взятъ въ тотъ же день. Послѣ того Александръ осадилъ Газу, одинъ изъ величайшихъ городовъ Сиріи. Во время этой осады случилось, что Александру попалъ въ плечо маленькій комокъ земли, выпавшій изъ клюва пролетавшей надъ нимъ птицы; потомъ эта самая птица спустилась на одну осадную машину и запуталась въ веревкахъ, приводившихъ въ дѣйствіе машину. Какъ Аристандръ объяснилъ это знаменіе, такъ и случилось: Александръ былъ раненъ въ плечо и взялъ городъ.

Изъ взятой у непріятеля добычи много вещей онъ послалъ въ подарокъ Олимпіи, Клеопатрѣ * и многимъ друзьямъ. Леониду, бывшему воспитателю своему, послалъ онъ 500 талантовъ ** ладону и 100 талантовъ смирны, вспомнивъ, какія надежды пробудили въ немъ еще въ дѣтствѣ слова Леонида. Разсказываютъ, что Александръ, будучи еще ребенкомъ, однажды, во время жертвоприношенія, набралъ полныя руки ладону и бросилъ его въ огонь. Видя это Леонидъ сказалъ: „Александръ! Когда ты овладѣешь страной кореньевъ и благоуханій, тогда тебѣ можно будетъ тратить ладону сколько угодно, а пока будь бережливѣй!“ Потому Александръ и писалъ ему теперь: „Посылаю тебѣ много, много ладону, чтобъ ты пересталъ быть скупымъ къ богамъ“.

Въ это время принесли ему ларецъ, признанный всѣми за лучшую вещь изъ сокровищъ Дарія, доставшихся въ добычу побѣдителю.

---

*) Клеопатра, родная сестра Александра.

** Талантъ, какъ мѣра вѣса, содержитъ въ себѣ около 50 фунтовъ.

„Чтó, по вашему мнѣнію“, спросилъ Александръ у своихъ друзей, „всего лучше было бы хранить въ этомъ ларцѣ“? Друзья назвали много вещей. Александръ сказалъ, что считаетъ долгомъ хранить въ немъ Иліаду. Такъ разсказываютъ многіе историки, достойные довѣрія. И если правда, что говорятъ Александрійскіе писатели, ссылаясь на Гераклида *, то Александръ въ своихъ походахъ не даромъ возилъ съ собой Гомера: онъ былъ ему добрымъ совѣтникомъ. Послѣ завоеванія Египта, Александръ вознамѣрился основать въ этой странѣ большой городъ, заселить его Греками и назвать своимъ именемъ. Уже, по совѣту архитектора, отведено и отмѣрено было мѣсто для построекъ. Вскорѣ послѣ того Александру ночью было во снѣ чудесное видѣніе: предъ нимъ явился почтенный, сѣдовласый старецъ и произнесъ слѣдующій стихъ:

На морѣ шумномъ — широкомъ, находится островъ, лежащій
«Противъ Египта; его именуютъ тамъ жители Фаросъ».

---

* Гераклидъ — одинъ изъ современныхъ Александру греческихъ писателей.

Онъ тотчасъ всталъ и отправился къ Фаросу, который въ то время былъ еще островомъ и лежалъ немного выше Канобійскаго устья *, а теперь плотиной соединенъ съ твердой землей. Бросивъ бѣглый взглядъ на островъ, замѣчательный по своему выгодному расположенію (это ни что иное, какъ коса, составляющая достаточной ширины перешеекъ между моремъ и большою заводью, и заканчивающаяся обширнымъ портомъ), Александръ сказалъ своимъ спутникамъ: Гомеръ, удивительный въ столь многихъ отношеніяхъ, былъ также искуснымъ архитекторомъ, и затѣмъ приказалъ начертить планъ будущаго города, соотвѣтственно условіямъ мѣстности. За недостаткомъ мѣла взяли муки, и на черномъ грунтѣ въ ровной поверхности провели наружную межу въ формѣ полукружія, бока котораго представляли прямыя, одинаковой величины линіи, постепенно сходившіяся къ заливу такъ, что очертаніе будущаго города имѣло видъ ма-

---

* Одинъ изъ рукавовъ Нила.

кедонскаго плаща. Александръ съ великимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на этотъ чертежъ, какъ вдругъ, со стороны рѣки и озера, налетѣло множество всякаго рода птицъ. Черной тучей опустились онѣ на это мѣсто, и муки не осталось нисколько. Александръ изумился этому чуду и испугался; но прорицатели его успокоили: „городъ, который онъ намѣренъ построить, сказали они, станетъ современемъ богатѣйшимъ городомъ въ свѣтѣ и будетъ питать самое разнообразное населеніе".

Приказавъ архитекторамъ немедленно приступить къ постройкамъ, онъ отправился посѣтить храмъ Юпитера Аммона *. Это было долгое путешествіе, на каждомъ шагу представлявшее великія затрудненія. Отправляющимся въ этотъ край предстоятъ двѣ опасности: отъ совершеннаго отсутствія воды страна, на протяженіи нѣсколькихъ дней пути, представляетъ пустыню; путники, идущіе по глубокимъ пескамъ, среди необъятной равнины, могутъ быть настигнуты южнымъ

---

* Этотъ храмъ находился въ оазисѣ Ливійской пустыни, называемомъ теперь Сива.

вѣтромъ, тѣмъ самымъ, который нѣкогда, приведя въ движеніе всю равнину, поднялъ громадные столбы песку и засыпалъ подъ его грудами пятидесятитысячное войско Камбиза *. Почти всѣ имѣли въ виду эти опасности, но отговорить Александра было трудно, разъ онъ принялъ какое-нибудь рѣшеніе. Такъ было потому, что до сихъ поръ счастіе благопріятствовало всѣмъ его предпріятіямъ; притомъ же, неустрашимый духъ всегда побуждалъ его стремиться къ достиженію цѣлей съ неодолимымъ упорствомъ, бравшимъ верхъ не только надъ непріятелемъ на полѣ сраженія, но и надъ мѣстами и временами. Что въ продолженіе этого труднаго пути самъ богъ (Аммонъ) оказалъ помощь Александру, этому вѣрили болѣе, чѣмъ позднѣй-

* Камбизъ, царь Персидскій, царствовавшій отъ 529 по 522 годъ до Р. Х., послалъ 50000-ное войско покорить Аммоніевъ, жившихъ въ оазисѣ, называемомъ теперь Сива, и разорить и сжечь находившееся тамъ прорицалище Зевса Геродотъ разсказываетъ, что къ Аммоніямъ войско не дошло и назадъ не вернулось. „Сами же Аммоніи“, продолжаетъ онъ, сообщаютъ относительно этого слѣдующее: на Персовъ, во время завтрака, налетѣлъ внезапно сильный вѣтеръ съ юга и похоронилъ ихъ въ пустынѣ въ массѣ песку.

шимъ прорицаніямъ его оракула, да и самимъ этимъ прорицаніемъ вѣрили лишь потому, что не могли отрицать этой помощи. Прежде всего пошелъ такой сильный и продолжительный дождь, что уже нечего было опасаться недостатка въ водѣ; смоченный дождемъ песокъ остылъ и осѣлъ, и оттого воздухъ сдѣлался чище и удобнѣй для дыханія. Затѣмъ, когда подорожные столбы, служившіе проводникамъ указателями пути, засыпало пескомъ и воины Александра, не зная мѣстности, пошли какъ попало, появились вороны и полетѣли впереди, словно указывая путь; иногда они останавливались, какъ бы поджидая отсталыхъ. Всего изумительнѣй, по словамъ Калисѳена *, было то, что вороны ночью карканьемъ своимъ звали сбившихся съ дороги и возвратили на настоящій путь.

Когда Александръ достигъ цѣли своего путешествія, на встрѣчу ему вышелъ жрецъ Аммона и привѣтствовалъ его отъ имени бога, называя этого бога его отцомъ.

* О немъ будетъ ниже.

Затѣмъ Александръ спросилъ: не спаслись-ли отъ наказанія нѣкоторые изъ убійцъ его отца. На это жрецъ отвѣчалъ, что напрасно онъ такъ говоритъ, потому что отецъ его не принадлежитъ къ числу смертныхъ. Александръ поправился и спросилъ: Всѣ-ли убійцы Филиппа наказаны, и даруетъ-ли ему Аммонъ сдѣлаться повелителемъ всѣхъ людей? Получивъ въ отвѣтъ, что желаніе его исполнится, и что Филиппъ отмщенъ вполнѣ, Александръ принесъ богу богатые дары, а служащимъ при храмѣ роздалъ щедрые подарки. Такъ большая часть историковъ передаетъ намъ вопросы и отвѣты оракула. Самъ онъ, въ письмѣ къ матери, говоритъ, что получилъ и другіе отвѣты, которые пока хранитъ въ тайнѣ и сообщитъ ей одной по возвращеніи. Нѣкоторые разсказываютъ, что жрецъ, привѣтствуя царя по-гречески, хотѣлъ употребить ласковое выраженіе: „o! Paidion!“, т.-е. „o! любезный сынъ!“, но, плохому знанію языка, ошибся въ послѣдней буквѣ и сказалъ: „o! Paidios!“ т.-е. „сынъ бога“. Эта ошибка

была очень пріятна Александру, и молва распространилась, что самъ богъ назвалъ его своимъ сыномъ (Pai Dios значитъ сынъ Зевеса).

Разсказываютъ также, что въ Египтѣ онъ посѣтилъ философа Псаммона. Изъ всѣхъ высказанныхъ имъ мнѣній, Александру наиболѣе понравилось то, что всѣми людьми управляетъ богъ, потому что въ каждомъ человѣкѣ есть начало, имъ управляющее, и это начало божественно. Но самъ Александръ, относительно этого пункта, высказалъ еще болѣе глубокое сужденіе: „Богъ, говорилъ онъ, отецъ всѣхъ людей, но особенно любитъ онъ, какъ дѣтей, людей добродѣтельныхъ“. Вообще съ варварами держалъ онъ себя гордо, какъ человѣкъ, вполнѣ убѣжденный въ божественномъ своемъ происхожденіи; но въ присутствіи грековъ представлялъ себя богомъ съ нѣкоторою сдержанностью. Только разъ, въ письмѣ къ Аѳинянамъ по поводу Самоса, измѣнилъ онъ этой сдержанности: „Я бы, конечно, писалъ онъ, не отдалъ подъ вашу власть свободнаго

и знаменитаго города Самоса; но пусть онъ останется за вами, такъ какъ вы получили его отъ государя, котораго называли моимъ отцомъ". Такъ выразился онъ въ этомъ письмѣ о Филиппѣ. Въ другой разъ, будучи раненъ стрѣлой и страдая отъ раны, онъ сказалъ, указывая на сочившуюся кровь: „вѣдь это кровь, а не та тонкая жидкость, которая течетъ въ жилахъ блаженныхъ боговъ". Однажды, когда всѣ присутствующіе были испуганы сильнымъ ударомъ грома, случившійся тутъ же философъ Анаксархъ сказалъ Александру: „Не ты ли это сдѣлалъ, сынъ Зевеса!" „О нѣтъ, отвѣчалъ Александръ, „я вовсе не желаю быть страшнымъ для моихъ друзей, какъ ты бы этого желалъ, ты, пренебрегающій моими пирами только потому, что у меня за столомъ подаютъ рыбу, а не головы сатраповъ". Говорятъ, что когда Александръ прислалъ разъ Гефестіону мелкой рыбы, Анаксархъ дѣйствительно сказалъ эти слова, желая осмѣять людей, которые, пренебрегая трудами и опасностями, стремятся къ славѣ, но въ концѣ

концовъ не болѣе другихъ людей пользуются благами и наслажденіями жизни. Изъ всѣхъ этихъ чертъ очевидно, что Александръ не вѣрилъ въ свою божественность и не гордился ею, а пользовался только вѣрою другихъ для того, чтобы властвовать надъ ними.

Свое возвращеніе въ Финикію ознаменовалъ онъ жертвоприношеніями и празднествами, а также хореграфическими и трагическими представленіями, блиставшими не только великолѣпной обстановкой, но и соревнованіемъ устроителей представленій. Цари Кипрскіе взяли на себя всѣ издержки, какъ въ Аѳинахъ дѣлали это лица, избираемыя для этой цѣли по жребію изъ каждаго племени, и старались всѣми силами затмить другъ друга. Никокріонъ изъ Саламина и Пазикратъ изъ города Золи выказали особенное усердіе въ этомъ состязаніи. Имъ обоимъ, по жребію, пришлось платить знаменитѣйшимъ актерамъ: Пазикратъ долженъ былъ платить Атенодору, а Никокріонъ—Ѳессалу. Послѣднему покровительствовалъ самъ Александръ, чего однако онъ не

выказывалъ, пока Атенодоръ общимъ голосомъ не былъ провозглашенъ побѣдителемъ. Тогда, выходя изъ театра, Александръ, говорятъ, сказалъ, что онъ согласенъ съ приговоромъ судей, но отдалъ бы полцарства за то, чтобъ не видать Өессала побѣжденнымъ. Когда Атенодоръ, осужденный Аөинянами къ уплатѣ денежной пени за то, что не явился въ Аөины на состязанія во время Діонисій *, просилъ Александра исходатайствовать ему прощеніе у Аөинянъ, то царь, хотя и не сдѣлалъ этого, но взялъ на себя уплату пени. Другой актеръ, Ликонъ, изъ города Скарөіи **, играя разъ съ большимъ успѣхомъ, въ присутствіи Александра, включилъ въ свою роль стихъ, выражавшій просьбу, чтобъ ему дали десять талантовъ ***. Александръ разсмѣялся и подарилъ ему эту сумму.

Между тѣмъ Дарій прислалъ ему съ до-

* Празднество въ честь Бахуса.

** Городъ въ греческой области Локридѣ, близъ Өермопилъ.

*** Десять талантовъ равны 15,000 рублей.

вѣренными людьми письмо, въ которомъ просилъ его принять 10,000 талантовъ * выкупа за плѣнныхъ, уступалъ всѣ земли по сю сторону Евфрата, предлагалъ свой дружественный союзъ и одну изъ своихъ дочерей въ супружество. Александръ сообщилъ объ этомъ друзьямъ своимъ. „Я бы принялъ эти предложенія“, сказалъ Парменіонъ, „еслибъ я былъ Александръ“. „И я тоже, клянусь Зевесомъ“, возразилъ Александръ, „еслибъ я былъ Парменіонъ“. Затѣмъ онъ отвѣчалъ Дарію, что если Дарій придетъ къ нему, то будетъ принятъ самымъ благосклоннымъ образомъ; если же нѣтъ, то Александръ немедленно пойдетъ на него войной.

Вскорѣ однако онъ раскаялся, что такъ отвѣчалъ, потому что супруга Дарія умерла въ родахъ. Александръ видимо этимъ огорчился, потому что лишался чрезъ это не маловажнаго случая выказывать свое великодушіе, и похоронилъ умершую, не жалѣя никакихъ издержекъ.

* 15,000,000 рублей.

Одинъ изъ ея евнуховъ, Тирей, взятый въ плѣнъ въ одно время съ нею, бѣжалъ изъ лагеря, верхомъ отправился къ Дарію и привезъ ему извѣстіе объ ея кончинѣ. Услыхавъ печальную новость, Дарій, ударяя себя въ голову и глубоко вздыхая, сказалъ: „какъ несчастна Персія, если супруга и сестра ея царя не только при жизни томилась въ плѣну, но и по смерти лишена погребальныхъ почестей, приличныхъ ея сану!“ На это евнухъ, перебивая царя, сказалъ: „О нѣтъ, государь! Что касается до погребальныхъ почестей, тебѣ нечего жаловаться на злую судьбу Персовъ! Пока моя повелительница Статира была жива, ей и матери твоей и твоимъ дѣтямъ сохранено было все, чѣмъ онѣ пользовались прежде, недоставало только свѣта твоихъ очей, который, волею верховнаго повелителя нашего Оромаза *, со временемъ возсіяетъ для нихъ ярче прежняго. Царицу похоронили не только съ пышностью, подобающею ея сану, но и почтили слезами: Александръ какъ страшенъ въ бояхъ, такъ милостивъ послѣ побѣды“. Дарій смутился этими смовами; горе и волненіе вызвали въ его душѣ странныя подозрѣнія. Онъ отвелъ евнуха въ глубь своего шатра и сказалъ ему: „Если ты не перешелъ на сторону Македоніи, какъ перешло къ ней счастіе Персіи, — если я для тебя все еще твой повелитель Дарій, то заклинаю тебя свѣтомъ великаго Митры *, которому ты поклоняешься, и моей царской рукой, которую я тебѣ подаю, открой мнѣ всю правду: не оплакиваю ли я въ настоящую минуту наименьшее изъ золъ, какія могли постигнуть Статиру? Если бъ она оставалась жива, не пришлось ли бы намъ испытать еще больѣе тяжкое горе? Не лучше ли было бы намъ, если бы мы попали въ руки врагу жестокому и свирѣпому? И можно ли найти благовидныя объясненія для почестей, которыя молодой побѣдитель отдаетъ женѣ своего врага? Онъ еще говорилъ, когда Тирей, бросившись къ его но-

* Оромазъ или Ормуздъ у Персовъ богъ добра, а Ариманъ, богъ зла.

* Митра у Персовъ богъ солнца.

гамъ, сталъ умолять его не оскорблять Александра несправедливыми подозрѣніями и не позорить памяти своей супруги; въ своихъ несчастіяхъ не лишать себя послѣдняго утѣшенія,—сознанія, что побѣдитель своими достоинствами стоитъ выше обыкновенныхъ людей. Должно удивляться Александру, говорилъ онъ, какъ человѣку, еще болѣе прославившему себя благороднымъ обращеніемъ съ персидскими женщинами, чѣмъ мужествомъ въ битвахъ. И подтверждая истину своихъ словъ страшными клятвами, онъ продолжалъ говорить о томъ, какъ Александръ великодушенъ и какъ умѣетъ владѣть собой. Тогда Дарій вышелъ къ друзьямъ своимъ, поднялъ руки къ небу и началъ молиться: „Боги, покровители моего дома и моего царства! всего болѣе молю васъ, возстановите счастіе Персіи и дайте мнѣ оставить мое государство въ томъ счастливомъ положеніи, въ какомъ оно мнѣ досталось; ниспошлите мнѣ побѣду, чтобы я могъ воздать Александру за то добро, которое онъ оказывалъ моимъ близкимъ послѣ моего пораженія.

Но если, можетъ быть, насталъ часъ справедливаго возмездія, часъ великой перемѣны, если судьба готовитъ конецъ Персіи, то пусть лишь Александръ возсядетъ на престолъ Кира“. Вотъ какъ большинство историковъ передаетъ эти событія и рѣчи.

Покоривъ всѣ страны до Евфрата, Александръ двинулся противъ Дарія, который съ милліономъ войска выступилъ въ поле. Во время похода одинъ изъ друзей Александра, желая позабавить его, сообщилъ ему, что среди обозной прислуги затѣялась слѣдующая игра: раздѣлились на двѣ партіи, и каждая партія выбрала себѣ предводителя; одного назвали Александромъ, другого Даріемъ; сначала играющіе бросались комками земли, дрались кулаками, а затѣмъ такъ разгорячились, что схватились за палки и камни; дошло до того, что ихъ нельзя разнять. Услыхавъ это Александръ приказалъ обоимъ предводителямъ вступить въ единоборство: Александра вооружилъ онъ собственноручно, а Дарій снаряженъ былъ Филотомъ. Все войско стояло и смотрѣло, счи-

тая, что исходъ боя будетъ предзнаменованіемъ будущаго. Противники дрались съ ожесточеніемъ и принявшій имя Александра остался побѣдителемъ. За это онъ получилъ 12 деревень въ подарокъ и право носить персидскую одежду. Это происшествіе передается Эратосфеномъ *.

Большое сраженіе съ Даріемъ произошло не при Арбелахъ, какъ утверждаетъ большинство историковъ, а близъ Гавгамелы **. Гавгамела на персидскомъ языкѣ означаетъ жилище верблюда и городъ названъ такъ потому, что одинъ изъ древнихъ царей ***, обязанный своимъ спасеніемъ отъ непріятеля быстротѣ верблюда, поселилъ здѣсь это животное и назначилъ доходы съ нѣсколькихъ деревень на его содержаніе. Въ мѣсяцѣ Боедроміонѣ ****, около того времени, когда

* Поэтъ, филологъ и астрономъ; родился въ 275, умеръ въ 194.

** Оба города находились въ Ассирійской провинціи Адіабекѣ, въ 600 стадіяхъ (считая въ стадіи по 125 шаговъ) одинъ отъ другого.

*** Дарій Гистаспъ во время несчастной войны противъ Скиѳовъ.

**** Боедроміонъ соотвѣтствовалъ нашему сентябрю и былъ третьимъ мѣсяцемъ въ году у Грековъ.

въ Аѳинахъ начинается празднованіе мистерій, случилось лунное затмѣніе. Въ одиннадцатую ночь послѣ этого затмѣнія обѣ арміи встрѣтились лицомъ къ лицу. Все войско Дарія было въ полномъ вооруженіи, когда онъ объѣзжалъ ряды при свѣтѣ факеловъ; Македоняне же, по приказанію своего царя, въ это время отдыхали. Самъ Александръ съ своимъ гадателемъ Аристандромъ совершалъ нѣкіе таинственные обряды передъ своимъ шатромъ и приносилъ жертвы богу. Всѣ вавнины между Нифатомъ * и Гордейскими горами на сторонѣ Персовъ горѣли множествомъ огней; изъ ихъ лагеря, словно изъ пучины морской, исходилъ и разносился по всей равнинѣ смутный гулъ. Парменіонъ и прочіе сподвижники Александра, изъ тѣхъ, что были постарше, дивились такому множеству непріятелей и между собой разсуждали, что среди бѣла дня не легко будетъ бороться съ такой силой. Когда царь окончилъ свое жертвоприношеніе, они по-

* Нифатъ (снѣжная гора); этотъ хребетъ составляетъ продолженіе Таврскихъ горъ.

дошли къ нему и стали уговаривать напасть на непріятеля ночью, чтобы такимъ образомъ Македоняне не увидали того, что всего болѣе могло ихъ устрашить въ предстоящей битвѣ. Но Александръ далъ имъ свой знаменитый отвѣтъ: „Я своихъ побѣдъ не краду“. Многіе въ этихъ словахъ видѣли тщеславіе юноши, какъ бы хвастовство тѣмъ, что и величайшія опасности ему ни почемъ; другіе же, напротивъ—большое довѣріе къ настоящему и вѣрный взглядъ на будущее. Александръ не желалъ, чтобы побѣжденный Дарій, приписывая свое пораженіе ночному времени и темнотѣ, какъ въ прежнюю кампанію приписывалъ его горамъ и тѣснинамъ могъ найти въ себѣ мужество къ новымъ предпріятіямъ. Немыслимо было, чтобы Дарій, обладая такимъ огромнымъ и могущественнымъ государствомъ, прекратилъ войну по недостатку оружія и людей; онъ могъ бы рѣшиться на это лишь послѣ такого пораженія, которое бы съ неумолимой очевидностью доказало ему, что слѣдуетъ оставить гордость и отказаться отъ всѣхъ надеждъ.

Когда полководцы ушли, Александръ удалился въ палатку и легъ спать, и, говорятъ, противъ своего обыкновенія, спалъ всю остальную часть ночи крѣпко и долго. Полководцы его удивились, когда на разсвѣтѣ, войдя къ нему въ палатку, застали его спящимъ. Они уже отъ себя отдали приказъ солдатамъ завтракать. Парменіонъ подошелъ къ его кровати и нѣсколько разъ назвалъ по имени. Когда наконецъ Александръ проснулся, Парменіонъ сказалъ: „что это значитъ, что ты спишь сномъ побѣдителя, а не такого человѣка, которому предстоитъ величайшее и труднѣйшее сраженіе?—„Неужели“, отвѣчалъ Александръ, улыбаясь, ты не считаешь за побѣду того, что намъ теперь не нужно гоняться за Даріемъ, бѣгущимъ отъ сраженія по обширной и разоренной странѣ“. Не только передъ битвой, но и въ минуту опасности онъ былъ великъ и силенъ своей находчивостью и самоувѣренностью. На лѣвомъ крылѣ, находившемся подъ начальствомъ Парменіона, вслѣдствіе стремительнаго вторженія бактрійской

конницы въ ряды Македонянъ, произошло нѣкоторое смятеніе и колебаніе. Въ то же время Мазей отрядилъ часть своей конницы для нападенія на воиновъ, прикрывавшихъ обозъ. Парменіонъ встревоженный этимъ двойнымъ нападеніемъ, послалъ гонцовъ сказать Александру, что укрѣпленный лагерь и обозъ будутъ потеряны, если онъ не поспѣшитъ отрядить на помощь своему арьергарду сильное подкрѣпленіе. Въ этотъ самый моментъ Александръ только что далъ знакъ къ нападенію войскамъ, находившимся подъ его непосредственнымъ начальствомъ. Выслушавъ донесеніе Парменіона, Александръ сказалъ: „скажите Парменіону, что онъ съ ума сошелъ, коли забываетъ, что если мы побѣдимъ, то намъ достанется все имущество непріятеля, а если будемъ разбиты, такъ надо будетъ думать не объ обозѣ и плѣнникахъ, а о томъ, чтобы умереть славною смертью“. Отправивъ этотъ отвѣтъ, Александръ надѣлъ шлемъ. Что же касается до остального вооруженія, то онъ надѣлъ его на себя еще до выхода изъ па-

латки. Поверхъ сицилійской туники, перетянутой поясомъ, на немъ былъ двойной полотняный панцырь, взятый изъ добычи, доставшейся побѣдителю послѣ сраженія при Иссѣ. Шлемъ на немъ, работы Θеоφила, былъ желѣзный, но блестѣлъ какъ чистое серебро; наплечникъ, тоже желѣзный, сверкалъ драгоцѣнными камнями. Взятый имъ на этотъ разъ мечъ, подарокъ царя Китіума *, отличался превосходнымъ закаломъ и необыкновенной легкостью. (Здѣсь кстати замѣтить, что болѣе, чѣмъ всякимъ другимъ оружіемъ, любилъ онъ дѣйствовать въ сраженіяхъ мечомъ). На немъ была также кольчуга, которая своей великолѣпной отдѣлкой затмѣвала всѣ остальные доспѣхи: сдѣлана она была древнимъ Геликономъ и подарена Александру жителями города Родоса, желавшими почтить его храбрость. Съ нѣкотораго времени, когда передъ сраженіемъ онъ объѣзжалъ ряды войска, отдавая послѣднія распоряженія, дѣлая указанія и осматривая, все ли въ порядкѣ, то,

* Китіумъ городъ на островѣ Кипрѣ.

желая стараго Буцефала, ѣздилъ на другой лошади; но какъ только наступало время начинать, ему приводили Буцефала, онъ садился на него и тотчасъ же летѣлъ въ атаку.

Предъ началомъ битвы онъ обратился съ весьма длинной рѣчью къ Θессалійцамъ и прочимъ Грекамъ; громкими криками потребовали они, чтобъ онъ повелъ ихъ противъ варваровъ, и тѣмъ увеличили его увѣренность въ побѣдѣ. Въ это время перенесъ онъ свой дротикъ въ лѣвую руку, а правую, по словамъ Калисθена, поднялъ къ небу, моля боговъ укрѣпить силы Грековъ и даровать ему побѣду, если дѣйствительно онъ сынъ Зевеса. Рядомъ съ Александромъ ѣхалъ гадатель Аристандръ, въ бѣломъ одѣяніи и съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ, и указывалъ воинамъ на орла, парившаго надъ головой царя и направлявшаго свой полетъ прямо въ сторону непріятеля. При видѣ этого знаменія всѣ воодушевились и стали ободрять другъ друга; конница бросилась на непріятеля; за ней какъ море, заколыхались фаланги. Но Персы бросились отступать еще прежде, чѣмъ дошли до нихъ первые ряды Македонянъ. Александръ, преслѣдуя бѣгущихъ, проникъ въ самый центръ персидскаго войска, гдѣ Дарій, рослый и красивый, стоялъ на высокой колесницѣ, окруженный сплошной массой блестящихъ всадниковъ, повидимому готовыхъ встрѣтить непріятеля съ мужествомъ. Но когда показалась грозная фигура Александра, когда гонемыя имъ полчища отброшены были на ряды Персовъ, еще твердо стоявшихъ въ своихъ позиціяхъ, тогда послѣдними овладѣлъ такой ужасъ, чот большая часть ихъ обратилась въ дикое бѣгство. Лучшіе и храбрѣйшіе изъ царской конной стражи были убиты; падая, они образовали цѣлыя груды тѣлъ; тѣ, которые еще не умерли, хватали за ноги коней и сидѣвшихъ на нихъ Македонянъ, и такимъ образомъ задержали преслѣдованіе. Дарій видѣлъ всю опасность своего положенія, видѣлъ, какъ его собственныя войска неслись прямо на него. Не легко было поворотить колесницу и высвободить ее изъ груды тѣлъ, не дававшихъ двигаться коле-

самъ; лошади, со всѣхъ сторонъ стѣсняемыя въ своихъ движеніяхъ трупами, становились на дыбы и не слушались возницы. Видя все это, Дарій выскочилъ изъ колесницы, оставивъ въ ней все свое оружіе, сѣлъ, какъ говорятъ, на только что ожеребившуюся кобылу и бѣжалъ съ поля сраженія. По всѣмъ вѣроятіямъ, на этотъ разъ не удалось бы ему уйти, еслибы новые гонцы отъ Парменіона не напомнили Александру, что еще значительная сила непріятеля держится и не сдается. Парменіона упрекаютъ, что въ этомъ сраженіи онъ вообще дѣйствовалъ вяло; потому ли, что по старости лѣтъ не имѣлъ уже прежней отважности, или потому, что, какъ говоритъ Калисѳенъ, съ чувствомъ зависти смотрѣлъ на возвышеніе и могущество Александра. Александръ, очень недовольный, что его отвлекаютъ въ другую сторону, не сказалъ своимъ воинамъ въ чемъ дѣло, а только приказалъ трубить отбой, какъ бы желая прекратить битву, въ виду наступившей темноты; но на пути къ отряду, которому угрожала опасность, онъ узналъ, что

непріятель совсѣмъ разбитъ и спасается бѣгствомъ.

Послѣ такого исхода битвы персидское государство, казалось, совсѣмъ было уничтожено. Провозглашенный царемъ Азіи, Александръ принесъ богамъ великолѣпныя жертвы и одарилъ друзей деньгами, домами и провинціями. Желая блеснуть великодушіемъ передъ Греками, онъ имъ написалъ, что самовластіе отдѣльныхъ личностей уничтожается во всѣхъ греческихъ государствахъ и что они могутъ управляться своими собственными законами, а Платейцамъ, сверхъ того, объявилъ, что считаетъ долгомъ возобновить ихъ городъ за то, что ихъ предки дозволили Грекамъ на ихъ землѣ сражаться за общую свободу. Жителямъ города Кротоны въ Италіи онъ послалъ также часть добычи, чтобы почтить усердіе и храбрость знаменитаго атлета Фаилла, который въ эпоху персидскихъ войнъ, въ то время, когда всѣ италійскіе Греки отреклись отъ Греціи, на свои собственныя средства снарядилъ корабль и отправился къ острову

Саламину принять участіе въ борьбѣ за свободу. Такъ умѣлъ Александръ цѣнить гражданскую доблесть, такъ радъ онъ былъ всякому случаю выказать свое сочувствіе къ великимъ дѣламъ.

Дальнѣйшій путь его лежалъ чрезъ землю Вавилонянъ, поспѣшившихъ ему покориться. Въ Экбатанѣ особенное вниманіе его привлекла пропасть, откуда, словно изъ источника, непрерывно били струи огня. Съ неменьшимъ любопытствомъ смотрѣлъ онъ на нефтяной источникъ, откуда нефть вытекала въ такомъ изобиліи, что въ недалекомъ разстояніи отъ упомянутой пропасти образовала озеро. Нефть—это видъ горной смолы и имѣетъ такое сродство съ огнемъ, что воспламеняется не только отъ прикосновенія къ пламени, но и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, отъ одного только его блеска, и часто зажигаетъ воздухъ, находящійся между ею и пламенемъ. Чтобы показать Александру свойства и дѣйствіе нефти, варвары слегка облили этой жидкостью улицу, ведущую ко дворцу; затѣмъ, когда стемнѣ-

ло, ставъ на одномъ концѣ улицы, приблизили зажженные свѣтильники къ вылитой нефти; первыя капли тотчасъ вспыхнули; и пламя, въ промежутокъ времени до того малый, что его нельзя опредѣлить, такъ сказать, съ быстротой мысли, достигло другого конца улицы, которая вся преобразилась въ непрерывную полосу огня.

При Александрѣ состоялъ нѣкто по имени Аѳенофанъ, аѳинскій уроженецъ. Онъ принадлежалъ къ числу лицъ, на обязанности которыхъ лежало служить царю, когда онъ бывалъ въ банѣ и натирался масломъ, и развлекать его, въ это время, остроумными шутками. Въ этотъ день, въ банѣ, стоялъ подлѣ Александра очень некрасивый и забавной наружности мальчикъ, но хорошій пѣвецъ. Звали его Стефаномъ. „Государь“! сказалъ Аѳенофанъ, не будетъ-ли тебѣ угодно испытать на Стефанѣ дѣйствіе нефти? Если она вспыхнетъ на немъ и не погаснетъ, то я скажу, что, дѣйствительно, она обладаетъ неодолимой и замѣчательной силой“. Юноша съ большой готовностью согласился на этотъ

опытъ. Но едва успѣли его натереть нефтью, какъ все тѣло его вспыхнуло. Александръ страшно испугался. Если бы не случилось тутъ слуги съ кувшинами воды, то мальчикъ сгорѣлъ бы неминуемо; они съ трудомъ потушили огонь, охватившій все его тѣло, и онъ всю жизнь страдалъ отъ послѣдствій этого опыта.

Нѣкоторые писатели, желая добраться до истины, скрытой въ смыслѣ, не безъ правдоподобія полагаютъ, что снадобье, которымъ въ трагедіи Медея * натираетъ вѣнокъ и покрывало, было ни что иное, какъ нефть. Ибо, говорятъ они, огонь вышелъ не изъ этихъ вещей и не самъ собой загорѣлся; но приблизили къ нимъ пламя и, въ силу притяженія, оно передалось имъ съ неуловимою для глаза быстротою. И въ самомъ дѣлѣ, лучи свѣта и выдѣленія огня, дѣйствуя на далекомъ разстояніи, сообщаютъ большей части тѣлъ только свѣтъ

* Въ трагедіи Еврипида „Медея“, Медея посылаетъ своей сопернцѣ Креузѣ вѣнокъ и покрывало; изъ этихъ вещей выходитъ пламя, охватывающее Креузу и ея отца Креона.

и теплоту; но въ тѣлахъ, содержащихъ въ себѣ сухіе, летучіе газы или маслянистую влагу, они сгущаются, воспламеняются и производятъ быстрое и полное измѣненіе вещества. Происхожденіе нефти неизвѣстно...* Можетъ быть, жидкость, вызывающая воспламененіе, вытекаетъ изъ жирной и огнеродной почвы. И въ самомъ дѣлѣ, почва въ Вавилоніи вулканическая, такъ что при посѣвѣ ячменныя зорна часто отскакиваютъ отъ земли и подпрыгиваютъ, словно земля трясется, какъ въ лихорадкѣ. Въ жаркіе мѣсяцы здѣсь спятъ на кожаныхъ мѣхахъ, наполненныхъ водою. Впослѣдствіи Гарпалъ, оставленный здѣсь въ качествѣ намѣстника, усердно старался разводить въ этомъ краю греческія растенія для украшенія дворцовъ и гуляній; многія изъ посаженныхъ имъ растеній принялись, не принялся только плющъ; это растеніе, любящее холодъ, не могло сродниться съ здѣшней температурой и постоянно сгорало отъ зноя. Надѣемся,

* Здѣсь пропускъ въ самомъ оригиналѣ.

что и придирчивые читатели не осудятъ насъ за подобныя отступленія, если они не выступаютъ изъ должныхъ границъ.

Александръ, овладѣлъ Сузой *, нашелъ въ тамошнемъ царскомъ дворцѣ 40,000 талантовъ 47,000,000 руб.), звонкой монеты, богатѣйшую царскую мебель и страшное количество дорогихъ вещей. Одного герміонскаго пурпуса** нашлось до 5000 талантовъ ***. Этотъ пурпуръ лежалъ здѣсь болѣе 200 лѣтъ и сохранилъ свой яркій цвѣтъ и блескъ по той причинѣ, что для окраски пурпуровыхъ тканей употребляли медъ, а для окраски бѣлыхъ—бѣлое масло; послѣднія также прочны, какъ и первыя, и подобно имъ долго сохраняютъ чистоту и яркость цвѣта. Динонъ **** разсказываетъ, что персидскимъ царямъ привозили воду изъ Нила и Истра

* Суза, столица Сузіаны, провинціи, лежавшей на востокѣ отъ Вавилоніи, обыкновенная резиденція персидскихъ царей.

** Т. е. окрашеннаго въ Герміонѣ. Въ этомъ городѣ, находившемся въ Пелопонесѣ, было много красиленъ.

*** Одинъ талантъ равняется 64 фунтамъ 3 з.

**** Динонъ, авторъ одной исторіи персидскаго государства, жилъ незадолго до Александра.

(Дуная), и они отдавали хранить ее въ царскую сокровищницу, какъ бы желая этимъ показать обширность своихъ владѣній и неограниченность своей власти.

Провинція Персида * мало доступна по причинѣ своего гористаго положенія; къ тому же съ тѣхъ поръ, какъ бѣжалъ туда Дарій, она охранялась лучшими и храбрѣйшими воинами Персіи. Нашелся проводникъ, по отцу Ликіецъ, а по матери Персъ, говорившій на обоихъ языкахъ; онъ провелъ Александра окольнымъ путемъ, который оказался немного длиннѣй прямого. Такимъ образомъ, говорятъ, исполнилось предсказаніе Пиѳіи, которая, когда Александръ былъ еще ребенкомъ, предрекла, что путь въ Персію укажетъ ему „Ликосъ" **. Здѣсь учинено было надъ плѣнными страшное кровопролитіе и притомъ по приказанію самого Александра; по крайней мѣрѣ онъ самъ пишетъ, что приказалъ убить ихъ, потому что думалъ, что это требуется его интересами.

* Персида, нынѣшній Фарсистанъ.

** Это слово значитъ и волкъ, и ликіецъ.

Золотой и серебряной монеты здѣсь найдено было столько же, сколько и въ Сузѣ, а для перевозки прочей добычи потребовалось 1000 паръ лошаковъ и 5000 верблюдовъ. Случилось, что въ Персеполѣ, толпа, ринувшись во дворецъ вслѣдъ за Александромъ, повалила большую статую царя Ксеркса; Александръ остановился передъ лежащей на полу статуей и обратился къ ней съ рѣчью, словно къ живому человѣку: „Пройти ли мнѣ мимо тебя и оставить въ такомъ положеніи за то, что ты воевалъ съ Греціей, или поставить на прежнее мѣсто, въ память о твоемъ величіи и храбрости“? Сказавъ это, онъ долго стоялъ въ раздумьи и молчаніи, но кончилъ тѣмъ, что прошелъ мимо.

Между тѣмъ наступила зима. Желая на это время дать своимъ войскамъ отдыхъ, Александръ пробылъ въ Персеполѣ четыре мѣсяца. Здѣсь въ первый разъ сѣлъ онъ на тронъ персидскихъ царей, подъ золотымъ балдахиномъ. Сказываютъ, что коринѳянинъ Дамаратъ, любившій Александра, какъ нѣкогда любилъ его отца Филиппа, залился

старческими слезами и сказалъ: „Великаго блаженства лишились тѣ Греки, которые умерли, не видавъ Александра на тронѣ Дарія“.

Передъ выступленіемъ въ дальнѣйшій походъ противъ Дарія, Александръ далъ своимъ друзьямъ большой пиръ. Пили до излишества, и не только одни мужчины, но и женщины, прибывшія на празднество для встрѣчи съ своими возлюбленными. Между ними особенно отличалась аѳинянка Ѳаиса, возлюбленная будущаго царя Птоломея. То льстила она Александру, то шутила и, наконецъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ увлеклась до того, что обратилась къ царю со словами, вполнѣ соотвѣтствовавшими духу и характеру ея родной страны, но не ея положенію: „Пируя сегодня, сказала она, въ пышныхъ чертогахъ персидскихъ царей, я чувствую себя вознагражденной за все, что я выстрадала въ моихъ странствованіяхъ по Азіи. Но мнѣ было бы еще веселѣй, еслибъ я могла собственными руками, въ присутствіи царя, поджечь дворецъ царя Ксеркса, сжегшаго

нѣкогда Аѳины“. Раздались громкія рукоплесканія; всѣ гости взволновались, стали возбуждать другъ друга и наперерывъ одобрять мысль Ѳаисы. Увлекся и самъ Александръ, вскочилъ съ своего мѣста и съ вѣнкомъ на головѣ и факеломъ въ рукахъ пошелъ къ выходу изъ дворца. За нимъ пошли всѣ прочіе и съ радостными возгласами обступили дворецъ. Кто изъ другихъ Македонянъ узнавалъ, что затѣвается, спѣшилъ туда же съ заженнымъ факеломъ. Всѣ радовались, полагая, что если царь рѣшился сжечь дворецъ, то значитъ, онъ думаетъ о родинѣ, а не о томъ, чтобы утвердить свое пребываніе среди варваровъ. Вотъ какъ нѣкоторые писатели разсказываютъ объ этомъ поступкѣ Александра; есть и такіе, которые полагаютъ, что все это было заранѣе обдумано, но всѣ признаютъ, что скоро онъ раскаялся и велѣлъ тушить пожаръ.

Щедрость Александра возрастала вмѣстѣ съ его могуществомъ; притомъ же онъ всегда дарилъ съ той благосклонностью, которой только и можно вызвать въ получающемъ искреннее чувство признательности. Приведемъ тому примѣры.

Предводитель Пеонійцевъ *, Аристонъ, убилъ врага и, отрѣзалъ ему голову, преподнесъ ее Александру. „За такое приношеніе у насъ, государь, награждаютъ золотымъ кубкомъ!“ сказалъ онъ. „Да, порожнимъ, отвѣчалъ Александръ, засмѣявшись, а я наполню его чистымъ виномъ и выпью за твое здоровье“. Однажды одинъ Македонянинъ, изъ простыхъ воиновъ, гналъ царскаго лошака, навьюченнаго золотомъ. Видя, что животное утомилось, погонщикъ снялъ съ него ношу, взвалилъ ее себѣ на плечи и понесъ съ большимъ трудомъ. Случилось, что Александръ увидѣлъ, какъ онъ выбивался изъ силъ, спросилъ, въ чемъ дѣло, и сказалъ: „Присядь немного, отдохни, и затѣмъ неси все это къ себѣ въ палатку“.

Онъ гораздо болѣе досадовалъ, когда отказывались отъ его подарковъ, чѣмъ когда

* Пеонійцы — Ѳракійское племя, жившее на сѣверъ отъ Македоніи.

ихъ выпрашивали. Такъ онъ писалъ Фокіону *, что не будетъ считать его въ числѣ своихъ друзей, если онъ будетъ продолжать отвергать знаки его благоволенія.

Никогда ничего не давалъ онъ Серапіону, одному молодому человѣку, состоявшему при немъ для игры въ мячъ, и не давалъ потому, что тотъ никогда ничего не просилъ. Однажды во время игры Серапіонъ все бросалъ мячъ другимъ, а не Александру. „Отчего же ты мнѣ не бросаешь?“ спросилъ наконецъ Александръ. „Оттого, возразилъ Серапіонъ, что ты меня о томъ не просишь“. Александръ засмѣялся и сдѣлалъ ему дорогой подарокъ. Нѣкто Протей, не лишенный остроумія за кубкомъ вина, однажды чѣмъ то прогнѣвилъ царя. Друзья Протея стали просить за него прощенія и самъ онъ плакалъ. Александръ смиловался и простилъ. „Ну, а теперь, сказалъ Протей, дай мнѣ

* Фокіонъ, знаменитый аѳинскій государственный мужъ, славный храбростью, краснорѣчіемъ и безкорыстіемъ, былъ приверженцемъ македонской гегемоніи (преобладанія) надъ Греціей.

что нибудь въ знакъ твоего прощенія“. Александръ приказалъ выдать ему пять талантовъ (7500 руб.).

Какъ много раздавалъ онъ своимъ друзьямъ и тѣлохранителямъ, видно изъ письма къ нему Олимпіи. „Награждай друзей своихъ и осыпай ихъ почестями, писала она, но не равняй съ царями и не давай имъ средствъ пріобрѣтать друзей, если не хочешь остаться одинокимъ“. Олимпія часто писала ему, но онъ ея письма хранилъ въ тайнѣ. Разъ случилось ему открыть одно изъ ея писемъ при Гефестіонѣ, и Гефестіонъ прочелъ его. Царь не мѣшалъ прочесть, но, снявъ съ пальца перстень съ печатью, приложилъ его къ губамъ Гефестіона. Сыну Мазея, одного изъ значительнѣйшихъ вельможъ при дворѣ Дарія, къ сатрапіи, которую онъ имѣлъ уже прежде, прибавилъ онъ другую, болѣе обширную; но молодой человѣкъ отказался отъ этой милости, сказавъ: „Государь! прежде былъ одинъ только Дарій, а теперь ты создалъ многихъ Александровъ“. Парменіону Александръ подарилъ въ окрест-

ностяхъ Сузы, бывшій дворецъ Багоаса *, гдѣ, говорятъ, оказалось движимости на 1000 талантовъ. Узнавъ, что было покушеніе на жизнь Антипатра, онъ послалъ ему приказаніе держать при себѣ тѣлохранителей. Матери своей онъ часто присылалъ богатые подарки, но не дозволялъ ей вмѣшиваться въ дѣла правленія, и по этому поводу съ большою кротостью переносилъ ея горькіе упреки. Однажды Антипатръ написалъ ему длинное письмо съ жалобою на нее; прочитавъ это письмо, Александръ сказалъ: „Антипатръ не знаетъ, что одна слеза матери можетъ изгладить изъ памяти десять тысячъ такихъ писемъ“.

Между тѣмъ онъ сталъ замѣчать, что приближенные его предались роскоши и возбуждаютъ общее негодованіе своимъ распутствомъ и расточительностью. Такъ, напримѣръ, Аніонъ, родомъ изъ Теоса **, носилъ всегда туфли съ серебряными гвоздями. Леоннату на верблюдахъ привозили песокъ изъ

* Багоасъ, любимецъ и убійца царя Артаксеркса Окса.
** Теосъ городъ на берегу Іоніи, въ Малой Азіи.

Египта для его гимназіи *. У Филотаса сѣти для звѣриной ловли были длиной въ 100 стадій. Многіе въ банѣ, вмѣсто обыкновеннаго масла, натирались благовонными мазями и брали туда съ собой цѣлый штатъ баньщиковъ и другой прислуги. Александръ дѣлалъ имъ кроткія и мудрыя внушенія; онъ удивлялся, что, выдержавъ столько походовъ и сраженій, они позабыли, что трудящіеся спятъ лучше, чѣмъ тѣ, для которыхъ трудятся. „Сравните свою жизнь съ жизнью Персовъ“, говаривалъ онъ, „и вы увидите, что нѣтъ ничего болѣе рабскаго, какъ роскошь‘ и ничего болѣе царственнаго, какъ трудъ. Конечно“, продолжалъ онъ, „не станетъ ходить за лошадью, чистить копье и шлемъ тотъ, кто отвыкъ прикасаться къ своему тѣлу, т. е. къ тому, что для него всего дороже. Развѣ вы не знаете, что цѣль побѣды состоитъ для насъ въ томъ, чтобы не дѣлать того, что дѣлаютъ побѣжденные“?

* Такъ первоначально назывались помѣщенія, устраиваемыя для гимнастическихъ упражненій.

И самъ онъ съ этихъ поръ еще болѣе предался военнымъ трудамъ, перенося страданія и подвергая себя опасностямъ. Лакедемонскому посланнику довелось собственными глазами видѣть, какъ Александръ убилъ на охотѣ огромнаго льва. „Александръ! сказалъ онъ, ты славно оспаривалъ у льва царское достоинство“. Впослѣдствіи изваяніе, изображающее ту сцену изъ охотничьей жизни Александра, Кратеръ * принесъ въ даръ Дельфійскому храму. Левъ, собаки, царь, борющійся со львомъ, и наконецъ самъ Кратеръ, спѣшащій на помощь, сдѣланы изъ бронзы. Нѣкоторыя фигуры вылиты Лизиппомъ, другія—Леохаромъ. Такимъ образомъ подвергалъ онъ себя опасностямъ, чтобы и въ самомъ себѣ и въ своихъ приближенныхъ поддерживать воинскую доблесть; но разбогатѣвшіе друзья его, желая жить въ роскоши и покоѣ, уже не хотѣли переносить трудностей передвиженій и походовъ и вскорѣ дошли до того, что стали роптать и осуждать его. Сначала переносилъ онъ это съ боль-

* Одинъ изъ полководцевъ Александра.

шою кротостью. „Царямъ не привыкать къ тому, что ихъ осуждаютъ даже за добро, которое они дѣлаютъ“, говаривалъ онъ, и продолжалъ, даже и въ самыхъ малыхъ вещахъ, съ прежней благосклонностью и уваженіемъ относиться къ приближеннымъ. Приведемъ тому нѣсколько примѣровъ: Въ письмѣ къ Певкесту упрекалъ онъ его за то, что тотъ, будучи укушенъ медвѣдемъ, разсказалъ многимъ объ этомъ случаѣ, а царю не сообщилъ ничего. „По крайней мѣрѣ теперь, продолжалъ онъ, напиши мнѣ, какъ ты себя чувствуешь, и не былъ ли ты въ минуту опасности покинутъ товарищами? Если да, то они за это отвѣтятъ“. Гефестіону, отлучившемуся куда то по дѣламъ, писалъ онъ, что Кратеръ, на охотѣ за ихневмономъ, подвернулся подъ копье Пердикки и прокололъ себѣ оба бедра. Когда Певкестъ оправился отъ опасной болѣзни, то врачу его Алексиппу Александръ собственноручно написалъ благодарственное письмо. Однажды, увидавъ Кратера во снѣ, когда тотъ былъ не совсѣмъ здоровъ, онъ при-

несъ за него нѣсколько жертвъ и ему приказалъ сдѣлать то же, а врачу Павзанію хотѣвшему лѣчить его корнемъ чемерицы*, далъ предостереженія и указанія на счетъ этого средства. Эфіалта и Кисса, принесшихъ ему первое извѣстіе о побѣгѣ Гарпала, онъ, какъ клеветниковъ, повелѣлъ взять подъ стражу и содержать въ оковахъ. Удивительно, какъ Александръ находилъ время писать письма о самыхъ ничтожныхъ предметахъ. Такъ, напримѣръ, когда у Селевка убѣжалъ рабъ въ Киликію, Александръ писалъ, чтобы бѣглеца розыскали.—Певкеста онъ хвалилъ за то, что онъ поймалъ Никона, раба Кратерова**, а Мегабизу по поводу раба, укрывшагося въ храмѣ, писалъ, чтобъ онъ постарался выманить его изъ храма и задержать, но въ храмѣ чтобъ его не трогали.

Разсказываютъ, что въ началѣ своего царствованія онъ самъ разбиралъ уголовныя дѣла и во время рѣчи обвинителя, обыкновенно закрывалъ рукой одно ухо, чтобы относиться безпристрастно къ обвиняемому. Но впослѣдствіи многочисленныя клеветы, которыя, принимая видъ истины, открывали доступъ лжи, выводили его изъ себя. Нареканія, касающіяся его собственной личности, доводили его почти до безумія; къ нимъ онъ былъ строгъ и неумолимъ, потому что честь была ему дороже жизни и короны.

Думая дать еще одно сраженіе Дарію, онъ пустился по его слѣдамъ; но узнавъ, что онъ взятъ въ плѣнъ Бессомъ *, отпустилъ Ѳессалійцевъ на родину, подаривъ имъ 2000 талантовъ сверхъ жалованья. Погоня за Бессомъ оказалась весьма труднымъ предпріятіемъ и потребовала много времени. Въ одиннадцать дней Александръ проѣхалъ 3300 стадій (около 650 верстъ). Большая часть войска не могла продолжать преслѣдованія. Разъ встрѣтилъ Александръ нѣсколько человѣкъ Македонянъ, которые на

* Изъ класса лютиковыхъ растеній.

** Рабъ былъ или преступникъ, или бѣглый. У древнихъ Грековъ и у другихъ народовъ, перенявшихъ ихъ цивилизацію, въ храмахъ преступниковъ не трогали.

*) Бессъ, родственникъ Дарія, намѣстникъ Бактріи.

мулахъ везли воду изъ рѣки въ кожаныхъ мѣхахъ. Былъ уже полдень и очень жарко. Александръ видимо изнемогалъ отъ жажды. Замѣтивъ это, они налили воды въ шлемъ и подали ему напиться. Онъ спросилъ у нихъ, для кого они ѣздили за водой. „Для нашихъ дѣтей, отвѣчали они. Но только бы ты былъ живъ, государь! Дѣтей, если лишимся,—другихъ наживемъ“! Послѣ такого отвѣта онъ принялъ отъ нихъ шлемъ, но оглянулся—и увидѣлъ кругомъ себя своихъ всадниковъ, которые, опустивъ голову, съ жадностью смотрѣли на воду; тогда, не коснувшись до шлема губами, онъ возвратилъ его и, поблагодаривъ, сказалъ: „Если я напьюсь одинъ, то воины мои потеряютъ послѣднее мужество“. Пораженные такимъ самообладаніемъ и великодушіемъ, всадники громко вскричали: „Веди насъ, куда угодно; мы увѣрены, что съ тобой не пропадемъ. Съ такимъ царемъ не устанешь, жажды не почувствуешь и о смерти позабудешь“. Всѣ съ одинаковымъ усердіемъ послѣдовали за Александромъ, но только 60 человѣкъ на-

пали съ ними на непріятельскій лагерь. Здѣсь пришлось имъ ѣхать среди разбросанныхъ кучъ золота и серебра, а также среди многочисленныхъ повозокъ съ женщинами и дѣтьми, безъ возницъ; но они проходили мимо, спѣша достичь переднихъ рядовъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ находиться Дарій.

Съ трудомъ нашли его. Онъ умиралъ въ колесницѣ, весь израненый дротиками. Спросивъ себѣ пить, онъ напился холодной воды и сказалъ Полистрату, который ему ее подалъ: „Другъ мой! высшимъ несчастіемъ моимъ считаю то, что не могу тебя вознаградить; но вмѣсто мння наградитъ тебя Александръ, а Александра — боги за то, что онъ такъ милостивъ былъ къ моей матери, женѣ и дѣтямъ. Передай ему мое рукопожатіе“. И взявъ Полистрата за руку, онъ скончался. Александръ видимо огорчился, увидѣвъ тѣло Дарія; снялъ съ себя плащъ и накрылъ имъ умершаго. Спустя нѣкоторое время настигъ онъ Бесса и казнилъ его слѣдующимъ образомъ: нагнули два прямыхъ

дерева, такъ что они сошлись верхушками, привязали по ногѣ къ каждому дереву, затѣмъ пустили деревья, и тѣло Бесса разорвалось на двое. Тѣло Дарія, одѣтое въ царскую одежду, отправили къ его матери, а братъ его, Экзатресъ, поступилъ въ число друзей Александра.

Затѣмъ съ отборнымъ войскомъ двинулся онъ въ Гирканію. Тутъ увидалъ морской заливъ, не уступающій въ величинѣ Понту (Черному морю) и отличающійся отъ остальныхъ морей менѣе соленымъ вкусомъ воды. Положительныхъ свѣдѣній объ этомъ заливѣ онъ получить не могъ, но полагалъ, что это продолженіе озера Меотисъ (Азовскаго моря). Однако, за нѣсколько лѣтъ до похода Александра въ Азію, естествоиспытателямъ было извѣстно, что внѣшнее море (Атлантическій океанъ) имѣетъ четыре залива, вдающіеся въ материкъ, и что самый сѣверный изъ нихъ называется Каспійскимъ, или Гирканскимъ моремъ.

Здѣсь варвары внезапно напали на людей, ведшихъ его лошадь Буцефала, и угнали ее.

Александръ не могъ снести этого и послалъ герольда объявить варварамъ, что перебьетъ ихъ женъ и дѣтей, если ему не возвратятъ лошади. Но когда варвары привели къ нему лошадь и, сверхъ того, сдали ему города свои, онъ обошелся съ ними очень милостиво и даже разбойникамъ, угнавшимъ Буцефала, далъ выкупъ за него.

Затѣмъ отправился въ землю Парѳовъ *, гдѣ на досугѣ, не занятый войной, впервые надѣлъ одежду варваровъ, потому ли что желалъ принаровиться къ мѣстнымъ обычаямъ, понимая, что однѣ и тѣ же привычки весьма важны для смягченія нравовъ и способствуютъ сближенію людей, чуждыхъ между собою по происхожденію, или перемѣной одежды и обращенія думалъ подготовить Македонянъ къ обряду колѣнопреклоненія, который замышлялъ ввести между ними. Онъ не хотѣлъ носить мидійской одежды, слишкомъ варварской и странной, не хотѣлъ носить также шароваровъ, длиннаго платья

*) Эта земля лежитъ къ югу отъ Гирканіи.

съ рукавами и тіатры, и придумалъ нѣчто среднее между одеждой Персовъ и Мидянъ,— одежду не такую пышную, какъ у первыхъ, и болѣе изящную, чѣмъ у послѣднихъ. Сначала онъ надѣвалъ эту одежду только во дворцѣ, принимая ворваровъ и друзей, но потомъ сталъ показываться въ ней на выѣздахъ и на аудіенціяхъ. Сначала Македонянамъ было больно видѣть его въ такомъ костюмѣ, но, изъ уваженія къ другимъ его достоинствамъ, они считали долгомъ допустить то, что доставляло ему удовольствіе и льстило его тщеславію. Къ тому же еще такъ недавно ударомъ дротика въ ребро раздробило ему кость; затѣмъ его такъ сильно ударило камнемъ въ шею, что довольно долго застилало ему глаза. Не смотря на то, онъ не переставалъ подвергать себя опасностямъ и, переправившись черезъ рѣку Орексартъ *, которую онъ принялъ за Танаисъ *, разбилъ Скиѳовъ и, не смотря на мучившую его дис-

* Орексартъ—Яксартъ (Сыръ-Дарья).
** Танаисъ (Донъ).

сентерію—гнался за ними на протяженіи 100 стадій.

Большинство писателей, какъ-то: Клитархъ, Поликліетъ, Онезикритъ, Антигенъ и Истеръ разсказываютъ, что здѣсь посѣтила Александра царица Амазонокъ; Аристобулъ, Харесъ, Птоломей, Антиклидъ, ѳивянецъ Филонъ, Филиппъ изъ Халкиса и Дурисъ * изъ Самоса, считаютъ это вымысломъ, и мнѣніе ихъ подтверждается самимъ Александромъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Антипатру, которому Александръ обо всемъ обстоятельно писалъ, хотя и говорится, что скиѳскій царь предлагаетъ ему свою дочь въ супружество, но ни о какой амазонкѣ не упоминается. Разсказываютъ, что когда, много лѣтъ спустя, Онезикритъ читалъ Лизимаху **, бывшему уже царемъ, четвертую книгу своей исторіи и дошелъ до того мѣста, гдѣ говорится объ амазонкѣ, то Лизимахъ

* Историки, близкіе къ эпохѣ Александра. Произведенія ихъ до насъ не дошли.
** Лизимахъ, одинъ изъ полководцевъ Александра, царствовавшій послѣ его смерти во Ѳракіи и Македоніи, умеръ въ 281 году.

только улыбнулся и сказалъ: „да гдѣ же я то былъ тогда“? Впрочемъ, вѣренъ ли этотъ фактъ, или нѣтъ, слава Александра отъ этого не увеличится и не уменьшится.

Не разсчитывая, чтобы у Македонянъ хватило мужества на продолженіе похода, Александръ оставилъ въ Парѳіи большую часть своего войска, въ Гирканію же взялъ съ собой только лучшихъ, въ числѣ 20,000 пѣхотинцевъ и 3,000 всадниковъ. Передъ выступленіемъ въ походъ, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: „До сихъ поръ варвары видѣли васъ точно во снѣ; но, если вы теперь уйдете отъ меня, довольствуясь тѣмъ, что навели страхъ на Азію, то варвары скоро сами нападутъ на васъ, какъ на женщинъ. Не препятствую никому уходить, но призываю въ свидѣтели боговъ, что тѣ, которые уйдутъ, оставятъ меня, моихъ друзей и пошедшихъ со мной въ походъ воиновъ, въ то время, какъ мы пойдемъ завоевывать для Македонянъ всю обитаемую землю“. Все это передано мною слово въ слово, какъ изложено самимъ

Александромъ въ письмѣ къ Антипатру. Далѣе онъ говоритъ, что когда онъ кончилъ, то всѣ воины въ одинъ голосъ закричали: „веди насъ въ какой хочешь край обитаемой земли“. Послѣ этого не трудно было увлечь и остальныхъ; все войско теперь безропотно послѣдовало за Александромъ.

Александръ между тѣмъ все болѣе и болѣе приноравливался къ обычаямъ страны и заботился о сближеніи Азіатовъ съ Македонянами, справедливо полагая, что во время его отсутствія государственный порядокъ долженъ держаться не столько силой, сколько общностью интересовъ и взаимнымъ благорасположеніемъ. Для этой цѣли собралъ онъ до 30,000 мальчиковъ и многочисленному штату преподавателей поручилъ обучить ихъ греческому языку и македонскому способу веденія войны. Всѣ дѣйствія его по отношенію къ Роксанѣ, конечно, были ему внушены привязанностью къ ней, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не противорѣчили общему положенію дѣлъ и его политическимъ видамъ. Когда онъ на ней женился, варвары стали

относиться къ нему съ довѣріемъ и очень полюбили его: имъ было лестно видѣть, что онъ не хотѣлъ съ ней сблизиться иначе, какъ черезъ законный бракъ. Видя, что изъ двухъ лучшихъ его друзей первый—Гефестіонъ—его одобряетъ и такъ же, какъ онъ, одѣвается по новому, а второй—Кратеръ—упорно придерживается національныхъ обычаевъ, онъ велъ свои переговоры съ варварами чрезъ Гефестіона, а съ Македонянами и Греками — чрезъ Кратера. Вообще онъ перваго болѣе всѣхъ любилъ, а второго болѣе всѣхъ уважалъ и говаривалъ: „Гефестіонъ—другъ Александра, а Кратеръ—другъ царя“. Вслѣдствіе этого они враждебно относились другъ къ другу и часто ссорились. Въ Индіи у нихъ дошло дѣло до того, что они оба обнажили мечи и стали драться. Друзья того и другого поспѣшили принять участіе въ боѣ; прибѣжалъ и самъ Александръ и тутъ же при всѣхъ назвалъ Гефестіона „сумасшедшимъ, не понимающимъ, что безъ Александра онъ ничего не значитъ“. Кратеру наединѣ сдѣлалъ тоже строгій

выговоръ. Потомъ свелъ ихъ, примирилъ и поклялся Юпитеромъ Аммономъ, что любитъ ихъ больше всѣхъ на свѣтѣ, но если узнаетъ, что они опять ссорятся, то сочтетъ долгомъ убить ихъ обоихъ, или, по крайней мѣрѣ, того изъ нихъ, кто первый начнетъ. Говорятъ, что послѣ этого, они другъ другу никогда ничего не сдѣлали и даже въ шутку не сказали ничего неприличнаго.

Между Македонянами большимъ уваженіемъ пользовался Филотасъ, сынъ Парменіона, за мужество и выносливость на войнѣ. Въ щедрости же и преданности къ друзьямъ развѣ только одинъ Александръ превосходилъ его. Разсказываютъ, что одинъ изъ друзей попросилъ у него денегъ. Управляющій его, которому онъ приказалъ выдать желаемую сумму, объявилъ, что денегъ нѣтъ. „Денегъ нѣтъ. А кубка или плаща развѣ у тебя не найдется“? сказалъ тогда Филотасъ. Но, гордясь своимъ богатствомъ, онъ на свой столъ и одежду тратилъ гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало частному человѣку, держалъ себя гордо и высоко-

мѣрно, безъ малѣйшей привѣтливости, и своимъ нелюбезнымъ и даже оскорбительнымъ обращеніемъ вызывалъ общее недовѣріе и ненависть. Парменіонъ однажды сказалъ ему: „Сынъ мой, не заносись очень высоко“! Уже давно говорили о немъ Александру, какъ о человѣкѣ опасномъ. Когда, послѣ пораженія Дарія въ Киликіи, взятъ былъ Дамаскъ со всѣми его сокровищами, въ числѣ плѣнныхъ находилась одна молодая женщина, очень красивая, родомъ изъ Пидны *, по имени Антигона, и досталась она Филотасу. Молодой человѣкъ нерѣдко позволялъ себѣ за кубкомъ вина держать при ней хвастливыя и нескромныя рѣчи: военные подвиги Александра приписывалъ онъ себѣ и своему отцу, называлъ царя молокососомъ, который имъ однимъ обязанъ славой побѣдителя. Молодая женщина передала это по секрету кому-то изъ своихъ знакомыхъ: этотъ, какъ водится, пересказалъ другому. Наконецъ эти рѣчи дошли до Кратера; онъ

* Пидна, приморскій городъ въ Македоніи, близъ Ѳессаліи.

позвалъ къ себѣ Антигону и тайно провелъ ее къ царю. Узнавъ обо всемъ изъ ея устъ, Александръ приказалъ ей возвратиться къ Филотасу и передавать ему, что онъ будетъ ей говорить. Филотасъ, не подозрѣвая разставленныхъ ему сѣтей и увлекаясь гордостью и злобой, продолжалъ бесѣдовать съ Антигоной безъ малѣйшаго стѣсненія и говорить объ Александрѣ самыя непристойныя вещи. Не смотря на достаточно сильныя доказательства противъ Филотаса, Александръ, на первыхъ порахъ, все это держалъ въ тайнѣ и не выказывалъ къ нему непріязни, потому-ли, что былъ увѣренъ въ привязанности къ себѣ Парменіона, или опасался могущества и значенія ихъ рода.

Около этого времени, одинъ Македонянинъ, по имени Лимнъ, родомъ изъ Халестры, замышляя злой заговоръ противъ Александра, подговаривалъ къ участію въ немъ одного юношу, Никомаха. Никомахъ не согласился и разсказалъ своему брату Балину о томъ, что затѣвается. Оба пошлы къ Филотасу и просили его ввести ихъ къ Але-

ксандру, которому имѣютъ сообщить нѣчто очень важное и неотложное. Неисвѣстно по какимъ причинамъ, но Филотасъ отказался ихъ представить, ссылаясь на то, что царь въ это время былъ занятъ болѣе важными дѣлами, и отказался два раза. Тогда они, подозрѣвая самого Филотаса, обратились къ кому-то другому изъ приближенныхъ Александра и получили къ нему доступъ. Разсказавъ о заговорѣ Лимна, они осторожно объяснили, съ какимъ невниманіемъ отнесся Филотасъ къ ихъ двукратной просьбѣ представить ихъ Александру. Это очень встревожило Александра, но еще болѣе взволновался онъ, узнавъ, что посланный взять Лимна подъ стражу убилъ его: онъ сталъ предполагать, что теперь всѣ слѣды заговора уничтожены. Видя, какъ Александръ непріязненно расположенъ къ Филотасу, враги послѣдняго громко заговорили, что государь поступаетъ очень опрометчиво, допуская, что какой то Лимнъ, темный халестріецъ, могъ самъ по себѣ затѣять такое смѣлое дѣло, что онъ не что иное, какъ

агентъ, или, лучше сказать, слѣпое орудіе въ рукахъ болѣе могущественнаго человѣка, что нужно искать заговорщиковъ среди тѣхъ людей, которымъ особенно выгодно, чтобы заговоръ не открылся. Увидавъ затѣмъ, что царь охотно внимаетъ такимъ рѣчамъ, они наперерывъ другъ передъ другомъ стали наговаривать и клеветать на Филотаса Его схватили, допросили съ пыткой въ присутствіи приближенныхъ Александра; самъ же онъ слушалъ допросъ, стоя за занавѣсомъ. Филотасъ горько жаловался на свою судьбу и униженно молилъ Гефестіона о пощадѣ. Слыша это, Александръ, говорятъ, сказалъ: „Какъ могъ ты, Филотасъ, при своемъ слабодушіи, задумать такое опасное дѣло“?

По смерти Филотаса Александръ послалъ въ Мидію убить Парменіона, человѣка, принимавшаго такое живое участіе въ подвигахъ Филиппа и главнаго, если не единственнаго изъ старыхъ совѣтниковъ Александра, подстрекавшихъ его къ походу въ Азію. Изъ трехъ сыновей Парменіона двое пали на войнѣ, а съ третьимъ онъ былъ казненъ

въ одно время. Послѣ этого многіе изъ приближенныхъ Александра стали бояться его, въ особенности Антипатръ. Послѣдній даже заключилъ тайный союзъ и обмѣнялся заложниками съ Этолійцами, которые навлекли на себя гнѣвъ Александра тѣмъ, что раззорили городъ Эніады *. Узнавъ о гибели этого города, Александръ сказалъ, что не дѣти Эніадцевъ, а онъ самъ накажетъ Этолійцевъ.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовало умерщвленіе Клита. И въ простомъ разсказѣ оно покажется болѣе ужаснымъ, чѣмъ умерщвленіе Филотаса. Впрочемъ, соображая причины и обстоятельства Клитова дѣла, мы приходимъ къ тому заключенію, что здѣсь не было преднамѣреннаго убійства, что оно явилось послѣдствіемъ стеченія неблагопріятныхъ случайностей; что въ его несчастной судьбѣ главнымъ образомъ виноватъ вспыльчивый характеръ Александра и состояніе сильнаго опьяненія, въ которомъ онъ тогда находился. Вотъ какъ было дѣло:

* Эніада—городъ въ Акарнаніи. Акарнанія и Этолія—области Греціи.

Царю привезли греческихъ фруктовъ изъ-за моря. Любуясь ихъ свѣжестью и красотою, онъ послалъ за Клитомъ, чтобъ показать ему плоды и угостить его. Клитъ въ это время приносилъ жертву богамъ; не докончивъ обряда, онъ поспѣшилъ къ царю, и три овцы, надъ которыми совершены были возліянія, побѣжали вслѣдъ за нимъ. Царь разсказалъ объ этомъ гадателямъ Аристандру и Клеомантису изъ Лаконіи. Они въ этомъ происшествіи нашли дурное предзнаменованіе; тогда Александръ приказалъ, какъ можно скорѣй, принести жертвы за Клита. Такъ поступилъ Александръ потому, что три дня тому назадъ видѣлъ странный сонъ: Клитъ, весь въ черномъ, сидѣлъ съ сыновьями Парменіона и всѣ были мертвые. Между тѣмъ, принеся жертву, Клитъ отправился на ужинъ къ царю, который самъ только что принесъ жертвы Діоскурамъ *. Пили съ невоздержностью молодыхъ людей, и одинъ изъ гостей пропѣлъ пѣсню, сочиненную ка-

* Діоскурами, т. е. сынами Зевса, назывались миѳическіе герои Касторъ и Поллуксъ.

кимъ-то Пранихомъ, а по словамъ нѣкоторыхъ, какимъ-то Піеріономъ; въ этой пѣсни унижали и осмѣивали полководцевъ, потерпѣвшихъ недавно пораженіе отъ варваровъ. Гости, постарше, пришли въ негодованіе, бранила пѣвца и сочинителя, но Александръ съ своими любимцами слушалъ съ удовольствіемъ и требовалъ продолженія.

Клитъ уже пьяный, да и притомъ вспыльчивый и высокомѣрный отъ природы, негодовалъ всѣхъ болѣе и говорилъ, что Македоняне гораздо лучше тѣхъ, которые надъ ними смѣются; что если даже они и потерпѣли несчастіе, то все-таки не слѣдуетъ глумиться надъ ними въ присутствіи варваровъ и враговъ. „Должно быть, Клитъ въ защиту самого себя трусость называетъ несчастіемъ“, сказалъ Александръ. „Но, однако, этотъ трусъ, вскричалъ Клитъ, вскочивъ съ своего мѣста, спасъ жизнь сыну боговъ, уже повернувшему спину къ мечу Спитридита. Если ты сталъ такъ великъ, что считаешь себя сыномъ Аммона и не признаешь своимъ отцомъ Филиппа, то благодаря крови и ранамъ Македонянъ“.

Взбѣшенный этой дерзостью, Александръ воскликнулъ; „Негодяй! неужели ты радъ каждый день держать такія рѣчи и возстановлять противъ меня Македонянъ?„ Можемъ ли мы радоваться, когда видимъ, къ какимъ послѣдствіямъ привели наши труды, сказалъ Клитъ“. „Мы завидуемъ тѣмъ, которые умерли прежде насъ: они не видятъ, какъ Македоняне страдаютъ подъ кнутомъ Мидянъ и обращаются къ Персамъ, чтобы получить доступъ къ своему царю“.

Пока Клитъ безъ всякаго стѣсненія высказывалъ все это, любимцы Александра встали съ своихъ мѣстъ и начали бранить Клита, гости постарше, старались возстановить спокойствіе. Александръ, обратясь къ Ксенодоху изъ Кардъ и къ Артемію изъ Колофона, сказалъ: „Не кажется ли вамъ, что Греки среди Македонянъ словно полубоги среди дикихъ звѣрей“! Но Клитъ не уступалъ и требовалъ, чтобы Александръ высказалъ все, что желаетъ сказать, или чтобъ не приглашалъ къ своему столу людей свободныхъ, привыкшихъ говорить откровенно,

и жилъ бы съ варварами да рабами, падающими ницъ передъ его персидскимъ поясомъ и бѣлой туникой. Тогда Александръ уже не сдержалъ своего гнѣва и, схвативъ яблоко со стола, сперва бросилъ имъ въ голову Клита, а затѣмъ сталъ искать свой мечъ. Аристофанъ, одинъ изъ его тѣлохранителей, поспѣшилъ унести мечъ; другіе окружили Александра и стали его успокоивать; онъ выскочилъ изъ окружавшей его толпы и, громкимъ голосомъ заговоривъ по-македонски, позвалъ своихъ тѣлохранителей, что было знакомъ сильнаго волненія. Затѣмъ приказалъ трубачу протрубить сигналъ и, замѣтя, что онъ не охотно повинуется, ударилъ его кулакомъ. Впослѣдствіи этотъ самый трубачъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ за то, что, главнымъ образомъ, благодаря ему, волненіе не распространилось на весь лагерь. Такъ какъ Клитъ не унимался, друзья постарались вывести его изъ залы, но онъ вошелъ въ другую дверь и съ величайшимъ презрѣніемъ и дерзостью произнесъ слѣдующіе стихи изъ „Андромахи“ Эврипида:

„Ахъ! какіе несчастные порядки завелись въ Греціи“! и т. д. Тогда Александръ вырвалъ копье у одного изъ тѣлохранителей и пронзилъ имъ Клита, какъ разъ въ ту минуту, когда Клитъ, отдернувъ занавѣсъ въ дверяхъ, подходилъ къ нему. Но лишь только Клитъ упалъ и послышались его стоны и предсмертное хрипѣнье, гнѣвъ Александра мгновенно прошелъ. Затѣмъ, придя въ себя и увидавъ, что всѣ присутствующіе стоятъ, храня глубокое молчаніе, онъ быстрымъ движеніемъ вынулъ копье изъ тѣла и хотѣлъ поразить себя въ шею, но тѣлохранители схватили его за руки и силой увели въ другой покой.

Ночь прошла въ жалобныхъ стонахъ; на слѣдующій день вопли прекратились; онъ лежалъ, не говоря ни слова и только изрѣдка вздыхая. Приближенныхъ пугало это упорное молчаніе, и они силой вошли къ нему. Но онъ не слушалъ ихъ рѣчей, и только когда гадатель Аристандръ напомнилъ ему его сонъ о Колитѣ и предзнаменованіе во время жертвоприношенія и вывелъ отсюда, что все

случившееся предопредѣлено было судьбой,— только тогда, кажется, онъ нѣсколько успокоился.

Ввели къ нему философа Калисѳена, родственника Аристотелева, а также Анаксарха изъ Абдеры. Калисѳенъ старался успокоить его горе философскими разсужденіями и говорилъ кротко и осторожно, не дѣлая никакихъ горькихъ упрековъ. Не такъ поступилъ Анаксархъ. Онъ съ самаго начала своихъ занятій философіей избралъ себѣ особый путь и слылъ за человѣка, презирающаго мнѣнія своихъ собратовъ. Войдя въ комнату, онъ громко произнесъ слѣдующія слова: „Такъ вотъ онъ, Александръ, на котораго въ этотъ моментъ обращены взоры всей обитаемой земли. Онъ лежитъ распростертый и плачетъ, какъ рабъ, страшась закона и осужденія людей, тогда какъ ему самому слѣдуетъ быть для всѣхъ и каждаго закономъ и мѣриломъ справедливаго. Или онъ одержалъ столько побѣдъ не для того, чтобы властвовать и повелѣвать, а для того, чтобъ быть рабомъ, слѣпо повинующимся пу-

стымъ мнѣніямъ людей? Развѣ ты не знаешь, продолжалъ онъ, что на тронѣ, рядомъ съ Зевсомъ, сидятъ Ѳемида и Правосудіе, въ знакъ того, что всѣ дѣйствія верховнаго повелителя всегда законны и справедливы“. Подобными рѣчами Анаксархъ облегчилъ горе Александра, но въ то-же время во многихъ отношеніяхъ сдѣлалъ его еще болѣе жестокимъ и несправедливымъ. Съ величайшимъ искусствомъ войдя въ милость къ царю онъ отводилъ его отъ бесѣдъ съ Калисѳеномъ, который и безъ того не нравился Александру строгостью своихъ нравовъ. Разсказываютъ, что однажды за столомъ зашла рѣчь о временахъ года и о температурѣ атмосферы. Калисѳенъ соглашался съ мнѣніемъ лицъ, утверждавшихъ, что страна, гдѣ они въ настоящее время находятся, гораздо холоднѣй Греціи и что зима въ ней гораздо суровѣй. Анаксархъ ему возражалъ, видимо желая завязать съ нимъ ссору. Тогда Калисѳенъ сказалъ: „Но вѣдь ты, необходимо, долженъ согласиться, что здѣсь холоднѣе; въ Греціи ты зимой ходилъ въ од-

номъ плащѣ, а здѣсь ты лежишь за столомъ, накрытый тремя коврами". Эти слова еще болѣе возстановили противъ него Анаксарха. Софисты и льстецы также злобились на Калисѳена за то, что молодежь увлекалась его краснорѣчіемъ; не менѣе нравился онъ и старикамъ своей серьезностью, умѣренностью и правильнымъ образомъ жизни, вполнѣ подтверждавшимъ мотивъ, который, по его словамъ, побудилъ его предпринять путешествіе въ Азію: онъ прибылъ къ Александру лишь для того, чтобы добиться возстановленія своего города и возвращенія своихъ согражданъ на родину *. Съ другой стороны онъ самъ подавалъ клеветникамъ оружіе противъ себя. Такъ, напримѣръ, онъ часто отказывался отъ царскихъ приглашеній, и когда бывалъ у царя, то всегда мрачный и молчаливый, такъ что можно было подумать, что онъ не одобряетъ Александра и недоволенъ его дѣйствіями. Потому то Александръ и сказалъ разъ про

* Калисѳенъ былъ родомъ изъ большого и цвѣтущаго города Олинѳа, разрушеннаго Филиппомъ.

него: „я ненавижу мудреца, который самъ для себя не мудръ!" *

Однажды у царя было много гостей; за столомъ, когда Калисѳену подали кубокъ съ виномъ, всѣ приступили къ нему съ просьбой сказать рѣчь въ похвалу Македонянамъ. Онъ согласился и заговорилъ такъ краснорѣчиво, что, недовольствуясь рукоплесканіями, всѣ гости вскочили съ своихъ мѣстъ и закидали его вѣнками. Но Александръ сказалъ, что, по словамъ Эврипида, „На богатую тему не трудно красно говорить".

„А вотъ, чтобы показать намъ свое искусство, скажи обвинительную рѣчь на Македонянъ: сознавъ свои ошибки, они бы, можетъ быть, исправились". Въ отвѣтъ на это, Калисѳенъ, вопреки своей первой рѣчи, съ величайшей откровенностью и смѣлостью выставилъ недостатки Македонянъ, сказалъ, что раздорами въ Греціи такъ быстро возрасло могущество Филиппа и заключилъ стихомъ изъ Эврипида: „Въ мятежное и смут-

* Этотъ стихъ, по словамъ Цицерона, взятъ изъ „Медеи" Еврипида, но въ дошедшихъ до насъ изданіяхъ его нѣтъ.

ное время возвыситься могутъ и излишніе люди“. За эту рѣчь Македоняне его возненавидѣли, а Александръ выразился, что Калисѳенъ далъ Македонянамъ образчикъ не таланта, а своего къ нимъ нерасположенія.

Гермиппъ * увѣряетъ, что вышепомянутые факты переданы Аристотелю Стрэбомъ, чтецомъ Калисѳена. Тотъ же Стрэбъ прибавляетъ, что Калисѳенъ, замѣтя неудовольствіе на него Александра, три раза подходилъ къ нему и говорилъ: «Умеръ Патроклъ, несравненно тебя превосходнѣйшій смертный»! Стало быть Аристотель справедливо утверждаетъ, что Калисѳенъ, могучій и великій краснорѣчіемъ, лишенъ былъ здраваго смысла. Конечно, онъ съ мужествомъ истиннаго философа отказался воздавать божескія почести Александру, во всеуслышаніе высказалъ то, что втайнѣ возмущало лучшихъ и достойнѣйшихъ Македонянъ, побудилъ его отказаться отъ этихъ почестей и тѣмъ избавить отъ стыда, какъ Гре-

* Гермиппъ, уроженецъ Смирны, написалъ біографію Аристотеля.

ковъ, такъ и самого себя; но вмѣстѣ съ тѣмъ погубилъ себя, потому что, повидимому, пытался дѣйствовать на Александра не убѣжденіемъ, а запальчивыми и страстными укорами. Харесъ Митиленскій разсказываетъ, что однажды, когда у царя была попойка, Александръ, выпивъ сперва самъ, передалъ кубокъ съ виномъ одному изъ гостей; послѣдній всталъ, подошелъ къ очагу, какъ къ алтарю домашнихъ пенатовъ, и выпивъ здѣсь вино, повергся передъ Александромъ, поцѣловалъ его и пошелъ лечь на свое мѣсто. Всѣ поочередно сдѣлали то же самое. Но Калисѳенъ, пользуясь тѣмъ, что царь, занятый разговоромъ съ Гефестіономъ, на другихъ гостей не обращалъ вниманія, только выпилъ, когда дошла до него очередь, и прямо пошелъ дать поцѣлуй Александру. Но Димитрій, по прозванію Фидонъ, сказалъ: „Государь! не цѣлуй его: онъ одинъ не повергся передъ тобой!“ Александръ отклонился отъ поцѣлуя, а Калисѳенъ сказалъ громко: „Удаляюсь, имѣя однимъ поцѣлуемъ меньше противъ другихъ“. Охла-

дѣвъ къ Калисѳену, царь повѣрилъ, когда Гефестіонъ объявилъ, что Калисѳенъ въ его присутствіи обязался воздавать Александру божескія почести, и что, стало быть, онъ не сдержалъ своего слова. Въ то же время Лизимахъ и Аніонъ донесли, что софистъ, гдѣ ни бываетъ, съ гордостью говоритъ, что пора положить конецъ самовластью и что молодые люди стекаются къ нему, цѣня въ немъ человѣка, который одинъ среди столькихъ тысячъ умѣлъ остаться свободнымъ.

Потому, когда открытъ былъ заговоръ Ермолая, * то дали вѣру показанію, что на предложенный имъ Калисѳену вопросъ: что надо сдѣлать для того, чтобы стать славнѣе всѣхъ людей? — послѣдній будто отвѣчалъ: убить славнѣйшаго, и что будто, подстрекая и одобряя Ермолая, онъ совѣтовалъ ему не страшиться золотой кровати и помнить, что ему придется имѣть дѣло съ больными и ране-

* Ермолай, человѣкъ благороднаго происхожденія, однажды на охотѣ прежде Александра бросилъ свое копье въ кабана и за то былъ подвергнутъ постыдному наказанію

нымъ. А между тѣмъ даже и въ жесточайшихъ пыткахъ, ни одинъ изъ сообщниковъ Ермолая не показывалъ на Калисѳена. И самъ Александръ въ письмахъ къ Кратеру, Аталлу и Алцетасу, немедленно по окончаніи дѣла, пишетъ, что молодые люди подъ пыткою показали, что они одни виноваты и что сообщниковъ у нихъ никакихъ нѣтъ. Но потомъ, въ письмѣ къ Антипатру, онъ обвиняетъ Калисѳена. „Молодыхъ преступниковъ“, пишетъ онъ, „Македоняне побили камнями, а я накажу софиста и всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ сношеніяхъ, и всѣхъ, кто у себя принимаетъ заговорщиковъ“. Послѣдними словами онъ обнаружилъ тайныя свои мысли противъ Аристотеля, въ домѣ котораго воспитывался Калисѳенъ, какъ сынъ его двоюродной сестры Героны. Что касается до смерти Калисѳена, то одни говорятъ, что Александръ велѣлъ его повѣсить, а другіе, что онъ умеръ въ цѣпяхъ отъ болѣзни. Харесъ разсказываетъ, что, по взятіи Калисоена подъ стражу, его семь мѣсяцевъ держали въ тюрьмѣ, въ оковахъ, для того, чтобы судить

въ верховномъ совѣтѣ въ присутствіи Аристотеля; но что около того времени, какъ Александръ былъ раненъ въ сраженіи съ Маллами—Оксидриками *, онъ умеръ отъ ожирѣнія и вшивой болѣзни.

Все это произошло позднѣй. Престарѣлый Демаратъ пожелалъ явиться ко двору Александра. Увидавъ этого государя, онъ сказалъ: „великаго блаженства лишились тѣ Греки, которые умерли, не видавъ Александра на тронѣ Дарія“. Но Демаратъ не долго пользовался милостями Александра; онъ умеръ отъ истощенія силъ. Похоронили его съ большой пышностью, и надъ его могилой войско насыпало обширный курганъ, вышиною въ 80 локтей; прахъ его въ пышной колесницѣ, запряженной четверней, отвезли къ морю для отправленія на родину.

Между тѣмъ царь готовился къ походу въ Индію. Замѣтя, что войско его, обремененное огромной добычей, отнятой у непріятеля, не могло итти впередъ съ достаточной быстротой, онъ велѣлъ, на разсвѣтѣ

* Племя, жившее въ Пенджабѣ.

дня, назначеннаго для выступленія, когда уже всѣ повозки были нагружены, поджечь сперва свой обозъ и обозъ своихъ гетеровъ *, а затѣмъ и багажъ остальныхъ Македонянъ. Задумать этотъ планъ оказалось труднѣй, чѣмъ привести его въ исполненіе: только нѣкоторые были недовольны, большая же часть войска приняла этотъ приказъ съ восторженными кликами. Раздѣливъ вещи первой необходимости между всѣми, кто нуждался въ нихъ, все излишнее каждый уничтожилъ своими собственными руками. Видя это, Александръ еще болѣе воодушевился и увѣрился въ успѣхѣ.

Въ это время онъ уже съ ужасной и неумолимой жестокостью наказывалъ за всякій проступокъ. Такъ, напримѣръ, одного Македонянина, изъ отряда тѣлохранителей, по имени Менандра, начальствовавшаго въ одной крѣпости, убилъ за то, что тотъ не хотѣлъ оставаться на своемъ посту; по поводу вспыхнувшаго между Персами мятежа онъ собствен-

* Гетеръ собственно значитъ другъ. Въ Македоніи этимъ именемъ называли также царскихъ тѣлохранителей.

норучно убилъ стрѣлой ихъ предводителя Орсодата. Случилось, что у одной овцы родился ягненокъ, на головѣ у котораго было что-то и цвѣтомъ и формой похожее на тіару. Видя въ этомъ злое предзнаменованіе, онъ по принятому имъ обыкновенію, послалъ за вавилонскими жрецами и приказалъ совершить надъ нимъ обрядъ очищенія. „Я страшусь не за себя, сказалъ онъ своимъ друзьямъ, а за васъ: боюсь, чтобы послѣ моей смерти, судьба не поставила надъ вами царемъ человѣка безсильнаго и низкаго происхожденія". Но вскорѣ болѣе благопріятное знаменіе разсѣяло его опасенія. Главный начальникъ обозной стражи, по имени Проксенъ, родомъ Македонянинъ, копая землю по близости рѣки Окса *, для того, чтобы поставить на этомъ мѣстѣ царскую палатку, попалъ на источникъ воды, насыщенной какимъ-то жирнымъ и маслянистымъ веществомъ; послѣ того, какъ въ первый разъ почерпнули воды въ источникѣ, оказалось чистое и прозрачное масло, ни запахомъ, ни вкусомъ, ни даже видомъ,

* Оксъ, теперь Аму-Дарья.

не отличавшееся отъ обыкновеннаго деревяннаго масла—и это было въ странѣ, гдѣ не растутъ оливковыя деревья. Правда и то, что, по разсказамъ многихъ, вода въ Оксѣ такъ жирна, что у купающихся въ ней кожа дѣлается мягкой и блестящей. Александръ, какъ видно, чрезвычайно обрадовался этой находкѣ. Къ Антипатру онъ пишетъ, что причисляетъ ее къ величайшимъ милостямъ, полученнымъ имъ отъ боговъ, а гадатели объявили, что это знаменуетъ походъ славный, но трудный и опасный, такъ какъ масло дано людямъ богами, для возстановленія силъ послѣ тяжелыхъ трудовъ.

И дѣйствительно, Александръ подвергался большимъ опасностямъ во время этой войны и съ юношеской бодростью шелъ имъ навстрѣчу, не обращая вниманія на получаемыя раны; но недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ вещахъ и непогоды производили небывалыя до сихъ поръ опустошенія въ рядахъ войска. Самъ же онъ, полагая свое честолюбіе въ томъ, чтобы отвагой побѣждать судьбу, а храбростью—силу, нахо-

дилъ, что для мужественныхъ нѣтъ ничего неодолимаго и что ничѣмъ нельзя ободрить робкихъ. Разъ онъ осадилъ Сизимитриса * въ крѣпости, расположенной на крутой скалѣ; замѣтивъ, что воины его начинаютъ терять мужество, онъ, говорятъ, спросилъ у Оксіарта **: „твердъ ли духомъ Сизимитрисъ?“ И получивъ въ отвѣтъ, что онъ трусъ, сказалъ: „если такъ, то мы можемъ взять эту крѣпость“. И дѣйствительно онъ навелъ страхъ на Сизимитриса и овладѣлъ его крѣпостью. При осадѣ другого укрѣпленнаго мѣста, тоже расположеннаго на крутой скалѣ, онъ, обратясь къ одному изъ самыхъ молодыхъ Македонянъ, по имени Александру, сказалъ ему: „ты, конечно, будешь драться мужественно: не даромъ же ты носишь имя Александра“. И очень огорчился, когда послѣ сраженія узналъ, что молодой человѣкъ, сражаясь храбро, палъ въ битвѣ.

На пути къ городу Низѣ Македоняне встрѣтили глубокую рѣку и не рѣшались перейти

* Одного изъ индійскихъ царьковъ.

** Оксіартъ бактрійскій царь, отецъ Роксаны.

черезъ нее. Но Александръ вышелъ къ нимъ и сказалъ: „Ахъ, я несчастный! зачѣмъ я не умѣю плавать“, и, со щитомъ въ рукѣ, собрался переправиться черезъ рѣку.

Въ другой разъ, по окончаніи одной битвы, явились къ нему послы отъ осажденныхъ городовъ, съ тѣмъ, чтобы молить его о пощадѣ, и очень изумились, когда онъ принялъ ихъ безъ всякой пышности, но въ полномъ вооруженіи. Затѣмъ, когда ему принесли подушку, онъ старѣйшему изъ пословъ, Акуфису, приказалъ сѣсть. Пораженный такимъ ласковымъ и человѣчнымъ обращеніемъ, Акуфисъ спросилъ: „что должны мы сдѣлать, чтобы удостоиться твоей дружбы?“ „Тебя избрать царемъ, отвѣчалъ Александръ, и выслать мнѣ въ заложники лучшихъ людей“. „Но, государь, сказалъ, засмѣявшись, Акуфисъ, мнѣ бы легче было управлять, если бы ты взялъ худшихъ вмѣсто лучшихъ“.

Разсказываютъ, что на поклонъ къ Александру явился одинъ изъ мудрѣйшихъ царей Индіи, по имени Таксилъ; онъ владѣлъ страной, не уступавшей по обширности Египту,

а по обилію пастбищъ и прекрасныхъ плодовъ и никакой другой странѣ въ мірѣ. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ сказалъ Александру: „къ чему намъ воевать другъ съ другомъ? Вѣдь ты, Александръ, пришелъ не для того, чтобы отнять у насъ воду и необходимую пищу, изъ-за чего разумные люди только и могутъ драться: что же касается до другихъ вещей, называемыхъ имуществомъ и владѣніями, то я готовъ быть твоимъ благодѣтелемъ, если я богаче, и не постыжусь твоихъ благодѣяній, если я бѣднѣе“. Александръ въ восторгѣ подалъ ему правую руку и сказалъ: „Быть можетъ, ты думаешь, что наша дружеская встрѣча обойдется безъ борьбы со мной. Ничуть! я хочу бороться съ тобой благодѣяніями и надѣюсь, что ты не осилишь меня въ нихъ“. Получивъ отъ Таксила богатые подарки, онъ одарилъ его еще щедрѣе и наконецъ предложилъ ему 1000 талантовъ * звонкой монетой. Сильно огорчилъ онъ этимъ своихъ друзей, но за то расположилъ къ себѣ многихъ варваровъ.

*) 1,500,000 руб.

Индійскіе воины, состоявшіе на жалованьи разныхъ городовъ, весьма упорно ихъ защищали и причиняли не мало хлопотъ Александру. Одинъ городъ сдался на капитуляцію, но когда защитники его вышли изъ города въ поле, онъ внезапно напалъ на нихъ и всѣхъ изрубилъ. Такимъ образемъ Александръ, который до сихъ поръ всегда соблюдалъ законы войны и велъ себя истинно по-царски, запятналъ свою воинскую славу. Не менѣе хлопотъ причиняли ему философы * тѣмъ, что предавали проклятію царей, переходившихъ на его сторону, и подымали свободныя племена: за то многихъ изъ нихъ онъ повѣсилъ.

О событіяхъ, касающихся Пора, Александръ самъ разсказываетъ въ своихъ письмахъ. По его словамъ, его лагерь отдѣлялся отъ лагеря Пора рѣкою Гидаспомъ **. Поръ поставилъ своихъ слоновъ противъ непріятеля и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за переправой. Александръ ежеднев-

* Брамины.

** Гидаспъ, первая съ лѣвой стороны изъ пяти рѣкъ Пенджаба.

но приказывалъ подымать шумъ и суматоху въ своемъ лагерѣ, съ тою цѣлью, чтобы варвары, привыкнувъ къ этому шуму, перестали опасаться внезапныхъ нападеній. Затѣмъ, пользуясь одной бурной и темной ночью, онъ взялъ съ собою часть своей пѣхоты и храбрѣйшихъ всадниковъ и, удалившись отъ непріятеля, переправился на одинъ небольшой островъ. Здѣсь полилъ проливной дождь, поднялся сильный вихрь, раздались страшные удары грома и нѣсколько человѣкъ убило молніей. Не смотря на то Александръ всетаки съ этого острова направился на противуположный берегъ. Надувшись отъ сильныхъ дождей, рѣка понеслась съ чрезвычайной быстротой и въ одномъ мѣстѣ промыла берегъ, такъ что образовалась яма, куда устремились огромные массы воды. Александръ между тѣмъ, добравшись до средины рѣки, съ трудомъ подвигался по скользкому дну, выворачиваемому водой. Тутъ, говорятъ, онъ воскликнулъ: „Аѳиняне, еслибъ вы знали, какимъ опасностямъ я себя подвергаю для того, чтобы вы меня прославляли!“ Но это

утверждаетъ одинъ только Онезикритъ, самъ же Александръ передаетъ дѣло такъ: Покинувъ лодки, онъ и его воины, съ оружіемъ въ рукахъ и по грудь въ водѣ, перешли яму. Выбравшись на берегъ, онъ во главѣ своей конницы поскакалъ впередъ и оставилъ пѣхоту въ 20 стадіяхъ позади себя. Сдѣлалъ онъ это съ тѣмъ разсчетомъ, что, если непріятель нападетъ на него съ одной только коннницей, то перевѣсъ будетъ на сторонѣ Македонянъ; если же онъ двинетъ и пѣхоту, то его собственная фаланга подоспѣетъ во время къ нему на помощь. Первое предположеніе дѣйствительно осуществилось. Непріятель напалъ на него съ тысячью человѣкъ конницы и съ 60 боевыми колесницами; но онъ обратилъ всадниковъ въ бѣгство и убилъ у нихъ 400 человѣкъ, а колесницы всѣ до одной захватилъ въ свои руки. Понявъ, что Александръ уже переправился, Поръ двинулся на него со всѣми своими силами, оставивъ противъ остальныхъ Македонянъ только токое количество воиновъ, какое необходимо было для того, чтобы помѣ-

шать ихъ переправѣ. Опасаясь слоновъ и численнаго превосходства непріятельскихъ силъ, Александръ самъ ударилъ на лѣвое крыло варваровъ, а Кену приказалъ напасть на провое. На обоихъ флангахъ враги были разбиты и принуждены отступить къ слонамъ. Тамъ они снова устроили свои ряды и такъ храбро защищались, что только черезъ восемь часовъ послѣ начала битвы отказались продолжать ее. Такъ разсказываетъ самъ объ этой битвѣ въ своихъ письмахъ тотъ, кто былъ въ ней главнымъ дѣйствующимъ лицомъ; большая же часть историковъ передаетъ еще слѣдующее. Поръ на одну пядь былъ выше четырехъ локтей; такимъ образомъ, своимъ громаднымъ ростомъ и толщиной вполнѣ соотвѣтствовалъ своему тоже очень большому слону. Слонъ съ своей стороны выказывалъ удивительную понятливость и замѣчательную заботливость о царѣ. Пока Поръ былъ еще въ силахъ и мужественно дрался, умное животное отражало и увѣчило нападающихъ. Когда же оно почувствовало, что Поръ изнемогаетъ отъ ранъ и стрѣлъ, вонзившихся въ его тѣло, то

сталъ бояться, чтобы онъ не свалился, и, медленно опустившись на колѣни, началъ потихоньку вынимать хоботомъ стрѣлы и дротики. Взявъ Пора въ плѣнъ, Александръ спросилъ у него, какъ желаетъ онъ, чтобы съ нимъ обращались. „Какъ съ царемъ", отвѣчалъ Поръ. „А не имѣешь-ли еще что сказать?" спросилъ Александръ. „Въ словахъ „какъ съ царемъ" заключается все", отвѣчалъ Поръ. Александръ оставилъ ему власть съ титуломъ сатрапа въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ прежде царствовалъ; впослѣдствіи, покоривъ многіе независимые народы, къ этимъ владѣніямъ его прибавилъ еще обширную область, заключавшую въ себѣ, какъ говорятъ, пятнадцать народовъ, пять тысячъ значительныхъ городовъ и великое множество селеній. Въ другую покоренную область, втрое превышавшую своею обширностью область, данную Пору, онъ назначилъ сатрапомъ Филиппа, одного изъ своихъ приближенныхъ.

Въ сраженіи съ Поромъ и Буцефалъ получилъ раны, отъ которыхъ, по свидѣтель-

ству большинства историковъ, онъ палъ, не сейчасъ, а позднѣе, въ то время, какъ его лѣчили; Онезикритъ же утверждаетъ, что онъ издохъ отъ чрезмѣрнаго утомленія и старости. И въ самомъ дѣлѣ, ему уже было 30 лѣтъ. Александръ оплакивалъ его, какъ вѣрнаго друга, и въ честь его на берегу Гидаспа основалъ городъ, который назвалъ Буцефаліей. Была у него также собака, Перита; она попала къ нему щенкомъ; онъ ее выростилъ и очень любилъ, а когда она околѣла, онъ также въ память о ней построилъ городъ и назвалъ ея именемъ. Такъ разсказываетъ Сотіонъ, который самъ слышалъ это отъ Потамона * съ острова Лесбоса.

Описанное выше сраженіе съ Поромъ охладило энергію Македонянъ и отняло у нихъ охоту продолжать походъ въ Индію. Съ трудомъ отразивъ царя, выставившаго противъ нихъ только 20,000 пѣхоты и 2,000 конницы, они рѣшительно воспротивились Александру, когда онъ потребовалъ, чтобъ они перешли рѣку Гангъ, такъ какъ они слышали, что эта рѣка имѣетъ 32 стадіи ширины и 100 локтей глубины и что на противуположномъ берегу ея стоитъ многочисленная армія со множествомъ лошадей и слоновъ, и что цари Гандаритовъ и Презіевъ * ожидаютъ ихъ тамъ съ 80,000 конницы, 200,000 пѣхоты, съ 8000 боевыхъ колесницъ и 6000 слоновъ. И въ этомъ не было преувеличенія, такъ какъ Андрокоттъ, царствовавшій въ Индіи немного позднѣе, послалъ Селевку въ даръ 500 слоновъ и имѣлъ 600,000 войска, когда покорилъ себѣ всю Индію.

* Потамонъ жилъ при императорѣ Тиверіи. Сотіонъ, вѣроятно, былъ его ученикомъ.

Разгнѣванный сопротивленіемъ своего войска, Александръ заперся въ своей палаткѣ, бросился на полъ и цѣлый день лежалъ, говоря, что прежніе подвиги его воиновъ утратятъ въ его глазахъ всю цѣну, если они не перейдутъ Ганга, и что отступить —значитъ сознаться въ пораженіи. Друзья поспѣшили къ нему съ утѣшеніями, воины съ воплями обступили палатку и кончилось тѣмъ, что

* Племена живущіе по Гангу.

онъ уступилъ и велѣлъ сниматься съ лагеря, но предварительно разными выдумками захотѣлъ потѣшить свое тщеславіе. Такъ, напримѣръ, онъ велѣлъ сдѣлать огромнаго размѣра оружіе и ясли для лошадей, а также тяжелыя поводья и все это разбросать передъ уходомъ по разнымъ мѣстамъ. Также воздвигъ жертвенники богамъ, и цари Презіевъ, донынѣ * поклоняются имъ, когда проѣзжаютъ мимо, и приносятъ жертвы по греческому обряду. Андрокоттъ, который въ это время былъ еще молодымъ человѣкомъ и часто видалъ Александра, позднѣе разсказывалъ, что Александру ничего бы не стоило овладѣть этой страной, такъ какъ царемъ надъ ней былъ тогда человѣкъ ненавидимый за свою жестокость и презираемый за свое низкое происхожденіе.

Отсюда Александръ поспѣшилъ къ внѣшнему морю (океану). Онъ приказалъ соорудить большое количество гребныхъ лодокъ и плотовъ и на нихъ отправился внизъ по

* Плутархъ родился въ 46 году по Р. Х. и умеръ, имѣя свыше 85 лѣтъ отъ роду.

теченію рѣкъ; но и это плаваніе не было празднымъ и не обошлось безъ сраженій: нѣсколько разъ высаживался Александръ на берегъ, нападалъ на многіе города и все покорялъ своей власти. Но въ сраженіи съ Маллами, слывущими за самое воинственное племя, онъ чуть не былъ изрубленъ въ куски. Подступивъ къ ихъ городу, онъ успѣлъ уже дротиками прогнать со стѣны непріятеля и по приставленной лѣстницѣ первый вскочилъ на стѣну. Враги, стоявшіе на валу, засыпали его стрѣлами; лѣстница подъ нимъ подломилась, своихъ воиновъ съ нимъ было немного, и Александръ, не долго думая, со всего размаха прыгнулъ въ средину непріятелей и къ счастію сталъ прямо на ноги. Отъ сотрясенія его оружія варварамъ почудилось, что блеснула молнія, или что впереди спрыгнувшаго воина, летѣлъ какой-то свѣтлый призракъ. Они сначала разбѣжались. Но, увидавъ, что съ нимъ всего только два конюха, они вернулись и стали мечами и дротиками наносить ему удары по панцырю. Одинъ изъ нихъ, стоявшій нѣсколько по-

одаль, такъ мѣтко и сильно пустилъ въ него стрѣлу, что она, пробивъ насквозь панцырь, засѣла ему въ грудной кости. Видя, что отъ этого удара царь пошатнулся и согнулся, онъ вынулъ изъ ноженъ свою варварскую саблю и бросился на Александра. Но Певкестъ и Лимней заслонили царя и оба получили по удару. Послѣдній тутъ же на мѣстѣ повалился мертвый, а Певкестъ уцѣлѣлъ; самъ же Александръ убилъ наступавшаго варвара. Варвары продолжали наносить царю раны; наконецъ, получивъ ударъ палицей по шеѣ, онъ прислонился къ стѣнѣ и стоялъ такъ, смотря въ лицо непріятелямъ. Но между тѣмъ Македоняне, уже въ большемъ числѣ, перелѣзли черезъ стѣну; найдя царя въ безсознательномъ состояніи, они взяли его и отнесли въ палатку. По лагерю быстро разнесся слухъ о его смерти. Съ большимъ трудомъ отпилили древко, съ неменьшимъ трудомъ сняли съ него броню и принялись вынимать остріе изъ кости; оно, говорятъ, оказалось шириной въ три, а длиной въ два пальца. Потому, во время

операціи, онъ нѣсколько разъ лишался чувствъ и былъ близокъ къ смерти; за то, когда вынули остріе, онъ совсѣмъ пришелъ въ себя, но долго чувствовалъ слабость и долженъ былъ воздерживаться отъ пищи и дѣлать себѣ перевязки. Македоняне страстно желали его видѣть и однажды съ шумомъ окружили его палатку;—тогда, накинувъ плащъ, онъ вышелъ къ нимъ и принесъ богамъ жертву, а затѣмъ снова сѣлъ на корабль и продолжалъ свое плаваніе, покоряя большіе города и цѣлыя страны.

Онъ взялъ въ плѣнъ десять человѣкъ гимнософистовъ *, которые съ особеннымъ усердіемъ возбуждали Саббаса ** къ отпаденію и причинили наибольшій вредъ Македонянамъ. Узнавъ, что они очень искусно составляли лаконическіе отвѣты, онъ письменно предложилъ имъ нѣсколько трудныхъ вопросовъ, причемъ объявилъ, что кто не дастъ

---

* Гимнософисты, „нагіе философы", особый классъ браминовъ.

** Саббасъ, глава одного браминскаго рода, сначала покорился Александру, а потомъ отложился отъ него.

надлежащаго отвѣта, тотъ прежде другихъ будетъ казненъ, а за нимъ другіе поочереди. Старшаго изъ нихъ назначилъ судьей. У перваго Александръ спросилъ: „кого больше на свѣтѣ—живыхъ или мертвыхъ?“ и получилъ въ отвѣтъ: „живыхъ, такъ какъ мертвыхъ на свѣтѣ уже нѣтъ“. У второго: „что питаетъ самыхъ крупныхъ животныхъ: земля или море?“ „Земля, потому что море есть только часть земли“, отвѣчалъ спрошеный. На вопросъ, „какое самое хитрое животное?“ третій отвѣчалъ: „то, котораго человѣкъ еще не знаетъ“. Четвертый на вопросъ: „по какой причинѣ подговаривалъ Саббаса отложиться?“ отвѣчалъ: „потому что я желалъ, чтобъ онъ и жилъ съ честью и умѣлъ бы умереть съ честью“. У пятаго онъ спросилъ: „что по его мнѣнію было прежде, день или ночь?“ „День, но только однимъ днемъ раньше ночи“, отвѣчалъ онъ и, замѣтя на лицѣ царя удивленіе, прибавилъ: „неясные вопросы необходимо требуютъ неясныхъ отвѣтовъ“. Царь пошелъ далѣе и спросилъ у шестого: „чѣмъ скорѣе всего

заслуживается любовь?“ „Могуществомъ, не внушающимъ страха“, отвѣчалъ онъ. Изъ послѣднихъ трехъ онъ спросилъ у перваго: „когда можетъ человѣкъ сдѣлаться богомъ?“. „Когда онъ сдѣлаетъ что-нибудь невозможное для человѣка“, отвѣчалъ онъ. У второго: „что сильнѣй: жизнь или смерть?“ Жизнь, было отвѣтомъ: потому что чего-чего она не перенесетъ“. У послѣдняго наконецъ: „до какихъ поръ хорошо жить человѣку?“ „До тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ, что умереть лучше, чѣмъ жить“. Тогда царь обратился къ судьѣ и приказалъ ему объявить свое мнѣніе“. Всѣ они отвѣчали одинъ хуже другого“, рѣшилъ судья. „Если таково твое сужденіе, сказалъ Александръ, ты долженъ умереть первый“. „Нѣтъ, государь! Не умру первый, отвѣчалъ онъ, если ты не отступилъ отъ своего рѣшенія казнить первымъ того, кто хуже всѣхъ отвѣтитъ“.

Александръ ихъ всѣхъ одарилъ и отпустилъ домой; затѣмъ послалъ Онезикрита къ индійцамъ, наиболѣе славившимся своею мудростью и постоянно жившимъ въ мирѣ между

собою, просить ихъ къ себѣ. Онезикритъ, философъ школы циника Діогена, разсказываетъ, что одинъ изъ этихъ мудрецовъ, по имени Каланъ, грубо и дерзко потребовалъ, чтобъ онъ снялъ тунику и слушалъ его рѣчи нагой: иначе онъ съ нимъ говорить не станетъ, хотя бы онъ былъ посланъ отъ самого Зевеса. Но другой, Дандамисъ, оказался болѣе кроткимъ. Услыхавъ отъ него про Сократа, Пиѳагора и Діогена, онъ сказалъ: „эти люди, безъ сомнѣнія, были очень счастливо одарены природой, но во время жизни своей уже слишкомъ уважали законы". Но другіе писатели разсказываютъ, что Дандамисъ не вступалъ въ разговоръ съ Онезикритомъ, и только спросилъ: „съ какими цѣлями Александръ прошелъ такой длинный путь?" Таксилъ однако уговорилъ Калана посѣтить Александра. Его настоящее имя было Сфинесъ; но Греки его прозвали Каланомъ, потому что всѣхъ встрѣчныхъ онъ привѣтствовалъ индійскимъ словомъ „кале", вмѣсто того, чтобы говорить: „очень радъ васъ видѣть". Говорятъ, что этотъ фило-

софъ показалъ Александру символическое изображеніе его имперіи. Онъ разостлалъ на землѣ, передъ царемъ, кусокъ сухой, сморщеной кожи и сталъ на одномъ концѣ ея; прижатая въ одномъ мѣстѣ, она во всѣхъ другихъ приподнялась вверхъ. Онъ обошелъ вокругъ всей кожи, наступая на ея края, и это повторялось, куда бы онъ ни наступалъ; наконецъ, сталъ въ серединѣ и кожа нигдѣ не приподнялась. Этимъ онъ хотѣлъ показать Александру, что ему лучше всего налегать на центръ своего государства и отъ него очень не отдаляться.

На отступленіе по рѣкамъ къ океану потребовалось семь мѣсяцевъ. Вступивъ въ него, Александръ направился къ острову, который самъ назвалъ Скиллустиномъ, а другіе назвали Псилтуксиномъ. Высадившись тамъ и принеся жертву богамъ, онъ обозрѣлъ природу моря и берега, насколько послѣдній былъ доступенъ. Затѣмъ, помолясь богамъ, чтобы никто изъ смертныхъ никогда не могъ переступить достигнутыхъ имъ предѣловъ, онъ возвратился назадъ.

Кораблямъ же своимъ приказалъ плыть далѣе такъ, чтобы постоянно имѣть Индію справа. Начальникомъ надъ этой экспедиціей поставилъ онъ Неарха, а главнымъ лоцманомъ Онезикрита.

Самъ же отправился сухимъ путемъ черезъ землю Оритовъ *. На этомъ походѣ терпѣлъ онъ крайнюю нужду и потерялъ множество людей, такъ что только четвертую часть своей арміи привелъ назадъ изъ Индіи. Вышелъ онъ изъ предѣловъ послѣдней съ 120,000 человѣкъ пѣхоты и 15,000 конницы; но большая часть этого войска погибла отъ лихихъ болѣзней, дурной пищи, палящаго зноя и въ особенности отъ голода, такъ какъ пришлось итти по странѣ безплодной и бѣдной, гдѣ жители не имѣли ничего, кромѣ немногочисленныхъ стадъ отощалыхъ овецъ, питавшихся только рыбой и дававшихъ потому мясо съ дурнымъ запахомъ. Шестьдесятъ дней шелъ Александръ по этой странѣ и наконецъ вступилъ въ Гедрозію *, гдѣ благодаря царямъ и сатрапамъ, нашелъ все въ изобиліи.

* Берегомъ Аравійскаго моря.

Давъ отдохнуть своему войску, онъ повелъ его въ дальнѣйшій путь чрезъ Карманію. Семь дней потребовалось на этотъ переходъ. Онъ съ своими приближенными ѣхалъ медленно на восьми лошадяхъ и все время тянулись оргіи, не прерывавшіяся ни на одну минуту. Они сидѣли на эстрадѣ, поставленной на очень высокой колесницѣ, такъ что ихъ можно издали было видѣть, и пировали день и ночь. За ними слѣдовало множество другихъ колесницъ; однѣ изъ нихъ покрыты были пурпуровыми или пестрыми тканями; другія—древесными вѣтвями, постоянно свѣжими и зелеными, и на нихъ сидѣли прочіе друзья и полководцы Александра — съ вѣнками на головѣ и тоже все пили. Не видать было ни шлемовъ, ни щитовъ, ни копій; только воины всю дорогу кубками, ча-

* Такимъ образомъ, по берегу Аравійскаго моря лежали тогда двѣ страны: земля Оритовъ въ предѣлахъ нынѣшней Индіи и Гедрозія до Ормузскаго пролива; Карманія располагалась по Персидскому заливу.

нами, бокалами и стаканами черпали вино изъ бочекъ и кратеровъ * и пили за здоровье другъ друга. Иные пили на ходу, а другіе для этой цѣли ложились на землю. Дудки, флейты и пѣніе, сопровождаемыя игрою на лирѣ, оглашали воздухъ. Всѣ шли какъ попало, развлекаясь наглыми вакхическими играми. Точно самъ Бахусъ сопутствовалъ этой процессіи и принималъ участіе въ оргіи.

Прибывъ во дворецъ царей Гедрозіи, Александръ далъ опять отдохнуть своимъ войскамъ. Празднества продолжались. Разсказываютъ, что здѣсь однажды смотрѣлъ онъ на хореографическія состязанія. Любимецъ его, Богоасъ, одержалъ верхъ и украшенный вѣнкомъ, прошедъ черезъ всю сцену, сѣлъ рядомъ съ царемъ. Видя это, Македоняне огласили театръ рукоплесканіями и радостными криками. Сюда же прибылъ Неархъ съ своимъ флотомъ. Александръ съ восторгомъ выслушалъ отчетъ объ его плаваніи и

* Глиняные сосуды, широкіе въ основаніи и болѣе узкіе кверху.

самъ пожелалъ съ большимъ флотомъ отправиться внизъ по Ефрату, обогнуть Аравію и Африку и чрезъ Геркулесовы столпы вступить во внутреннее (Средиземное) море. Для этой цѣли въ Тапсакѣ * соорудили множество всякаго рода судовъ и со всѣхъ мѣстъ собрали матросовъ и лоцмановъ.

Но трудности индѣйскаго похода, долгое пребываніе въ странѣ Малловъ, извѣстія о его громадныхъ потеряхъ и предположеніе, что ему не вернуться, все это побудило покоренные народы къ отпаденію, а полководцевъ его и сатраповъ къ несправедливымъ и насильственнымъ дѣйствіямъ. Короче сказать, всѣми овладѣлъ духъ волненія, всѣ стали желать переворота. Въ это же время Олимпія и Клеопатра, заключивъ союзъ противъ Антипатра, раздѣлили между собой всѣ владѣнія Александра въ Европѣ. Олимпія взяла Эпиръ, а Клеопатра—Македонію. „Мать моя поступила умнѣй“, сказалъ Александръ, когда узналъ это: „Македоняне никогда не допустятъ, чтобъ ими управляла женщина“.

* Тапсакъ, богатый городъ на правомъ берегу Ефрату подъ 63° град. сѣв. широты.

Вслѣдствіе всего этого и имѣя въ виду завоевать берега Индѣйскаго океана, онъ опять послалъ Неарха въ море. Самъ же пошелъ наказывать виновныхъ сатраповъ. Одного изъ нихъ Оксіарта, сына Абулита, убилъ, пронзивъ копьемъ собственноручно. Когда же пріѣхалъ къ нему самъ Абулитъ, и, вмѣсто припасовъ, привезъ съ собою только три тысячи талантовъ звонкой монетой, онъ приказалъ эти деньги бросить лошадямъ, которыя, конечно, ихъ ѣсть не стали. „Какой прокъ въ томъ, что ты привезъ намъ?“ сказалъ Александръ, и посадилъ его въ оковы. По прибытіи въ Персію, онъ прежде всего раздавалъ женщинамъ деньги, слѣдуя древнему обычаю персидскихъ царей, которые всякій разъ, когда пріѣзжали въ Персію, дарили каждой женщинѣ по золотой монетѣ. Оттого, говорятъ, персидскіе цари не часто посѣщали Персію. Охъ * не былъ тамъ даже ни разу и такимъ образомъ изъ скупости самъ изгналъ себя изъ отечества.

* Артаксерсъ Охъ царствовалъ отъ 359—338 до Р. Х.

Найдя взломаннымъ входъ въ гробницу Кира, Александръ приказалъ наказать того, кто совершилъ это святотатство, не смотря на то, что преступникомъ оказался одинъ изъ жителей города Пеллы * и притомъ не изъ самыхъ темныхъ, нѣкто Полимахъ. Прочитавъ надпись на гробницѣ, онъ приказалъ вырѣзать подъ нею греческій ея переводъ. А надпись гласила слѣдующіе: „О, человѣкъ! Кто бы ты ни былъ и откуда бы ни пришелъ— а что ты придешь, я знаю — вѣдай, что я Киръ, завоевавшій Персамъ господство на землѣ; такъ не завидуй ничтожному клочку земли, скрывающему въ себѣ мое тѣло“. Эти слова очень взволновали Александра и напомнили ему о невѣрности и непрочности всего земного.

Здѣсь же индѣйскій философъ Каланъ, страдая съ нѣкоторыхъ поръ болями въ желудкѣ, пожелалъ, чтобъ ему навалили костеръ. Верхомъ на лошади поѣхалъ онъ къ этому костру, помолился богамъ, совершилъ надъ собой обычныя возліянія и, отрѣзавъ себѣ

* Пелла, городъ въ Македоніи

клокъ волосъ, взошелъ на костеръ. Отсюда простился онъ съ Македонянами, дѣлая имъ знаки правою рукой, просилъ ихъ провести этотъ день весело и съ царемъ своимъ напиться до пьяна и прибавилъ, что въ скоромъ времени онъ самъ увидится съ нимъ въ Вавилонѣ. Сказавъ это, онъ легъ, закрылъ себѣ лицо покрываломъ и не тронулся даже и тогда, когда пламя стало его касаться. Такимъ образомъ онъ принесъ себя въ жертву по обычаю мудрыхъ своей страны. Много лѣтъ спустя другой Индѣецъ, бывшій съ Цезаремъ въ Аѳинахъ, сдѣлалъ то же самое, и гробница его называемая „гробницей индѣйца", показывается и теперь.

Возвратясь отъ костра, Александръ за ужиномъ съ большимъ числомъ своихъ приближенныхъ предложилъ награду тому изъ нихъ, кто выпьетъ больше всѣхъ чистаго вина. Промахъ остался побѣдителемъ; онъ выпилъ до четырехъ мѣръ крѣпкаго вина, получивъ въ награду побѣдный вѣнокъ, цѣной въ одинъ талантъ, и жилъ только три дня послѣ этого. По словамъ Хареса, вслѣд-

ствіе этой попойки умерло еще 41 человѣкъ, отъ сильнаго озноба, послѣдовавшаго за опьяненіемъ.

Въ Сузахъ Александръ женилъ всѣхъ своихъ гетеровъ: самъ женился на Статирѣ, дочери Дарія, а знатнѣйшихъ персидскихъ дѣвушекъ выдалъ за знатнѣйшихъ Македонянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отпраздновалъ пиромъ свадьбу всѣхъ Македонянъ, женившихся прежде. Говорятъ, что гостей на этомъ пирѣ было около 9000 и каждый получилъ для возліяній по золотой чашѣ.

И въ другихъ отношеніяхъ Александръ выказывалъ изумительную щедрость. Такъ изъ своей собственной казны заплатилъ онъ долги своихъ воиновъ, на что истратилъ 9870 талантовъ. При этомъ нѣкто по прозванію Антигенъ кривой внесъ свое имя въ списокъ должниковъ и представилъ человѣка, засвидѣтельствовавшаго, что онъ изъ своего банка ссудилъ ему денегъ; Александръ заплатилъ его долгъ. Но впослѣдствіи открылось, что Антигенъ обманулъ и представилъ ложнаго свидѣтеля. Царь въ гнѣвѣ выключилъ Ан-

тигена изъ числа своихъ придворныхъ и лишилъ команды въ войскѣ. А между тѣмъ Антигенъ былъ замѣчательно храбрый воинъ. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, при осадѣ города Перинта * царемъ Филиппомъ, онъ былъ раненъ въ глазъ стрѣлой изъ балисты и далъ себѣ выдернуть стрѣлу не прежде, какъ отразивъ непріятеля и принудивъ его запереться въ стѣнахъ. Онъ чрезвычайно огорчился, что такъ себя унизилъ, и было очевидно, что съ горя и отчаянія онъ наложитъ на себя руки. Опасаясь этого, Александръ простилъ его и даже оставилъ ему полученныя имъ деньги.

Къ возвращенію Александра тридцать тысячъ персидскихъ мальчиковъ, отданныхъ имъ въ ученье передъ походомъ въ Индію, оказались сильными и хорошо сложенными юношами, искусными въ военныхъ упражненіяхъ. Александръ былъ въ восхищеніи, но Македонянами овладѣло уныніе: они опасались, чтобы царь не сталъ къ нимъ относиться съ меньшимъ вниманіемъ. Когда

* Перинтъ, греческая колонія на берегу Мраморнаго моря.

послѣ того онъ захотѣлъ отправить слабыхъ и увѣчныхъ къ морю *, они говорили: „мы считаемъ для себя оскорбленіемъ и насмѣшкой, что человѣкъ, который, не жалѣя насъ, пользовался нашими силами для всевозможныхъ предпріятій, теперь позорно отсылаетъ насъ на родину и къ роднымъ, совсѣмъ не въ томъ состояніи, въ какомъ мы поступили къ нему на службу. Пусть лучше всѣхъ насъ уволитъ, всѣхъ найдетъ негодными къ службѣ и пусть идетъ завоевыватъ обитаемую землю съ своими молодыми плясунами“. Александръ очень разсердился, услыхавъ эти жалобы, разбранилъ недовольныхъ, прогналъ ихъ отъ себя, назначилъ персовъ своими тѣлохранителями и изъ среды ихъ сталъ выбирать копьеносцовъ и вѣстниковъ. Горько стало македонянамъ ихъ униженіе, когда они увидали, что всюду его сопровождаютъ персы, а ихъ самихъ устраняютъ и оскорбляютъ. Одумавшись, они поняли, что зависть и гнѣвъ довели ихъ до безумія. Безъ оружія, въ однѣхъ туникахъ, окружили они его

* Для дальнѣйшаго отправленія на родину.

палатку и съ воплями молили о прощеніи, прося, чтобъ онъ поступилъ съ ними, какъ съ низкими и неблагодарными. Александръ смягчился, но ихъ не принялъ, а македоняне два дня и двѣ ночи стояли кругомъ его палатки, плакали, стонали и называли его „своимъ повелителемъ и властителемъ“. На третій день онъ къ нимъ вышелъ и долго плакалъ, видя ихъ въ такомъ жалкомъ и униженномъ положеніи; кротко упрекнулъ ихъ, сказалъ имъ нѣсколько дружескихъ словъ, уволилъ негодныхъ къ службѣ и всѣхъ отпустилъ съ богатыми подарками, написавъ Антипатру, чтобы на всѣхъ представленіяхъ они сидѣли въ первыхъ рядахъ съ вѣнками на головѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтямъ убитыхъ на войнѣ приказалъ выдавать жалованье, которое получали ихъ отцы.

Прибывъ въ Экбатану, столицу Мидіи, и справивъ сначала всѣ неотложныя дѣла, снова отдался театрамъ и празднествамъ, тѣмъ болѣе, что 3000 артистовъ прибыли изъ Греціи.

Въ это время Гефестіонъ заболѣлъ лихорадкой. Этотъ молодой воинъ не умѣлъ подчинить себя строгой діэтѣ и, пользуясь отсутствіемъ своего врача, Главка, пошедшаго въ театръ, отправился на одинъ пиръ, съѣлъ жирнаго каплуна и выпилъ большой сосудъ холоднаго вина. Съ этого стало ему такъ плохо, что онъ вскорѣ умеръ. Александръ словно съ ума сошелъ послѣ этого несчастія: немедленно приказалъ, въ знакъ траура, обрѣзать гривы всѣмъ лошадямъ и лошакамъ, во всѣхъ окрестныхъ городахъ отбить зубцы со стѣнъ и распять на крестѣ несчастнаго врача. По его же приказанію, въ лагерѣ не смѣли играть на флейтѣ и другихъ инструментахъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока отъ оракула Аммонскаго не пришло повелѣніе почтить Гефестіона жертвами, какъ полубога.

Чтобы утѣшиться, Александръ прибѣгъ къ войнѣ. Словно на охоту, пошелъ онъ на племя Коссеевъ *, и умертвилъ всѣхъ способныхъ носить оружіе; онъ называлъ это искупитель-

* Коссеи, дикое, независимое племя, въ горахъ между Персіей и Мидіей.

ной жертвой въ память Гефестіона. Положивъ истратитъ 10,000 талантовъ на памятникъ, на погребеніе и на всѣ требуемыя украшенія и, сверхъ того, желая превзойти эту огромную сумму изысканностью и великолѣпіемъ въ исполненіи работъ, Александръ очень жалѣлъ о Стазикратѣ, художникѣ, проявлявшемъ въ своихъ произведеніяхъ великую изобрѣтательность, смѣлое воображеніе и сочувствіе къ возвышенному и блестящему. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ художникъ, призванный Александромъ для нѣкоторыхъ работъ, сказалъ ему, что изъ всѣхъ горъ, видѣнныхъ имъ, гора Аѳонъ во Ѳракіи наиболѣе другихъ годна для того, чтобъ изъ нея можно было высѣчь человѣческую фигуру; что, если Александру угодно, то онъ изъ этой горы сдѣлаетъ ему самую прочную и замѣчательную статую въ мірѣ, на лѣвой ладони который будетъ стоять городъ съ десятью тысячами жителей, а изъ правой будетъ изливаться въ море большая рѣка. Александръ не принялъ этого предложенія, хотя впослѣдствіи обсуждалъ съ своими

художниками замыслы болѣе странные и требовавшіе еще большихъ затратъ.

Царь былъ на пути къ Вавилону, когда явился къ нелу Неархъ, только что вернувшійся по исполненіи даннаго ему порученія проѣхать въ р. Евфратъ черезъ океанъ, и передалъ ему, что были у него Халдеи и совѣтовали ему сдѣлать такъ, чтобы царь не пріѣзжалъ въ Вавилонъ. Александръ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на это предостереженіе и продолжалъ свой путь. Приближаясь къ стѣнамъ Вавилона, онъ замѣтилъ множество вороновъ, неистово бьющихъ другъ друга своими клювами, и нѣкоторые изъ нихъ упали къ его ногамъ. Затѣмъ донесли ему, что намѣстникъ Вавилона, Аполлодоръ, приносилъ богамъ жертву, гадая о его судьбѣ. Александръ приказалъ позвать гадателя Пиѳагора, приносившаго жертву. Гадатель не отрицалъ, что такъ было, и тогда царь спросилъ у него: „въ какомъ состояніи нашелъ онъ внутренности жертвъ“? Получивъ въ отвѣтъ, что печень оказалась безъ лопасти, Александръ ска-

залъ: „О, великіе боги! какое страшное предзнаменованіе“ Пиѳагору онъ не сдѣлалъ никакого зла, но пожалѣлъ, что не повѣрилъ Неарху. Большую часть времени проводилъ въ лагерѣ, внѣ города и въ плаваніяхъ по Евфрату. Но разныя страшныя предзнаменованія продолжали нарушать его спокойствіе. Такъ на одного изъ самыхъ большихъ и красивыхъ львовъ, содержимыхъ при царскомъ дворѣ, напалъ домашній оселъ и убилъ его копытомъ. Въ другой разъ царь, раздѣвшись, чтобы натереться масломъ, игралъ въ мячъ. Когда игра кончилась, молодые люди, игравшіе съ нимъ, пошли за его платьемъ и увидали какого-то человѣка на тронѣ, въ царской мантіи и съ діадемой на головѣ. На вопросъ: кто онъ такой,—этотъ человѣкъ долго ничего не отвѣчалъ. Наконецъ, какъ бы придя въ себя, онъ объявилъ, что зовутъ его Діонисіемъ, что онъ родомъ изъ Мессеніи, что вслѣдствіе разныхъ обвиненій, его изъ-за моря привезли сюда и долго держали въ оковахъ; но недавно явился къ нему Сера-

писъ *, разбилъ его оковы и прислалъ сюда, приказавъ взять здѣсь мантію и діадему, сѣсть на тронъ и ничего не говорить.

Услыхавъ это, Александръ, по совѣту гадателей, казнилъ этого человѣка, но самъ впалъ въ большое уныніе, пересталъ надѣяться на покровительство боговъ и сдѣлался подозрительнымъ и недовѣрчивымъ къ своимъ друзьямъ. Болѣе всѣхъ онъ опасался Антипатра и сыновей его, изъ которыхъ старшій былъ главнымъ виночерпіемъ, а младшій, Кассандръ, недавно прибылъ ко двору. Послѣдній, увидавъ, какъ Персы повергаются передъ Александромъ, громко разсмѣялся, такъ какъ, будучи воспитанъ въ Греціи, онъ никогда въ жизни не видалъ ничего подобнаго. Александръ такъ разсердился, что, схвативъ его обѣими руками за волосы, сильно ударилъ его головой объ стѣну. Въ другой разъ Кассандръ хотѣлъ что то сказать противъ Македонянъ, пріѣхавшихъ съ обвиненіями на его отца, но царь съ до-

* Сераписъ, богъ подземнаго царства.

садой перебилъ его словами: „Какъ! неужели же эти люди пріѣхали сюда изъ далека, не имѣя никакого повода къ обвиненію, и только для того, чтобы клеветать на твоего отца?“ „Доказательствомъ того, что они клеветники“, возразилъ Кассандръ, „и служитъ то обстоятельство, что они пріѣхали изъ далека, потому что они удалились изъ того мѣста, гдѣ бы можно было уличить ихъ во лжи“. „Вотъ вамъ образчикъ софизмовъ учениковъ Аристотеля, говорящихъ и за и противъ“, сказалъ со смѣхомъ Александръ. „Но какъ бы тамъ ни было, тебѣ не уйти отъ наказанія, если только будетъ доказана хоть бы самая малая несправедливость твоя относительно этихъ людей“. Съ этихъ поръ, говорятъ, Кассандръ проникся неодолимымъ чувствомъ страха къ Александру. До такой степени чувство это овладѣло имъ, видно изъ случая, происшедшаго съ нимъ спустя много лѣтъ, когда онъ уже самъ былъ царемъ Македонскимъ и повелителемъ Греціи. Прогуливаясь въ Греціи и осматривая тамошніе памятники, онъ неожиданно увидалъ статую Але-

ксандра и такъ былъ пораженъ этимъ, что затрясся всѣмъ тѣломъ и долго не могъ оправиться отъ сдѣлавшагося съ нимъ головокруженія.

Между тѣмъ Александръ всѣ досуги свои сталъ отдавать гаданіямъ и это приводило его въ такое волненіе, въ такой страхъ, что вещи самыя незначительныя, но не совсѣмъ обыкновенныя, казались ему чудомъ и предзнаменованіемъ; дворецъ его наполнился предсказателями приносившими жертвы и совершавшими очистительные обряды. Конечно, есть нѣчто ужасное въ невѣріи и въ презрѣніи къ откровеніямъ божества, но не менѣе ужасно и суевѣріе: какъ вода, заливающая низменныя мѣста, овладѣвало оно всѣмъ существомъ Александра и дѣлало его въ высшей степени трусливымъ.

Впрочемъ, по полученіи отвѣтовъ отъ оракула, спрошеннаго по случаю смерти Гефестіона, онъ бросилъ трауръ и предался опять жертвеннымъ пирамъ и попойкамъ. Однажды послѣ блестящаго пира, заданнаго Неарху и его главнымъ сподвижникамъ, онъ, по сво-

ему обыкновенію, выкупался и собрался лечь спать. Но пришелъ Медій и упросилъ его придти къ нему на оргію. Всю ночь и весь слѣдующій день пилъ онъ у Медія, и вдругъ сдѣлалась съ нимъ лихорадка. Неправда, чтобы при этомъ онъ выпилъ Геркулесову чашу и вдругъ почувствовалъ острую боль въ поясницѣ, словно кольнуло его копьемъ: но многіе сочли нужнымъ выдумать это, чтобы дать великой драмѣ его жизни трагическую и трогательную развязку. Аристовулъ же просто разсказываетъ, что, страдая отъ жажды, онъ выпилъ вина; съ того сдѣлался у него бредъ съ сильнымъ припадкомъ лихорадки и въ этомъ бреду онъ скончался 30 числа, мѣсяца Дезія (11 Іюня).

Въ эфемеридахъ *, обо всемъ касающемся его болѣзни, записано такъ: 18-го числа, по случаю лихорадки онъ ночевалъ въ банѣ. На слѣдующій день, выкупавшись въ банѣ, онъ возвратился въ свою опочивальню и цѣлый день игралъ съ Медіемъ въ кости.

* Эфемериды составлявшіяся при дворѣ вѣдомости, въ которыя день за день вносили текущія событія.

Поздно вечеромъ опять купался, принесъ богамъ жертву, ужиналъ, и — снова почувствовалъ лихорадку. 20-го числа опять купался, принесъ обычную жертву богамъ, и цѣлый день лежалъ въ банѣ, слушая разсказы Неарха и его спутниковъ о ихъ плаваніи по океану. 21-го провелъ день точно такъ же, но жаръ усилился и ночью чувствовалъ себя дурно; на другой день, будучи въ сильной лихорадкѣ, приказалъ себя перенести къ большому резервуару и тамъ, лежа, бесѣдовалъ съ своими полководцами о вакантныхъ мѣстахъ въ арміи и о томъ, что надо назначать на эти мѣста не иначе, какъ по предварительному испытанію. 24-го лихорадка усилилась, но онъ приказалъ снести себя къ мѣсту жертвоприношенія и самъ принесъ жертву. Въ то же время приказалъ высшимъ начальникамъ оставаться на ночь внутри двора, а таксіархамъ (начальникамъ отрядовъ) и пентакосіархамъ (пятидесятникамъ) стоять на часахъ за стѣной дворца. 25-го числа его перенесли въ отдѣленіе дворца, находившееся за резервуаромъ; тамъ онъ немного

уснулъ, но лихорадка не прекращалась. Когда вошли полководцы, онъ ужъ не могъ говорить, а 26-го Македоняне, думая, что онъ умеръ, подошли къ воротамъ дворца и съ криками и угрозами требовали, чтобъ гетеры ихъ впустили. Гетеры принуждены были отворить ворота, и Македоняне вошли въ опочивальню царя и въ туникахъ одинъ за другимъ прошли мимо его постели. Въ этотъ же день Піоонъ и Селькъ, посланные въ храмъ Сераписа, спросили этого бога, не должно ли Александра перенести въ храмъ. Богъ отвѣчалъ: „что должно оставить его тамъ, гдѣ онъ находится“. 28-го къ вечеру Александръ скончался.

Такъ слово въ слово записано въ Эфемеридахъ. Никто первое время не подозрѣвалъ, чтобы Александръ умеръ отъ яда. Но шесть лѣтъ спустя, Олимпія, на основаніи какихъ-то донесеній, казнила многихъ и приказала развѣять по вѣтру прахъ умершаго Іолая, обвиняя его въ томъ, что онъ налилъ яду въ питье Александра. Тѣ, которые утверждаютъ, будто Аристотель посовѣтовалъ Антипатру отравить Александра, такъ разсказываютъ со словъ нѣкоего Гигноѳемиса, увѣрявшаго, что слышалъ это отъ царя Антигона *. Они же разсказываютъ, что ядъ этотъ былъ не что иное, какъ очень холодная вода, вытекающая изъ одной скалы въ Нонакрисѣ **. Ее собираютъ по капелькамъ, какъ росу, и сохраняютъ въ ослиномъ копытѣ; въ другихъ сосудахъ ее держать нельзя, такъ какъ всѣ лопаются или трескаются отъ холодной и ѣдкой жидкости. Но большая часть историковъ считаютъ за чистыя басни всѣ разсказы объ отравленіи Александра. Немаловажнымъ доводомъ служитъ для нихъ слѣдующее обстоятельство, что въ продолженіе многихъ дней, пока его полководцы ссорились между собой, тѣло его безъ всякаго попеченія оставалось въ тепломъ и душномъ помѣщеніи и, не смотря на это, не представляло никакихъ признаковъ порчи, но сохранилось вполнѣ чистымъ и свѣжимъ.

* Антигонъ, одинъ изъ полководцевъ Александра, былъ правителемъ государства по смерти Антипатра (отъ 319 по 301 годъ).

** Нонакрисъ, городокъ въ Аркадіи.

Роксана въ это время была беременна, вслѣдствіе чего Македоняне относились къ ней съ особенной почтительностью. Боясь соперничества Статиры, она, отъ имени Александра, написала ей письмо съ приглашеніемъ пріѣхать. Статира пріѣхала вмѣстѣ съ своей сестрой. Роксана умертвила ихъ обѣихъ и тѣла ихъ бросила въ колодезь, и колодезь засыпали. И сдѣлано было это съ вѣдома и съ участіемъ Пердикки, который, немедленно по смерти Александра, захватилъ царскую власть въ свои руки. Для огражденія своей жизни и власти онъ, словно тѣлохранителя, возилъ съ собою слабоумнаго Арридея, сына царя Филиппа и Филины, женщины низкаго происхожденія. Слабоуміе его произошло отъ страшной болѣзни, постигшей его не случайно и не вслѣдствіе недостатковъ его тѣлесной природы: въ дѣтствѣ онъ былъ не глупымъ и пріятнымъ мальчикомъ; но Олимпія поила его питьями, испортившими его здоровье и помутившими его разумъ.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ЦЕЗАРЯ.

Враждебныя отношенія Цезаря къ Силлѣ.—Цезарь въ плѣну у морскихъ разбойниковъ; его гордое обращеніе съ ними, и какъ онъ съ ними раздѣлался.—Его великія способности къ краснорѣчію.—Любовь къ нему народа.—Произноситъ рѣчь надъ гробомъ своей жены и женится потомъ на Помпеѣ.—Ставитъ въ Капитоліи изображеніе Марія и его побѣдъ.—Избранъ въ первосвященники.—По этому случаю упрекаютъ Цицерона въ томъ, что онъ его пощадилъ во время заговора Катилины.—Сенатъ, желая противодѣйствовать вліянію Цезаря, постановляетъ раздачу хлѣба народу.—Цезарь, въ качествѣ претора, отправляется въ Испанію.—Его поведеніе въ этой странѣ.—Примиряетъ Помпея съ Крассіемъ.—Благодаря ихъ вліянію получаетъ консульство.—Гнусные поступки Цезаря и Помпея.—Цезарь велитъ арестовать Катона и тотчасъ-же возвращаетъ ему свободу.—Перечень успѣховъ Цезаря въ Галліи.—Примѣры привязанности къ нему офицеровъ и солдатъ.—Какимъ образомъ онъ пріобрѣтаетъ ихъ любовь.—Его воздержность въ пищѣ и питьѣ.—Первая война Цезаря въ Галліи.—Вторая война съ Аріовистомъ.—Полнѣйшая надъ нимъ побѣда.—Проводитъ зиму въ Цизальпинской Галліи.—Пораженіе Бельгійцевъ и Нервіевъ.—Управленіе Галліей ему поручается на пять лѣтъ.—Война съ Узипійцами и Тенкторами.—Мостъ на Рейнѣ.—Двукратный походъ въ Великобританію.—Смерть Юліи, дочери Цезаря и супруги Помпея.—Возстаніе въ Галліи.—Пораженіе Амбіорикса.—Возмущеніе Арверновъ и Карнутовъ подъ предводительствомъ Верцингеторикса.—Послѣ трудного похода черезъ территорію Лингоновъ Цезарю

удается разбить непріятеля.—Принуждает Верцингеторикса запереться въ городѣ Алезіи, который осаждает.—Многочисленная армія приходитъ на помощь осажденнымъ.—Цезарь ее разбиваетъ, а Верцингеторикс сдается ему.—Начало несогласій между Цезаремъ и Помпеемъ.—Помпей, одинъ избранный въ консулы, кромѣ того получаетъ въ управленіе Испанію и Африку.—Цезарь требуетъ себѣ консульства и продолженія своего намѣстничества.—Заблужденіе Помпея относительно преданности войскъ Цезарю.—Цезарь вызывается положить оружіе, если Помпей согласится сдѣлать то же самое.—Онъ ограничивается требованіемъ, чтобы ему поручено было управленіе Цизальпинскою Галліею.—Антоній и Куріонъ ищутъ убѣжища въ его лагерѣ.—Переходъ через Рубиконъ и взятіе Аримина.—Ужасъ въ Римѣ при этомъ извѣстіи.—Бѣгство Помпея.—Чувства страха и довѣрія въ этомъ городѣ.—Цезарь вступаетъ въ Римъ.—Отправляется въ Испанію, откуда изгоняетъ намѣстниковъ Помпея.—По возвращеніи въ Римъ онъ провозглашенъ диктаторомъ и отправляется преслѣдовать Помпея.—Ропотъ солдатъ.—Попытка Цезаря переправиться изъ Аполлоніи въ Брундизій въ простой лодкѣ.—Его солдаты терпятъ голодъ.—Помпей не умѣетъ воспользоваться своей побѣдой.—Цезарь снимается съ лагеря; Помпея уговариваютъ его преслѣдовать.—Цезарь овладѣваетъ городомъ Гомфомъ въ Ѳессаліи, изобиліе снова водворяется въ его лагерѣ.—Обѣ арміи встрѣчаются при Фарсалѣ.—Самоувѣренность воиновъ Помпея.—Разныя предзнаменованія.—Распоряженія обоихъ полководцевъ.—Цезарь одерживаетъ побѣду.—Что говоритъ и какъ себя держитъ послѣ сраженія.—Предсказанія Корнелія.—Слезы Цезаря, когда ему приносятъ голову Помпея.—Война въ Александріи.—Клеопатра велитъ себя нести къ Цезарю въ узлѣ съ платьемъ.—Онъ ее возводитъ на Египетскій престолъ.—Быстрыя его побѣды въ Азіи.—Возвращеніе въ Римъ.—Дерзость Антонія и прочихъ друзей Цезаря.—Цезарь отправляется въ Африку.—Терпитъ тамъ голодъ.—Въ одинъ день наноситъ пораженіе тремъ военачальникамъ и беретъ ихъ три лагеря.—По какому случаю Цезарь написалъ книгу „Антикатонъ".—Перепись, свидѣтельствующая объ огромной убыли населенія вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ.—Цезарь побѣждаетъ въ Испаніи сыновей Помпея.—Его тріумфъ.—Онъ провозглашенъ пожизненнымъ диктаторомъ.—Его поведеніе по окончаніи междоусобной войны.—Онъ замышляетъ новыя завоеванія и предпринимаетъ большія работы.—Исправляетъ календарь.—Онъ дѣлается ненавистнымъ вслѣдствіе своихъ стремленій къ царской власти.—Антоній подноситъ ему діадему, отъ которой онъ отказывается.—Начало заговора Брута и Кассія.—Знаменія, предвѣщающія Цезарю смерть.—Онъ идетъ въ сенатъ, не смотря на предостереженія.—Записка Артемидора.—Смерть Цезаря.—Брутъ и Кассій передъ народомъ.—Яростное раздраженіе народа противъ убійцъ Цезаря.—Смерть Кассія и Брута.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

От 100 до 44 года до Р. X.

Овладѣвъ Римомъ, Силла потребовалъ отъ Цезаря, чтобы онъ развелся съ своей супругой Корнеліей, дочерью Цинны, одного изъ противниковъ его, незаконно властвовавшихъ въ Римѣ за послѣднее время; когда же увидалъ, что ни обѣщаніями, ни угрозами нельзя склонить на это Цезаря, то велѣлъ отобрать въ казну приданое его жены. И въ самомъ дѣлѣ, Цезарь, какъ родственникъ Марія, не могъ не быть врагомъ Силлѣ: Марій старшій былъ женатъ на его теткѣ Юліи, и сынъ ихъ, Марій младшій, былъ, стало быть, двоюроднымъ братомъ

Цезарю. На первыхъ порахъ Силла, занятый составленіемъ проскрипціонныхъ списковъ, * не обращалъ вниманія на своего врага; но Цезарю не по сердцу было такое пренебреженіе, и онъ, не смотря на то, что не достигъ еще совершеннолѣтія, явился въ народное собраніе и предложилъ себя на должность жреца. Силла употребилъ все свое вліяніе, чтобы помѣшать этому избранію, и Цезарь не имѣлъ успѣха. Затѣмъ диктаторъ думалъ отдѣлаться отъ него насиліемъ, и когда нѣкоторые ему представили, что нѣтъ необходимости осуждать на смерть отрока, онъ имъ сказалъ: „Не далеки же вы, коли не видите, что этотъ мальчикъ стоитъ нѣскольких Маріевъ“.

Узнавъ про эти слова, Цезарь скрылся и долгое время скитался въ Сабинской землѣ, переходя изъ дома въ домъ. Среди этихъ передвиженій ему случилось заболѣть и слечь

* Такъ названы были списки, въ которые, по приказанію Силлы, вписаны были имена всѣхъ сторонниковъ Марія, осужденныхъ диктаторомъ на смертную казнь, изгнаніе или лишеніе имущества. Такихъ несчастныхъ оказалось болѣе 40000.

въ постель, и когда въ такомъ состояніи переносили его въ другой домъ, на него набрели воины, которые, по приказанію Силлы, обходили эти мѣста, розыскивая скрывающихся отъ проскрипцій. Но начальникъ ихъ, Корнелій, польстился на два таланта, предложенные ему Цезаремъ, и далъ ему уйти.

Цезарь поспѣшилъ къ морю и отправился въ Виѳинію къ царю Никомеду. Послѣ недолгаго пребыванія въ этомъ городѣ, онъ опять сѣлъ на корабль; но близъ острова Фармакузы, недалеко отъ Милета, попалъ въ руки морскихъ разбойниковъ, которые, имѣя въ своемъ распоряженіи большое множество галеръ и всякихъ другихъ судовъ, уже и тогда господствовали на этомъ морѣ.

Сначала они потребовали съ него только 20 талантовъ выкупа. Услыхавъ это, Цезарь разсмѣялся: такъ они не знаютъ, кого захватили!—сказалъ онъ, и предложилъ имъ 50 талантовъ. Для сбора этой суммы послалъ онъ бывшихъ при немъ людей въ ближніе горо-

да, а самъ, съ однимъ только другомъ и двумя служителями остался среди свирѣпыхъ киликійцевъ, * для которыхъ сущимъ пустякомъ было убить человѣка. Въ ожиданіи денегъ онъ обращался съ ними презрительно и всякій разъ, какъ ложился спать, посылалъ сказать имъ, чтобы они не шумѣли. И такъ прожилъ онъ съ ними 38 дней, съ величайшимъ безстрашіемъ принимая участіе въ ихъ играхъ и военныхъ упражненіяхъ, и казалось, что они были его тѣлохранителями, а не караульщиками. Также читалъ онъ имъ свои стихотворенія и рѣчи, и если они не выражали восторга или одобренія, называлъ ихъ невѣждами и варварами. Часто даже онъ шутя угрожалъ имъ, что распнетъ ихъ на крестѣ. Разбойникамъ нравились эти вольности, которыя они приписывали его откровенному и шутливому характеру.

---

* Морскіе разбойники, господствовавшіе тогда на моряхъ, омывающихъ Малую Азію, были по большей части родомъ изъ Киликіи, страны, занимавшей восточную часть южнаго берега Малой Азіи.

Между тѣмъ деньги привезли, и Цезарь сталъ свободенъ. Тогда вооружилъ онъ корабли, какіе нашелъ въ Милетскомъ портѣ, и пошелъ на разбойниковъ, которые все еще стояли на якорѣ у острова Фармакузы. Захвативъ большую часть ихъ, вмѣстѣ съ оказавшимися при нихъ деньгами, онъ заключилъ ихъ въ Пергамскую тюрьму, а самъ отправился къ намѣстнику Азіи Юлію, которому, какъ претору, т. е. судьѣ, надлежало судить преступниковъ. Юлій, увидя значительную сумму денегъ, отнятую у разбойниковъ, объявилъ Цезарю, что думаетъ разобрать ихъ дѣло позднѣе. Но Цезарь, угадавъ намѣреніе намѣстника, возвратился въ Пергамъ и велѣлъ распять всѣхъ захваченныхъ имъ разбойниковъ. Такимъ образомъ привелъ онъ въ исполненіе угрозу, съ которой такъ часто обращался къ нимъ на островѣ Фармакузѣ и которую они принимали за шутку.

Между тѣмъ могущество Силлы стало падать, и тогда друзья Цезаря начали убѣждать его возвратиться въ Римъ. Но онъ

отправился сначала на островъ Родосъ— учиться у Аполлонія, сына Моголова, философа, который славился и какъ искуснѣйшій преподаватель риторики, и какъ человѣкъ добрыхъ нравовъ; въ числѣ учениковъ его былъ и Цицеронъ. Природа щедро надѣлила Цезаря талантами, необходимыми для публичнаго оратора, и честолюбивый юноша усердно заботился о ихъ развитіи. Не смотря на то, онъ былъ только вторымъ ораторомъ въ Римѣ; первымъ же не могъ быть, потому что хотѣлъ первенствовать оружіемъ и слишкомъ занятъ былъ войнами и политическими интригами, приведшими его къ верховной власти. Поэтому впослѣдствіи, въ сочиненіи своемъ „Антикатонъ", написанномъ въ возраженіе на книгу Цицерона о Катонѣ, онъ высказываетъ желаніе, чтобы читатель не ожидалъ отъ военнаго человѣка того совершенства слога, которымъ отличается ораторъ, всю жизнь свою посвятившій изученію краснорѣчія.

Возвратясь въ Римъ, Цезарь призвалъ къ суду Долабеллу, обвиняя его въ дурномъ

управленіи ввѣренною ему провинціей (Македоніей). Многіе греческіе города поддерживали это обвиненіе своими свидѣтельствами, и однако Долабелла былъ оправданъ. Но чтобы отблагодарить Грецію за оказанную ему услугу, Цезарь выступилъ ея защитникомъ въ процессѣ, который она повела противъ Публія Антонія, преслѣдуя его за лихоимство. Дѣло разсматривалось Маркомъ Лукулломъ, преторомъ Македонскимъ, и Цезарь съ такой силой отстаивалъ своихъ довѣрителей, что обвиняемый обратился съ апелляціей къ народнымъ трибунамъ, говоря, что ему невыгодно судиться съ греками въ Греціи.

Въ Римѣ обратилъ онъ на себя вниманіе многихъ краснорѣчіемъ, съ которымъ защищалъ обвиняемыхъ; что же касается народа, то онъ увлекалъ его своей привѣтливостью и готовностью вступить въ разговоръ со всякимъ. И дѣйствительно, рѣдко можно было встрѣтить человѣка его лѣтъ, который бы отличался такой простотой и непринужденностью обращенія; вмѣстѣ съ тѣмъ по-

степенному возрастанію его вліянія на народъ не мало содѣйствовали его роскошные пиры, щедрость и показная расточительность. Тѣ, которые ему завидовали, надѣялись, что его средства скоро истощатся, а потому сначала не придавали большого значенія великому расположенію, которымъ онъ пользовался въ народѣ. Но когда это расположеніе до того увеличилось, что стало уже трудно его подорвать, и когда въ Цезарѣ проявилась явная наклонность къ уничтоженію государственныхъ учрежденій республики, тогда они поняли, хотя, слишкомъ поздно, что какъ бы ни были малы вещи, нельзя пренебрегать ихъ началомъ, такъ какъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, при непрерывномъ стремленіи къ одной цѣли, они неизбѣжно приведутъ къ крупнымъ послѣдствіямъ; да и самое пренебреженіе, съ которымъ къ нимъ относятся, даетъ имъ возможность достигать неодолимой силы.

Цицеронъ, кажется, первый провидѣлъ нѣчто страшное въ обольстительномъ спокойствіи политическаго поведенія Цезаря; первый по-

ялъ, какіе глубокіе и опасные замыслы крываются въ его благосклонныхъ улыбахъ. „Во всѣхъ его замыслахъ и поступахъ“, говорилъ ораторъ, „я усматриваю стреленіе къ самовластію; но, съ другой стороны, когда я вижу, съ какой тщательностью бираетъ онъ свои волосы и съ какой мажерностью почесываетъ въ головѣ пальцемъ, огда никакъ не могу допустить мысли, тобы такой человѣкъ могъ питать преступое намѣреніе ниспровергнуть республику“. Впрочемъ, эти слова сказаны были гораздо озднѣе того времени, о которомъ мы теерь повѣствуемъ.

Первое доказательство своего расположенія къ Цезарю явилъ народъ, когда выбралъ го въ военные трибуны предпочтительно передъ искавшимъ той же должности Каемъ Попиліемъ. Второе, еще болѣе замѣчательное, получилъ онъ, когда, съ ораторской трибуны на форумѣ, произнесъ рѣчь въ память умершей тетки своей Юліи, вдовы Марія, и въ этой рѣчи воздалъ должную справедливость ея добродѣтелямъ, и когда

въ послѣдовавшей затѣмъ похоронной процессіи велѣлъ нести изображенія Марія, которыя при Силлѣ не смѣли выставлять на показъ, такъ какъ Марій и его сторонники объявлены были врагами республики. При видѣ этихъ изображеній многіе стали кричать противъ Цезаря,—но крики недовольныхъ заглушены были восторженными восклицаніями народа, выражавшими удивленіе къ мужеству, съ которымъ Цезарь возвращалъ, такъ сказать, Марія изъ царства тѣней и возстановлялъ честь его имени.

Въ Римѣ давно завелся обычай произносить надгробныя рѣчи въ честь умершихъ женщинъ, но только старыхъ, а не молодыхъ. Цезарь первый нарушилъ этотъ обычай, произнеся рѣчь въ память своей жены, которая умерла молодой. Это также расположило народъ въ его пользу: ему сочувствовали и привыкли видѣть въ немъ человѣка добраго, принимающаго къ сердцу свои общественныя обязанности.

Похоронивъ жену, онъ отправился въ

Иберію (Испанію) въ должности квестора * при преторѣ Ветерѣ. Всю жизнь свою Цезарь уважалъ Ветера, и когда самъ сталъ преторомъ, то избралъ себѣ въ квесторы его сына.

Когда истекъ срокъ его квесторской службы въ провинціи, Цезарь женился въ третій разъ на Помпеѣ; отъ своей первой жены Корнеліи онъ имѣлъ дочь, которую впослѣдствіи выдалъ замужъ за Помпея Великаго.

Многіе, замѣчавшіе его расточительность, думали, что онъ пріобрѣтаетъ кратковременныя, преходящія почести слишкомъ дорогою цѣною; но на самомъ дѣлѣ ему очень дешево доставалось то, что люди наиболѣе цѣнятъ. Говорятъ, что до перваго выступленія его на поприще государственной службы у него было 1,300 талантовъ долгу **. Въ бытность свою главнымъ начальникомъ Аппіанской дороги онъ издержалъ очень много своихъ собственныхъ денегъ; когда

* Сборщика податей.

** 1,950,000 р.

же онъ получилъ должность эдиля (чиновника, завѣдовавшаго публичными зданіями и общественными увеселеніями), онъ не только поставилъ на сцену 320 паръ гладіаторовъ, но и по части другихъ сцени-

Бой гладіаторовъ (Живопись въ Помпеѣ).

ческихъ увеселеній, а также по части торжественныхъ шествій и общественныхъ угощеній затмилъ самыхъ честолюбивыхъ изъ своихъ предшественниковъ. Такимъ образомъ, онъ до такой степени привязалъ къ себѣ народъ, что каждый

гражданинъ въ Римѣ старался выдумать, какою бы новою почестью или должностью вознаградить Цезаря за его щедрость.

Въ государствѣ были теперь двѣ партіи: могущественная партія Силлы и совсѣмъ разбитая и униженная партія Марія: Цезарь стремился поднять и оживить послѣднюю; съ этою цѣлью, въ то время, когда онъ, какъ эдилъ, пользовался въ городѣ наилучшей славой, онъ заказалъ статуи Марія съ изображеніями его побѣдъ и трофеевъ, и ночью выставилъ въ Капитоліи.

Съ утра слѣдующаго дня прохожіе могли видѣть эти въ высшей степени художественно изваянныя статуи, сверкающія золотомъ, съ надписями, напоминавшими о подвигахъ Марія противъ Кимвровъ *. Удивлялись смѣлости человѣка, выставившаго ихъ на показъ, и безъ труда угадывали, кто это

* Въ концѣ 1-го вѣка до Р. Х. на границахъ Римской республики появились Кимвры и Тевтоны, народы германскаго происхожденія. Они вторглись въ Галлію и Италію и разбили нѣсколько римскихъ армій. Успѣхамъ ихъ положилъ конецъ Марій, который не только побѣдилъ, но и совсѣмъ уничтожилъ ихъ полчища.

сдѣлалъ. Молва объ этомъ съ величайшей быстротой распространилась по всему городу; весь Римъ собрался смотрѣть на статуи. Нѣкоторые кричали, что Цезарь очевидно стремится къ самовластію, если такъ дерзко напоминаетъ о заслугахъ человѣка, осужденнаго законами на забвеніе; пріобрѣтя всеобщее расположеніе своею обходительностію, онъ теперь пробуетъ, не отдался ли народъ совсѣмъ въ руки своего благодѣтеля, не можетъ ли онъ играть имъ, какъ хочетъ, и вводить какіе ему угодно новые порядки. Но сторонники Марія многочисленными толпами стремились въ Капитолій и, возбуждая другъ друга, оглашали его стѣны радостными кликами. Нѣкоторые плакали при видѣ изображенія Марія, и всѣ превозносили Цезаря, провозглашая, что онъ единственный родственникъ Марія, достойный этого великаго человѣка.

По этому поводу собрался сенатъ, и Лутацій Катуллъ, человѣкъ, пользовавшійся наилучшею славою въ Римѣ, всталъ съ своего мѣста и произнесъ обвинительную

рѣчь противъ Цезаря, въ которой между прочимъ употребилъ слѣдующее замѣчательное выраженіе: „До сихъ поръ ты велъ подкопы противъ республики, а теперь открыто бьешь ее таранами“*. Но Цезарь такъ хорошо защищался, что сенатъ отвергъ обвиненіе, и сторонники его еще болѣе ободрились и совѣтовали ему держать себя на равной ногѣ со всѣми, такъ какъ волей народа онъ можетъ всего достигнуть и сдѣлаться первымъ человѣкомъ въ Римѣ.

Между тѣмъ умеръ первосвященникъ Метеллъ **. Этой должности стали искать Исаврикъ и Катулъ, принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ гражданамъ Рима и пользовавшіеся большимъ вліяніемъ въ сенатѣ. Но Цезарь и имъ не хотѣлъ уступить: явившись въ народное собраніе, онъ предложилъ себя на ту же самую должность. Права и надежды троихъ соискателей были почти равныя; но Ка-

---

* Такъ назывались бревна около 30 арш. длины, которыми въ древности разбивали крѣпостныя стѣны.

** Сословія жрецовъ въ Римѣ не было, и каждый гражданинъ могъ искать должности жреца и даже первосвященника.

тулъ, который уже вслѣдствіе своего высокаго положенія, болѣе чѣмъ другіе тревожился неувѣренностью въ успѣхѣ, тайно предложилъ Цезарю бо́льшую сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ назадъ свою кандидатуру. Цезарь отвѣчалъ, что онъ можетъ занять еще большую сумму, съ тѣмъ, чтобы добиться избранія. Наступилъ день выборовъ, и мать Цезаря провожала его до дверей со слезами на глазахъ. Цезарь обнялъ ее и сказалъ: „Дорогая матушка, сегодня ты увидишь меня или первосвященникомъ, или изгнанникомъ“.

Никогда не было болѣе сильной избирательной борьбы, и Цезарь вышелъ изъ нея побѣдителемъ.

Сенатъ и другіе знатные граждане страшно встревожились; они боялись, чтобы онъ не подстрекнулъ народъ къ мятежу и безчинствамъ. Пизонъ и Катулъ порицали Цицерона за то, что онъ пощадилъ Цезаря, когда заговоръ Катилины давалъ поводъ придраться къ нему. Катилина, имѣвшій въ виду не измѣненіе формы правленія, а полное ниспровержение государственнаго порядка и всеобщее смятеніе, бѣжалъ изъ Рима по первому возникшему противъ него подозрѣнію и прежде, чѣмъ были раскрыты всѣ его замыслы. Послѣ него остались руководителями заговора въ городѣ Лентулъ и Цегетъ. Оказывалъ ли имъ Цезарь тайное содѣйствіе, неизвѣстно; достовѣрно только слѣдующее: когда виновность этихъ двухъ заговорщиковъ достаточно ясно обнаружилась, Цицеронъ, какъ консулъ, сталъ отбирать отъ сенаторовъ мнѣнія касательно наказанія, которому слѣдовало подвергнуть преступниковъ; всѣ заявили, что ихъ слѣдуетъ казнить смертью; но когда очередь дошла до Цезаря, то онъ въ тщательно составленной рѣчи поставилъ на видъ сенаторамъ, что наказывать мужей, столь знатныхъ породой и занимающихъ такое видное мѣсто въ государствѣ, смертною казнью безъ суда и безъ крайней необходимости, не согласно ни съ требованіями справедливости, ни съ обычаями нашей страны; что гораздо лучше до полнаго усмиренія Катилины дер-

жать ихъ въ тюрьмѣ въ одномъ изъ городовъ Италіи по выбору Цицерона; что когда возстановится спокойствіе, сенату возможно будетъ изслѣдовать вину каждаго заговорщика.

Это человѣколюбивое мнѣніе было высказано ораторомъ съ такою силою, что съ нимъ согласились не только тѣ, которые подавали свой голосъ послѣ него, но и многіе изъ тѣхъ, которые высказались прежде.

Но Катонъ и Катулъ настаивали на смертной казни. Въ суровой рѣчи своей Катонъ не только опровергалъ мнѣніе Цезаря, но и не стѣснился высказать свои подозрѣнія противъ него, и доводы его были такъ вѣски, что оба заговорщика выданы были въ руки палача. Этого мало: когда Цезарь уходилъ изъ сената, нѣсколько молодыхъ людей изъ тѣлохранителей Цицерона бросились на него съ обнаженными мечами; но Куріонъ, какъ разсказываютъ, покрылъ его своей тогой и увелъ; да и самъ Цицеронъ, когда молодые люди обратились къ нему съ вопрошающими взглядами, не кивнулъ имъ головой въ знакъ со-

гласія, потому ли, что боялся народа, или потому, что считалъ несправедливымъ и незаконнымъ убить Цезаря. Если это правда, то не понимаю, почему Цицеронъ не упоминаетъ объ этомъ въ исторіи своего консульства; во всякомъ случаѣ впослѣдствіи его порицали за то, что онъ, изъ страха къ народу, упустилъ такой удобный случай арестовать Цезаря. А что народъ дѣйствительно былъ очень преданъ Цезарю, видно изъ слѣдующаго факта: когда спустя нѣсколько дней (послѣ описаннаго засѣданія сената) Цезарь явился въ сенатѣ и сталъ оправдываться въ тяготѣвшихъ надъ нимъ подозрѣніяхъ, оправдательную рѣчь его покрыли криками негодованія и упреками. Когда же затѣмъ засѣданіе затянулось долѣе обыкновеннаго, толпы народа окружили курію * и громкими криками требовали, чтобы выпустили Цезаря. Катонъ, боясь возстанія неимущей черни, игравшей главную роль во всѣхъ мятежахъ и возлагавшей свои надежды на Цезаря, убѣдилъ сенатъ постановить,

* Домъ, въ которомъ происходили засѣданія сената.

чтобы бѣднымъ гражданамъ ежемѣсячно раздавали хлѣбъ. Это, конечно, увеличило расходы государства на 5.500,000 драхмъ *, но за то устранило опасность, угрожавшую въ данную минуту, и ограничило могущество Цезаря, который, въ виду предстоявшаго ему въ близкомъ будущемъ избранія въ преторы, становился опаснѣе, чѣмъ когда-либо.

Въ годъ его преторства въ республикѣ смутъ не было; за то въ его собственномъ семействѣ случилось непріятное происшествіе. Былъ въ Римѣ молодой патрицій, по имени Публій Клодій; отличаясь богатствомъ и блестящимъ краснорѣчіемъ, онъ въ то же время стоялъ во главѣ развратной римской молодежи. Онъ страстно любилъ Помпею, жену Цезаря, и Помпея его не отвергала. Но ея покои были подъ строгимъ наблюденіемъ: мать Цезаря, Аврелія, весьма добродѣтельная и умная женщина, зорко слѣдила за каждымъ ея шагомъ, и влюбленнымъ трудно и опасно было видаться.

* 2.035,000 р.

Между богинями, которымъ поклоняются Римляне, есть одна, называемая *Bona Dea* *благая богиня*, и греки зовутъ ее *Гинекеей*, *покровительницей женщинъ*. Фригійцы * говорятъ, что это ихъ богиня, и утверждаютъ что она мать царя ихъ Мидаса; Римляне утверждаютъ, что она одна изъ дріадъ ** и живетъ съ однимъ фавномъ ***; греки увѣряютъ, что она мать Бахуса, и не даютъ ей никакого имени.

Поэтому женщины,—справляя ея праздникъ ****, украшаютъ шатры виноградными вѣтвями и, согласно съ миѳомъ, рядомъ съ статуей богини ставятъ изображеніе дракона. Мужчины не допускаются на этотъ праздникъ и даже не могутъ оставаться въ домѣ, гдѣ совершаются оргіи ***** въ честь

* Народъ, жившій внутри Малой Азіи, въ западной ея части; одного происхожденія съ Армянами.

** Лѣсныхъ богинь, покровительницъ деревьевъ.

*** Фавны—лѣсные боги, покровители пастуховъ.

**** Это бываетъ 1 мая.

***** У Грековъ и Римлянъ оргіями называлось таинственное богослуженіе, соединенное съ обрядами, которыхъ нельзя было исполнять публично. Необходимую принадлежность ихъ составляли пиры, оканчивавшіеся обыкно-

богини — говорятъ, что многія церемоніи, исполняемыя на этомъ праздникѣ предоставленными самимъ себѣ женщинами, весьма сходны съ орфическими обрядами. И такъ, въ день праздника, консулъ или преторъ (праздникъ справлялся въ домѣ одного изъ нихъ) уходитъ, и ни одинъ мужчина не допускается. Домъ остается въ полномъ распоряженіи жены, и она украшаетъ его по своему; таинственные обряды, сопровождаемые музыкой и разными забавами, совершаются преимущественно ночью. На этотъ разъ распорядительницей праздника была Помпея. Клодій, еще безбородый юноша, надѣялся, что его не узнаютъ, если онъ проберется на праздникъ въ женскомъ платьѣ. И дѣйствительно, когда онъ одѣлся музыкантшей, его нельзя было не принять за молодую женщину. Взявъ съ собой одинъ изъ инструментовъ, на которыхъ играли женщины, онъ пошелъ въ домъ Цезаря. Ему

венно пьянствомъ и распутствомъ. Орфическіе обряды составляли часть обрядовъ, исполнявшихся въ честь Бахуса — бога вина; при совершеніи ихъ пѣли пѣсни, сочиненіе которыхъ приписывалось миѳическому поэту Орфею.

отворила двери служанка, посвященная въ тайну. Она побѣжала доложить Помпеѣ; но такъ какъ она долго не возвращалась, то Клодій побоялся оставаться все на томъ же мѣстѣ и пошелъ бродить по большому дому, стараясь избѣгать освѣщенныхъ мѣстъ. Долго онъ такъ бродилъ, и наконецъ случайно натнулась на него одна изъ служанокъ Авреліи. Служанка, думая, что видитъ передъ собою женщину, попросила Клодія сыграть что-нибудь. Онъ отказался. Тогда она вывела его въ середину комнаты и спросила: „Кто ты и откуда“? Клодій отвѣчалъ, что дожидается Авры, служанки Помпеи. Голосъ выдалъ его, и служанка Авреліи бросилась въ освѣщенную залу, гдѣ собрано было все общество, крича, что въ домѣ есть мужчина. Всѣ поражены были страхомъ и изумленіемъ. Аврелія объявила празднество оконченнымъ и прикрыла символы таинственнаго поклоненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она приказала запереть всѣ двери и съ зажжеными свѣтильниками пошла по всему дому искатъ мужчину. Наконецъ, нашли Клодія въ комнатѣ слу-

жанки, которая его впустила. Его узнали и вытолкали изъ дому; послѣ этого всѣ разошлись, хотя еще ночь не прошла, и разсказали своимъ мужьямъ объ этомъ происшествіи.

На слѣдующее утро по всему городу говорили о святотатственномъ покушеніи Клодія. Всѣ были согласны, что Клодій долженъ поплатиться жизнію для удовлетворенія оскорбленнаго имъ семейства, а также и боговъ. Одинъ изъ трибуновъ призвалъ Клодія къ суду, обвиняя его въ нечестіи. Многіе сенаторы, и притомъ изъ самыхъ значительныхъ, обвиняли его въ самомъ гнусномъ распутствѣ. Съ другой стороны народъ съ неменьшей энергіей поднялся на его защиту, и страхъ, который онъ внушалъ судьямъ, послужилъ Клодію въ пользу. Цезарь немедленно развелся съ Помпеей, но призванный въ судъ какъ свидѣтель, онъ объявилъ, что ничего не знаетъ о томъ, въ чемъ обвиняютъ Клодія. Находя это объясненіе до нѣкоторой степени страннымъ, обвинитель спросилъ Цезаря, почему же въ такомъ случаѣ

ъ развелся съ женой. „Потому, что же-о“, отвѣчалъ онъ, „чтобы невинность моей ы была выше всякаго подозрѣнія“. Нѣ-орые утверждаютъ, что Цезарь далъ свое азаніе на судѣ по совѣсти, а другіе, что онъ имѣлъ въ виду угодить народу, который очень желалъ спасти Клодія. Какъ-бы то ни было, Клодій былъ оправданъ, такъ какъ большинство судей, не желая навлекать на себя гнѣвъ народа осужденіемъ Клодія и потерять уваженіе патриціевъ его оправданіемъ, нарочно перемѣшали буквы на своихъ дощечкахъ *.

Когда прошелъ срокъ, на который Цезарь былъ избранъ преторомъ, ему поручили управленіе Иберіей (Испаніей). Но обстоятельства его въ это время были такъ затруднительны и кредиторы такъ громко жаловались, видя его приготовленія къ отъѣзду, что онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ Крассу, богатѣйшему человѣку въ Римѣ. Крассъ, нуждаясь въ поддержкѣ энергическаго и пылкаго Цезаря для того, чтобы дер-

* На этихъ дощечкахъ судьи писали одно изъ слѣдующихъ трехъ рѣшеній: оправдываю, осуждаю, дѣло не ясно,

жаться на равной ногѣ съ Помпеемъ *, взялъ на себя удовлетворить самыхъ несговорчивыхъ его кредиторовъ и поручился за него въ 830 талантахъ (1.235,000 р.). Такимъ образомъ Цезарь получилъ возможность уѣхать въ ввѣренную ему провинцію. Разсказываютъ, что когда на пути туда онъ переправлялся черезъ Альпы и ему случилось проѣзжать чрезъ одинъ маленькій, невзрачный и очень малолюдный городишко, сопровождавшіе его друзья въ шутку спросили: бываютъ ли въ этомъ городкѣ споры за должности и за первенство? Существуетъ ли тутъ зависть и борьба честолюбій, которая замѣчается между знатными и сильными въ Римѣ? Цезарь весьма серьезно отвѣчалъ: „увѣряю васъ, что я лучше бы желалъ быть первымъ здѣсь, чѣмъ вторымъ въ Римѣ“.

Разсказываютъ также, что въ Испаніи въ часы досуга онъ иногда читалъ исторію Александра. Разъ онъ до такой степени былъ взволнованъ этимъ чтеніемъ, что долго си-

* Помпей въ это время былъ первымъ человѣкомъ въ Римѣ.

дѣлъ въ задумчивости и наконецъ громко зарыдалъ. Когда же друзья его спросили: чего это онъ расплакался?—то онъ имъ отвѣчалъ: „какъ же мнѣ не печалиться, когда въ мои годы Александръ уже царствовалъ надъ столькими завоеванными странами, а я еще не могу похвалиться ни однимъ славнымъ подвигомъ?“

Прибывъ въ Испанію, онъ ни мало не медля съ величайшимъ прилежаніемъ занялся дѣлами. Прибавивъ 10 новыхъ когортъ * къ тѣмъ, которыя принялъ подъ свое начальство немедленно по прибытіи, онъ пошелъ войною на Галлеціанъ (въ нынѣшней Галиціи, на сѣверъ отъ рѣки Миньо) и Лузитанцевъ (въ нынѣшней Португаліи), разбилъ ихъ и дошелъ до Океана, покоряя по пути разныя племена, которыя еще никогда не были подъ игомъ Римлянъ. Мирная его дѣятельность нисколько не уступала военной: онъ возстановилъ согласіе между городами, устранилъ поводы къ ссорамъ между должниками и заимодавцами, постановивъ, что до полной уплаты

* Отряды, на которые дѣлились легіоны.

долга кредиторъ долженъ получать съ должника двѣ трети его дохода. Такимъ образомъ онъ съ большой славой оставилъ Испанію, хотя и наполнилъ свои собственные сундуки и обогатилъ добычей своихъ солдатъ, которые разъ послѣ одной побѣды привѣтствовали его императоромъ. Когда Цезарь возвратился въ Римъ, ему представилась слѣдующая дилемма: просить тріумфа и въ такомъ случаѣ оставаться внѣ города до дня тріумфа, или искать консульства, для чего необходимо было личное пребываніе въ городѣ. Не будучи въ состояніи разрѣшить этой дилеммы и пользуясь тѣмъ, что прибытіе его какъ разъ случилось въ то время, когда выбирали консуловъ, онъ обратился въ сенатъ съ просьбою о дозволеніи ему поставить свою кандидатуру заочно и проводить ее черезъ своихъ друзей. Катонъ съ жаромъ говорилъ противъ удовлетворенія этой просьбы, настаивая на ея несогласіи съ закономъ; когда же замѣтилъ, что между сенаторами много людей, преданныхъ Цезарю, то сталъ тянуть пренія и тянулъ до самаго

того часа, когда, по обычаю, уже поздно было принять какое-либо рѣшеніе. Это принудило Цезаря отказаться отъ тріумфа и ограничиться исканіемъ консульства.

По вступленіи въ городъ, Цезарь принялся за дѣло, которымъ всѣхъ обманулъ, кромѣ Катона. Онъ сталъ хлопотать о примиреніи Помпея и Красса, двухъ гражданъ, пользовавшихся тогда наибольшимъ значеніемъ въ Римѣ. Этимъ примиреніемъ онъ обоихъ располагалъ въ свою пользу; вмѣстѣ съ тѣмъ, проводя повидимому человѣколюбивое дѣло, онъ подрывалъ государственныя учрежденія. Ибо, вопреки мнѣнію многихъ, къ междоусобнымъ войнамъ привели не раздоры между Помпеемъ и Цезаремъ, а ихъ союзъ: они соединились съ тѣмъ, чтобы подорвать значеніе сената; когда же этого достигли, они разъединились, и каждый сталъ преслѣдовать свои особыя цѣли. Катонъ, который часто предсказывалъ послѣдствія событій, слылъ въ то время за человѣка безпокойнаго и задорнаго, а впослѣдствіи его уважали какъ мудраго, хотя и несчастнаго совѣтника.

Заручавшись дружбою Красса и Помпея, Цезарь явился на мѣсто избранія и съ особой торжественностью провозглашенъ былъ консуломъ; въ товарищи ему дали Кальпурнія Бибула. Немедленно по вступленіи въ должность, онъ предложилъ законы, которые скорѣе могъ предложить мятежный трибунъ, чѣмъ консулъ. Говоря это, я разумѣю законы о раздѣленіи полей и о раздачѣ хлѣба, законы, прямо разсчитанные на то, чтобы угодить плебеямъ. Когда же лучшіе члены сената, сенаторы-патріоты, воспротивились его предложеніямъ, то онъ нашелъ предлогъ, котораго долго искалъ: обращаясь къ нимъ, онъ горячо сказалъ, что они толкаютъ его въ объятія народа; что ихъ недоброжелательное и неумолимое противодѣйствіе поставятъ его въ печальную необходимость искать защиты у народа. Сказавъ это, онъ сейчасъ же направился въ народное собраніе. Прибывъ туда, онъ сталъ между Крассомъ и Помпеемъ и громко спросилъ ихъ: одобряютъ ли они его законы?—Получивъ въ отвѣтъ, что одобряютъ, онъ просилъ ихъ о помощи противъ тѣхъ, которые угрожали, что будутъ мечомъ противиться его предложеніямъ. Оба объявили, что готовы помогать ему противъ этихъ людей, а Помпей прибавилъ: противъ тѣхъ, которые придутъ съ мечами, я самъ выду съ мечомъ и щитомъ. Эти слова причинили патриціямъ очень чувствительное огорченіе; они показались имъ недостойными характера Помпея, недостойными того уваженія, которое сенатъ всегда ему оказывалъ и съ которымъ онъ самъ долженъ былъ относиться къ сенату; этого мало: они показались имъ словами отчаяннаго и безумнаго юноши. Но народу эти слова очень понравились.

Цезарь хотѣлъ еще въ большей мѣрѣ пользоваться вліяніемъ Помпея. Поэтому онъ выдалъ за Помпея свою дочь Юлію, не смотря на то, что она уже была помолвлена за Сервилія Цепіона; Сервилію же онъ обѣщалъ женить его на дочери Помпея, хотя ея рукой нельзя было располагать свободно, такъ какъ она была обѣ-

щана Фаусту, сыну Суллы. Вскорѣ послѣ того онъ самъ женился на Кальпурніи, дочери Пизона, и доставилъ тестю консульство на слѣдующій годъ. Катонъ громко возставалъ противъ этихъ поступковъ, призывалъ и боговъ и людей въ свидѣтели того, какъ невыносимо видѣть, что высшія должности въ государствѣ оскверняются брачными договорами и что, торгуя женщинами, многіе пріобрѣтаютъ сколько имъ угодно провинцій и власти.

Что же касается до Цезарева товарища Бибула, то онъ скоро долженъ былъ сознаться, что безъ малѣйшаго успѣха противился новымъ законамъ; затѣмъ жизнь его, какъ и жизнь Катона, такъ часто подвергалась опасности въ народныхъ собраніяхъ, что онъ предпочелъ все остальное время года сидѣть безвыходно дома. Немедленно послѣ своего брака Помпей наполнилъ форумъ * вооруженными людьми и добился

* Такъ назывались въ Римѣ площади. Кромѣ базарной торговли, онѣ служили для засѣданій судовъ и народныхъ собраній. Древнѣйшая площадь, на которой происходили народныя собранія, называлась Форумъ Романумъ.

утвержденія законовъ, которые Цезарь предложилъ только для того, чтобы пріобрѣсти себѣ расположеніе народа. Въ это же время Цезарю поручено было управленіе обѣими Галліями, по сю и по ту сторону Альпъ, на 5 лѣтъ, а также и Иллиріей, съ 4-мя легіонами. Противъ этихъ постановленій говорилъ Катонъ, и Цезарь велѣлъ его взять подъ стражу. Отдавая это приказаніе, Цезарь предполагалъ, что Катонъ обратится къ покровительству трибуновъ; но видя, что онъ пошелъ въ тюрьму, не говоря ни слова, и замѣтивъ, что этимъ распоряженіемъ онъ встревожилъ и обидѣлъ не однихъ только оптиматовъ *, но что и народъ, изъ уваженія къ его добродѣтелямъ,

* Въ эпоху Цезаря уже не было прежняго раздѣленія римскаго народа на патриціевъ и плебеевъ. Къ началу третьяго вѣка до Р. Х. плебеи вполнѣ сравнялись съ патриціями въ своихъ политическихъ правахъ, но уже въ началѣ слѣдующаго вѣка общественное неравенство нашло себѣ новое выраженіе: образовались классы оптиматовъ и пролетаріевъ. Къ первымъ принадлежали древнія патриціанскія фамиліи и новыя, возвысившіяся благодаря своему богатству; ко вторымъ — большинство гражданъ, не имѣвшихъ вѣрныхъ средствъ пропитанія.

послѣдовалъ за нимъ въ печальномъ молчаніи, Цезарь шепнулъ одному трибуну взять его изъ рукъ ликтора и отпустить.

Пока Цезарь былъ консуломъ, весьма немногіе сенаторы посѣщали засѣданія сената. Большинство, возмущаясь насильственными дѣйствіями Цезаря, уклонялось отъ участія въ нихъ. Однажды Консидій, одинъ изъ старѣйшихъ сенаторовъ, приходившихъ на засѣданія, замѣтилъ, что многіе потому не являются въ сенатъ, что боятся солдатъ и обнаженныхъ мечей. Что же ты не боишься и не сидишь дома? спросилъ Цезарь. Консидій отвѣчалъ: мой возрастъ служитъ мнѣ защитой, и тѣ немногіе годы, которые остается мнѣ прожить, не стоятъ того, чтобы я изъ-за нихъ хлопоталъ и остерегался.

Но самымъ постыднымъ поступкомъ Цезаря во время его консульства было то, что онъ помогъ Клодію быть выбраннымъ въ народные трибуны,—тому самому Клодію, который покушался обезчестить его домъ и осквернилъ своимъ присутствіемъ таинственное поклоненіе Благой Богинѣ Клодія.

Выбрали его для того, чтобы съ его помощью уничтожить Цицерона, такъ какъ и Цезарь не отправлялся въ свою экспедицію, не посѣтилъ ихъ и не добился изгнанія Цицерона. Таковы были дѣла его до отъѣзда въ Галлію. Эти войны и многочисленные походы, предпринятые имъ для покоренія Галліи, выставляютъ его совершенно инымъ человѣкомъ: словно началась для него новая жизнь, новая дѣятельность, и онъ пошелъ совсѣмъ другими путями передъ нами, и мы идемъ совершенно другими путями.

Какъ воинъ и полководецъ, онъ въ нашихъ глазахъ ничуть не ниже величайшихъ и наиболѣе возбуждающихъ удивленіе предводителей, когда либо прославившихся въ мірѣ: если мы станемъ его сравнивать съ Фабіями, Сципіонами, Метеллами, съ полководцами нашихъ собственныхъ временъ, съ тѣми, которые непосредственно ему предшествовали, съ Суллой, Маріемъ, двумя Лукуллами, или съ самимъ Помпеемъ, котораго за его военныя дѣла превозносили до небесъ, то подвигамъ Цезаря мы должны

присудить пальму первенства. Одного онъ превзошелъ умѣньемъ преодолѣвать трудности, представляемыя ареной военныхъ дѣйствій; другого—обширностью завоеванныхъ странъ; того — тѣмъ, что воевалъ съ болѣе многочисленными и сильными врагами, другого — тѣмъ, что укротилъ и очеловѣчилъ народы, отличавшіеся дикими нравами и вѣроломной политикой; того — кроткимъ и милостивымъ обращеніемъ съ плѣнными, другого—щедростью и привѣтливостью къ войскамъ, и всѣхъ—числомъ одержанныхъ побѣдъ и убитыхъ непріятелей. Въ Галліи менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ, онъ взялъ приступомъ 800 городовъ, покорилъ триста народовъ, въ разныя времена сразился въ правильныхъ битвахъ съ тремя милліонами воиновъ, одинъ милліонъ положилъ на мѣстѣ, а другой захватилъ въ плѣнъ. При томъ же онъ въ высшей степени пользовался привязанностью и преданностью солдатъ: тѣ изъ нихъ, которые подъ предводительствомъ другихъ вождей не превзошли бы обыкновенныхъ воиновъ, обращались въ непобѣдимыхъ героевъ, когда этого требовала слава Цезаря, и шли на встрѣчу величайшихъ опасностей съ мужествомъ, которому ничто не могло противостоять. Подтвердимъ это тремя или четырьмя примѣрами.

Въ морскомъ сраженіи близъ Массаліи (Марсели), нѣкоему Ацилію отрѣзали правую руку съ мечомъ въ ту самую минуту, какъ онъ взошелъ на бортъ непріятельскаго корабля; но онъ не выпустилъ щита изъ лѣвой руки и билъ имъ непріятелей въ лицо пока не кончилъ тѣмъ, что обратилъ ихъ въ бѣгство и овладѣлъ кораблемъ.

Въ сраженіи при Диррахіи * Кассію Сцеволѣ вырвало глазъ стрѣлой, нанесли дротикомъ рану въ плечо и въ бедро и пронизали щитъ 300 стрѣлами. Наконецъ зоветъ онъ непріятеля, какъ будто хочетъ сдаться. Подбѣжали къ нему два непріятельскихъ воина, и что же?—одного онъ такъ сильно ударилъ мечомъ въ плечо, что рука отъ плеча отвалилась, а другого ранилъ въ лицо и

* Теперь Дураццо, на берегу Адріатическаго моря, въ Турецкой провинціи Албаніи.

обратилъ въ бѣгство. Товарищи поспѣшили къ нему на помощь и спасли ему жизнь.

Въ Британіи нѣсколькимъ воинамъ, шедшимъ въ передовомъ полку, случилось завязнуть въ болотѣ. Непріятель не замедлилъ напасть на нихъ; но одинъ простой солдатъ въ глазахъ Цезаря бросился въ середину нападающихъ и такъ отчаянно дрался, что отбилъ варваровъ и далъ возможность спастись завязшимъ воинамъ. Затѣмъ, возвращаясь къ своимъ и переправляясь вплавь и въ бродъ черезъ болото, онъ потерялъ свой щитъ. Цезарь и всѣ окружавшіе его, изумленные геройскимъ подвигомъ солдата, съ кликами радости устремились къ нему на встрѣчу; но солдатъ бросился къ ногамъ Цезаря и со слезами на глазахъ просилъ простить ему потерю щита.

Въ Африкѣ Сципіонъ, * захвативъ въ свои руки одинъ изъ кораблей Цезаря, на бортѣ котораго находился недавно избранный квес-

* Послѣ сраженія при Фарсалѣ, окончившагося рѣшительной побѣдой Цезаря надъ Помпеемъ, многіе сторонники послѣдняго собрались въ Африкѣ подъ предводительствомъ его сына Секста и тестя Сципіона.

торъ Граній Петроній, велѣлъ умертвить всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ, кромѣ Петронія: послѣднему онъ послалъ сказать, что даритъ ему жизнь; но Петроній отвѣчалъ: „Воины Цезаря привыкли давать, а не получать пощаду“—и сказавъ эти слова, сейчасъ же пронзилъ себѣ грудь мечомъ.

Такое мужество и честолюбіе въ воинахъ Цезаря возбуждалось и поощрялось прежде всего щедростью, съ которою онъ осыпалъ ихъ наградами и почестями: всѣ его поступки показывали, что богатства, собираемыя имъ на войнѣ, идутъ не на удовлетвореніе привычекъ роскоши и страсти къ наслажденіямъ, а на составленіе казны, изъ которой выдаются награды всѣмъ отличающимся на войнѣ, и что самого себя считаетъ онъ богатымъ только тогда, когда имѣетъ возможность воздавать должное заслугамъ своихъ солдатъ. Непобѣдимости ихъ много способствовало и то, что они видѣли, что Цезарь дѣлитъ съ ними всѣ опасности и никогда не обнаруживаетъ желанія устранить себя отъ общихъ боевыхъ трудовъ и лишеній.

Впрочемъ солдаты не удивлялись, что онъ не жалѣлъ своей жизни: они знали его славолюбіе. Болѣе всего ихъ изумляло терпѣніе, съ которымъ онъ переносилъ походные труды, повидимому столь превышавшіе его физическія силы: онъ, вѣдь, былъ тщедушный и нѣжнаго тѣлосложенія, часто страдалъ головными болями и былъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни. Первый припадокъ этой болѣзни случился съ нимъ въ Кордовѣ *. Но эти недуги не служили ему поводомъ къ нѣгѣ. Напротивъ, въ войнѣ онъ искалъ средства избавиться онъ нихъ и укрѣплялъ свое тѣло длинными переходами, простой пищей, постояннымъ пребываніемъ на воздухѣ. Такимъ образомъ боролся онъ съ недостатками своей физической природы и закалялъ себя противъ болѣзней.

Спалъ онъ обыкновенно на походѣ, въ повозкѣ или на носилкахъ, и такимъ образомъ самый отдыхъ не прерывалъ его дѣятельности. Днемъ онъ объѣзжалъ крѣпости, горо-

* Во время его пробыванія въ Испаніи въ должности претора (см. выше).

да и укрѣпленные лагери, и въ повозкѣ съ нимъ рядомъ сидѣлъ рабъ, которому онъ диктовалъ, что было нужно; сзади же стоялъ солдатъ, державшій его мечъ. Ѣздилъ онъ очень скоро, останавливаясь только на короткое время, такъ что когда онъ въ первый разъ отправился изъ Рима въ Галлію, то доѣхалъ до Роны въ 8 дней.

Въ молодости онъ былъ отличный ѣздокъ, достигъ даже такого совершенства въ верховой ѣздѣ, что могъ скакать во весь опоръ, скрестивъ руки за спиной. Во время своихъ галльскихъ походовъ онъ привыкъ диктовать письма, ѣдучи верхомъ; диктовалъ за разъ двумъ секретарямъ и даже, если вѣрить Оппію, болѣе чѣмъ двумъ. Разсказываютъ также, что Цезарь первый завелъ обычай вести письменную корреспонденцію съ лицами, пребывающими въ одномъ городѣ съ пишущимъ, такъ какъ иногда необходимо было ему немедленно обмѣняться мыслями съ друзьями, а между тѣмъ множество дѣлъ и дальность разстояній въ городѣ не допускали возможности личнаго свиданія.

О его равнодушіи къ ѣдѣ свидѣтельствуетъ слѣдующій случай. Однажды, когда въ Миланѣ ужиналъ онъ у своего друга Валерія Лео, подали спаржу съ какимъ-то душистымъ соусомъ, вмѣсто оливковаго масла. Но Цезарь ѣлъ эту спаржу какъ ни въ чемъ не бывало, и послѣ упрекалъ ужинавшихъ тогда съ нимъ друзей за то, что они не умѣли скрыть своего неудовольствія. Можно не ѣсть того, что не нравится, сказалъ онъ; но дать это хозяину замѣтить, значитъ быть грубымъ и необразованнымъ.

Однажды, застигнутый въ дорогѣ бурей, онъ принужденъ былъ искать убѣжища въ бѣдной хижинѣ. Въ хижинѣ нашлась только одна комната, да и та оказалась до того малой, что двоимъ нельзя было расположиться въ ней на ночлегъ. „Почести для великихъ, а необходимое для больныхъ",—сказалъ онъ, и велѣлъ занять эту комнату Оппію *, а самъ съ остальными спутниками провелъ ночь подъ навѣсомъ у дверей.

* Оппій въ это время внезапно занемогъ.

Первую свою войну въ Галліи велъ онъ съ Гельветами и Тигуринами. Сжегши свои 12 городовъ и 400 деревень, эти племена выступили въ походъ съ тою цѣлью, чтобы, по примѣру Кимвровъ и Тевтоновъ, проникнуть въ Италію черезъ ту часть Галліи, которая была уже подъ властью Римлянъ.

Эти новые искатели приключеній не уступали прежнимъ ни въ мужествѣ, ни въ многочисленности; ихъ было 300 тысячъ человѣкъ, и въ томъ числѣ 119,000 способныхъ носить оружіе. Противъ Тигуриновъ Цезарь послалъ одного изъ своихъ легатовъ, Лабіена, который и разбилъ ихъ при р. Арарѣ *. Что же касается Гельветовъ, то они внезапно напали на Цезаря въ то время, какъ онъ шелъ въ одинъ союзный городъ. Несмотря на неожиданное нападеніе, онъ успѣлъ занять своими войсками весьма крѣпкую позицію; затѣмъ повелъ ихъ въ аттаку, и въ это время подвели ему лошадь. „Зачѣмъ это"? сказалъ онъ: „когда я выиграю битву,

* Теперь Сона, главный притокъ Роны.

то лошадь понадобится мнѣ для преслѣдованія непріятеля; а теперь пойду пѣшій". Какъ сказалъ, такъ и аттаковалъ непріятеля.

Только послѣ нѣсколькихъ долгихъ и жестокихъ сраженій удалось ему разбить непріятеля въ полѣ; но еще больше трудностей встрѣтилъ онъ, когда дошелъ до ихъ укрѣпленнаго обоза. Здѣсь упорно стояли противъ него не одни только воины; рядомъ съ ними бились ихъ жены и дѣти, и бились до тѣхъ поръ, пока не были изрублены въ куски. Такимъ образомъ, сраженіе не могло кончиться раньше полуночи.

Эту славную побѣду увѣнчалъ онъ другимъ, еще болѣе великимъ дѣломъ. Онъ собралъ варваровъ, уцѣлѣвшихъ отъ битвы, въ числѣ ста тысячъ человѣкъ слишкомъ, и обязалъ ихъ вновь заселить покинутую ими страну и возстановить выжженные ими города. Это онъ сдѣлалъ, боясь, чтобы германцы не перешли черезъ Рейнъ и не заняли оставленную Гельветами страну.

Вторую войну свою велъ онъ въ защиту Галловъ противъ Германцевъ, хотя еще не-

давно почтилъ ихъ царя Аріовиста титуломъ римскаго союзника. Они оказались невыносимыми сосѣдями для покоренныхъ ими галльскихъ племенъ, и было очевидно, что они не удовольствуются тѣмъ, что имѣютъ, но воспользуются первымъ случаемъ, чтобы распространить свои завоеванія на всю Галлію.

Однако онъ замѣтилъ, что его офицеры, особенно тѣ, которые были изъ оптиматовъ, страшатся дальняго похода: они вѣдь поступили на службу Цезаря только потому, что надѣялись обогатиться, получить возможность роскошно жить. Онъ созвалъ ихъ всѣхъ и предъ лицомъ всего войска сказалъ имъ, что разъ они показываютъ такъ мало мужества и твердости духа, то пусть уходятъ домой; вовсе не нужно, чтобы они подвергали себя опасностямъ недобровольно. Онъ выступитъ противъ этихъ варваровъ съ однимъ десятымъ легіономъ; „они вѣдь не лучше Кимвровъ, прибавилъ Цезарь, а я—полководецъ не хуже Марія". Послѣ этого 10-й легіонъ послалъ депутатовъ къ Цезарю благодарить его. Другіе легіоны, сложивъ

всю вину на своихъ начальниковъ, послѣдовали за нимъ въ наилучшемъ настроеніи духа. Послѣ нѣсколькихъ дней похода они стали лагеремъ въ 200 стадіяхъ отъ непріятеля.

Прибытіе Цезаря поколебало самоувѣренность Аріовиста *. Онъ не ожидалъ, чтобы римляне напали первые; напротивъ, онъ думалъ, что они отступятъ при одной вѣсти о его приближеніи. Смѣлость Цезаря его озадачила; но еще болѣе онъ смутился, когда въ собственныхъ войскахъ сталъ замѣчать упадокъ духа. Въ этомъ наиболѣе виноваты

* Объ Аріовистѣ Цезарь въ книгѣ своей „Записки о Галльской войнѣ" разсказываетъ слѣдующее: Послѣ побѣды надъ Гельветами къ Цезарю явились послы почти отъ всѣхъ племенъ Галловъ съ жалобами на германскаго вождя Аріовиста. Секваны (галльское племя, жившее между Юрой и Соной), воюя съ Эдуями (другимъ галльскимъ племенемъ, жившимъ между Соной и Луарой), призвали къ себѣ на помощь Аріовиста. Побѣдивъ съ его помощью своихъ враговъ, Секваны думали вознаградить Аріовиста деньгами; но онъ потребовалъ, чтобы они уступили ему двѣ трети своихъ земель; теперь же онъ угрожаетъ даже всей Галліи. Выслушавъ Галловъ, Цезарь послалъ сказать Аріовисту, чтобы онъ прибылъ въ его лагерь для переговоровъ о государственныхъ дѣлахъ. Аріовистъ отвѣчалъ: Разъ Цезарь

были германскія матроны, которыя, гадая по вѣтрамъ, по волнамъ и шуму потоковъ, предсказывали будущее. На этотъ разъ онѣ совѣтовали не вступать въ битву, пока не взойдетъ новый мѣсяцъ.

Узнавъ обо всемъ этомъ и видя, что германцы не шевелятся, Цезарь разсудилъ, что гораздо лучше завязать съ ними бой, пока они не хотятъ сражаться, чѣмъ дожидаться наступленія времени, которое они сочтутъ благопріятнымъ для себя.

имѣетъ до него нужду, то не Аріовисту приходить къ Цезарю, а Цезарю къ Аріовисту. Тогда Цезарь письменно отъ него потребовалъ, чтобы онъ пересталъ обижать Эдуевъ и Секвановъ, но получилъ въ отвѣтъ слѣдующее: По праву войны побѣдитель властвуетъ надъ побѣжденными какъ ему угодно, по своему усмотрѣнію, а не по предписаніямъ другихъ. Онъ, Аріовистъ, не указываетъ Римлянамъ, какъ они должны пользоваться правами, пріобрѣтенными войною: такъ пусть и Римляне ему не указываютъ. Побѣдивъ Эдуевъ, онъ сдѣлалъ ихъ себѣ данниками. Будутъ они платить дань исправно, онъ обижать ихъ не будетъ; но если они платить перестанутъ, то не спасетъ ихъ имя *„друзей римскаго народа"*. Да не мѣшало бы Цезарю знать, что до сихъ поръ никто не нападалъ на Аріовиста безнаказанно и германцы никѣмъ еще побѣждены не были.

И вотъ онъ напалъ на ихъ окопы и на холмы, на которыхъ раскинутъ былъ ихъ лагерь. Это привело ихъ въ ярость, и они стремительно спустились съ своихъ холмовъ въ равнину. Началось сраженіе, и германцы потерпѣли полное пораженіе. Цезарь преслѣдовалъ ихъ до Рейна, протекавшаго въ 300 стадіяхъ отъ поля битвы; все это пространство покрылось трупами и вещами побѣжденныхъ. Аріовистъ съ небольшимъ числомъ воиновъ во-время достигъ рѣки и вплавь перебрался на другой берегъ. Число убитыхъ, говорятъ, дошло до 80,000.

Окончивъ эту войну, Цезарь расположилъ свое войско на зимнихъ квартирахъ въ землѣ Секвановъ, а самъ, желая наблюдать за тѣмъ, что происходило въ Римѣ, отправился въ ту часть Галліи, которая лежитъ по сю сторону * рѣки По.

Эта страна составляла часть его провинціи и отдѣлялась отъ остальной Италіи рѣкою Рубикономъ. Пребывая здѣсь, онъ многихъ привлекъ на свою сторону тѣмъ, что

* Относительно Рима.

исполнялъ всѣ предъявленныя къ нему требованія. Много народу пріѣзжало къ нему изъ Рима, и никто не уѣзжалъ назадъ недовольный: каждаго отпускалъ или съ подарками, или съ надеждами на будущее. И въ продолженіе всѣхъ его войнъ Помпей не замѣчалъ, что Цезарь побѣждаетъ своихъ враговъ оружіемъ римскихъ гражданъ и привлекаетъ къ себѣ послѣднихъ деньгами своихъ враговъ.

Между тѣмъ пришло къ нему извѣстіе, что возмутились противъ него, собравъ большое войско, Белги, могущественнѣйшее племя Галліи, владѣвшее цѣлою третью этой страны. Съ невѣроятной поспѣшностью поднялся Цезарь въ походъ и напалъ на Белговъ, опустошавшихъ земли тѣхъ Галловъ, которые были уже союзниками Рима *.

Белги оказали слабое сопротивленіе, и Цезарь рубилъ ихъ и усѣялъ озера и рѣки такимъ множествомъ труповъ, что по нимъ, какъ по мосту, можно было переправляться

* Продолжая управляться собственными вождями, Белги признавали надъ собою верховную власть Рима и были обязаны помогать ему въ борьбѣ съ непокорными ему племенами.

на другой берегъ. Тѣ изъ возставшихъ, которые жили по берегу моря, покорились безъ сопротивленія.

Отсюда Цезарь обратилъ свое оружіе противъ Нервіевъ, жившихъ въ лѣсахъ *. Укрывъ свои семейства и наиболѣе цѣнное имущество въ глубинѣ обширнаго лѣса, въ далекомъ разстояніи отъ непріятеля, они въ числѣ 60,000 человѣкъ пошли на Цезаря и напали на него въ то время, какъ онъ занимался укрѣпленіемъ своего лагеря, нисколько не ожидая этого нападенія. Сначала они разбили его кавалерію, а потомъ окружили 10-ый и 12-ый легіоны и перебили всѣхъ начальствующихъ. Если бы Цезарь не вырвалъ щита изъ рукъ одного изъ своихъ воиновъ и, не проложилъ себѣ пути сквозь ряды сражавшихся впереди, и не кинулся на варваровъ или, если бы десятый легіонъ, увидя опасность, не спустился съ высотъ, на которыхъ онъ стоялъ, и не двинулся на непріятеля, то ни одинъ Римлянинъ не уцѣлѣлъ бы отъ битвы.

* Ихъ страна называется теперь Камбрези (округъ французскаго города Камбре) и Геннегау (бельгійская провинція на сѣверѣ отъ Камбрези).

Но, возбужденные смѣлымъ подвигомъ Цезаря, они сражались съ воодушевленіемъ, далеко превышавшимъ ихъ силы; тѣмъ не менѣе они не въ состояніи были обратить Нервіевъ въ бѣгство. Эти послѣдніе упорно отстаивали свои позиціи, пока не были изрублены на мѣстѣ. Говорятъ, что изъ 60 тысячнаго войска ихъ спаслось только 500 человѣкъ, а изъ 400 сенаторовъ только трое.

Получивъ извѣстіе о столь великой побѣдѣ, римскій сенатъ постановилъ приносить жертвы богамъ и совершать всякаго рода празднества въ теченіе пятнадцати дней—до сихъ поръ еще ни разу не назначали такого долгаго срока для общественныхъ увеселеній и празднествъ.

И дѣйствительно, опасность угрожала великая, когда разомъ возстало столько племенъ; но особому блеску празднествъ не мало содѣйствовало и то, что опасность была устранена Цезаремъ, любимцемъ народа. Устроивъ дѣла въ Галліи, по ту сторону Альпъ, онъ

опять переправился черезъ эти горы и провелъ зиму близъ По, зорко слѣдя за своими интересами въ Римѣ: тамъ всѣ кандидаты на высшія государственныя должности отъ него получали деньги для подкупа народа, и тѣ изъ нихъ, которые удостоивались выбора, дѣлали все возможное для увеличенія его вліянія. Въ это же время пріѣхали къ нему въ Лукку для свиданія важнѣйшіе и знаменитѣйшіе сановники Рима: Помпей, Крассъ, Аппій, намѣстникъ Сардиніи, и Непотъ, проконсулъ испанскій. Въ свитѣ ихъ прибыло 122 ликтора, и свыше 200 сенаторовъ почтили Цезаря своимъ посѣщеніемъ. Въ Луккѣ уговорились насчетъ будущаго плана дѣйствій. Положено было, Помпею и Крассу въ слѣдующемъ году быть консулами, а Цезарю продлить управленіе Галліей еще на 5 лѣтъ, съ выдачею, въ случаѣ надобности, пособій изъ казны. Послѣднее постановленіе показалось крайне нелѣпымъ всѣмъ здравомыслящимъ. Тѣ, которые получили отъ Цезаря такъ много денегъ, убѣдили сенатъ отпустить ему денежное пособіе, какъ будто бы

онъ въ немъ нуждался; или, лучше сказать, они настояли на томъ, чтобы это было сдѣлано, и каждый честный сенаторъ не иначе, какъ скрѣпя сердце и сѣтуя про себя, далъ свое согласіе на это постановленіе. Что касается до Катона, его не было въ Римѣ: ему дали порученіе въ Кипръ нарочно съ той цѣлью, чтобы онъ не стоялъ поперекъ дороги. Одинъ Фавоній, который шелъ по стопамъ Катона, горячо возсталъ противъ этихъ мѣръ, и когда увидѣлъ, что его возраженія не ведутъ ни къ чему, ушелъ изъ сената и обратился къ народу, громко порицая такія пагубныя рѣшенія. Но никто и вниманія не обращалъ на его рѣчи, изъ уваженія ли къ Помпею и Крассу, или изъ расположенія къ Цезарю, который всѣхъ оживлялъ радостными надеждами.

Когда Цезарь возвратился къ своему войску въ Галлію, въ этой странѣ вспыхнула новая жестокая война: два сильныхъ германскихъ племени, Узипеты и Тевктеры *, перешли черезъ Рейнъ съ цѣлью завоеваній. Раз-

* Жившіе въ нынѣшней Вестфаліи.

сказъ о бывшемъ съ ними сраженіи мы извлечемъ изъ собственныхъ записокъ Цезаря.

Эти варвары прислали къ нему пословъ съ предложеніемъ перемирія, и ихъ предложеніе было принято. Тѣмъ не менѣе они напали на него, когда онъ куда-то шелъ съ войскомъ. Съ нимъ было только 800 человѣкъ конницы, не ожидавшихъ нападенія, и однако онъ разбилъ ихъ конницу, состоявшую изъ 5000 человѣкъ. На слѣдующій день они прислали новыхъ пословъ, повидимому, съ извиненіями, но въ сущности для новаго обмана. Поэтому онъ ихъ отдалъ подъ стражу и немедленно пошелъ на варваровъ, считая нелѣпымъ соблюдать правила чести относительно людей, не отступающихъ передъ нарушеніемъ договоровъ. Но Татнузій пишетъ, что когда сенатъ постановилъ возблагодарить боговъ за побѣду общественными молитвами и процессіями, то Катонъ предложилъ выдать Цезаря варварамъ въ искупленіе клятвопреступленія, чтобы такимъ образомъ мщеніе боговъ поразило не Римъ, а виновнаго.

Варваровъ убито было въ эту войну 400,000 человѣкъ. Немногіе, спасшіеся бѣгствомъ, перешли обратно за Рейнъ, и нашли пріютъ у германскаго племени Сикамбровъ *. Это дало Цезарю предлогъ итти войной на нихъ, но настоящей причиной его похода было славолюбіе, желаніе прослыть первымъ Римляниномъ, перешедшимъ черезъ Рейнъ съ войскомъ. Съ этой цѣлью навелъ онъ мостъ черезъ эту рѣку и притомъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ширина рѣки весьма значительна и гдѣ быстрое и даже порывистое теченіе увлекало съ собой массы пней и бревенъ, которыя съ силой ударяли въ сваи моста и потрясали ихъ. Для защиты отъ нихъ, а также чтобы умѣрить силу теченія, велѣлъ онъ завалить рѣку во всю ея ширину, выше моста, громадными бревнами, и такимъ образомъ совершилъ почти невѣроятное дѣло: выстроилъ мостъ въ 10 дней. По этому мосту войско переправилось на другой берегъ безъ всякаго сопротивленія, такъ какъ жив-

* Въ сѣверозападной Германіи, между Руромъ, притокомъ Рейна, и Эдеромъ, притокомъ Везера.

шіе здѣсь Свевы и Сигамбры, воинственнѣйшія племена Германіи, отступили въ глубину своихъ лѣсовъ и скрылись тамъ въ оврагахъ, поросшихъ деревьями. Онъ выжегъ всю страну непріятеля и еще болѣе привязалъ къ Риму нѣкоторыя племена, хорошо расположенныя къ республикѣ. Затѣмъ возвратился онъ въ Галлію, проведя въ Германіи не болѣе 18 дней.

Воодушевлявшій его духъ отваги и предпріимчивости съ наибольшей силой проявился въ его походѣ въ Британію. Онъ первый выступилъ съ флотомъ въ западный океанъ и съ военными цѣлями высадился на островъ, самое существованіе котораго подвергалось сомнѣнію. Нѣкоторые писатели изображали его до того обширнымъ, что многіе не хотѣли вѣрить, чтобы могъ быть на свѣтѣ такой островъ, и принимали за чистый вымыселъ все, что ни разсказывалось о немъ. И однако Цезарь предпринялъ завоевать его и распространить римское владычество за предѣлы обитаемаго свѣта. Съ противоположнаго берега Галліи онъ два раза высаживался на островъ, далъ тамъ много сра-

женій и причинилъ много зла Британцамъ, не пріобрѣтя почти никакой пользы для Римлянъ, такъ какъ нечего было взять у народа, влачившаго тогда самое жалкое и скудное существованіе. Да и кончилъ онъ войну не такъ, какъ ему желалось: онъ возвратился въ Галлію, взявши только заложниковъ съ собой и наложивши на островъ дань.

Въ Галліи онъ получилъ письма, которыя уже были на пути въ Британію: друзья извѣщали его, что дочь его, супруга Помпея, умерла отъ родовъ. Это было горестное событіе и для Помпея, и для Цезаря. Друзья ихъ также очень сожалѣли, предвидя расторженіе союза, которымъ только и поддерживались миръ и согласіе въ сильно потрясенной республикѣ: ибо и ребенокъ только нѣсколькими днями пережилъ мать. Не смотря на запрещеніе трибуновъ, народъ перенесъ тѣло Юліи на Марсово поле, гдѣ оно и было предано погребенію.

Имѣя теперь очень большое войско, Цезарь, для болѣе удобнаго размѣщенія по зим-

нимъ квартирамъ, принужденъ былъ раздѣлить его на части. Сдѣлавъ это, онъ, по обыкновенію, поѣхалъ въ Италію. Но вскорѣ по его отбытіи, Галлы опять возстали и многочисленными отрядами стали ходить по Галліи, съ яростью нападая на римскія квартиры и укрѣпленія. Самый многочисленный отрядъ возставшихъ, находившійся подъ предводительствомъ Амбіорикса, напалъ на Котту и Титурія въ ихъ лагерѣ и перерѣзалъ все ихъ войско. Затѣмъ Амбіориксъ, предводительствуя уже 60,000-нымъ войскомъ, окружилъ легіонъ, находившійся подъ начальствомъ Кв. Цицерона *.

Мужественные Римляне оказали сопротивленіе, далеко превышавшее ихъ силы, но дошли наконецъ до того, что едва могли отбиваться, такъ какъ всѣ воины до одного были изранены.

Цезарь отъѣхалъ уже далеко, когда получилъ извѣстіе объ опасномъ положеніи этого легіона. Онъ немедленно вернулся, собралъ

* Брата знаменитаго оратора.

войско не свыше 7000 человѣкъ и поспѣшилъ на выручку Цицерона.

Галлы, которымъ не безъизвѣстны были его движенія, пошли ему на встрѣчу. Видя малочисленность его войска, они были увѣрены въ побѣдѣ. Чтобы обмануть ихъ, Цезарь сталъ отступать и наконецъ достигъ такого мѣста, гдѣ небольшое войско смѣло могло вступить въ бой съ многочисленнымъ непріятелемъ; здѣсь онъ остановился и возвелъ укрѣпленный лагерь. Строго запретивъ вступать въ бой, онъ приказалъ насыпать большой валъ и всѣ выходы въ немъ какъ можно плотнѣе завалить; все это дѣлалъ онъ для того, чтобы усилить презрѣніе, съ которымъ непріятель смотрѣлъ на него. Какъ онъ желалъ, такъ и вышло. Галлы съ видимой небрежностью и безъ всякаго строю пошли брать приступомъ его окопы. Но Цезарь, сдѣлавъ внезапную вылазку, разбилъ и уничтожилъ большую часть ихъ войска. Благодаря этой побѣдѣ мятежъ прекратился, а чтобы окончательно возстановить спокойствіе и безопасность, онъ всю зиму провелъ

въ Галліи, объѣзжая военныя квартиры и зорко слѣдя за малѣйшими движеніями Галловъ. Сверхъ того къ нему на подкрѣпленіе, взамѣнъ погибшихъ легіоновъ, пришли три новыхъ: два присланы были Помпеемъ, а третій набранъ недавно въ Цизальпинской Галліи *.

Вскорѣ послѣ того сѣмена вражды къ Римлянамъ, давно раскидываемыя по всей Галліи, не исключая и отдаленнѣйшихъ частей ея, вождями наиболѣе воинственныхъ племенъ, дали пышный всходъ: вспыхнула величайшая и опаснѣйшая изъ всѣхъ войнъ, когда-либо опустошавшихъ Галлію, замѣчательная и по числу войскъ, и по количеству бывшаго въ дѣлѣ оружія, и по средствамъ, собраннымъ для войны, и по силѣ городовъ и крѣпостей, занятыхъ войсками. Притомъ же было самое суровое время года: рѣки сковало льдомъ, лѣса завалило снѣгомъ, поля затопило такъ, что они имѣли видъ озеръ; дороги засыпало снѣгомъ или обратило въ потоки, изливавшіеся въ озера и рѣки. Ка-

* По сю сторону Альпъ.

залось, невозможно было Цезарю предпринять какія-либо дѣйствія противъ возставшихъ.

Многія племена вступили въ союзъ, и во главѣ ихъ стали Арверны * и Карнуты **; главнымъ предводителемъ выбранъ былъ Верцингеториксъ, отца котораго Галлы предали смерти за его стремленіе къ верховной власти. Раздѣливъ свое войско на отдѣльные отряды и поставивъ во главѣ ихъ особыхъ начальниковъ, Верцингеториксъ держалъ подъ своею властію всю страну до самаго Арара. Онъ намѣревался поднять всю Галлію противъ Цезаря какъ разъ въ то время, когда поднялись противъ него враги его въ Римѣ. Если бы онъ еще немного помедлилъ, дождался бы до того времени, когда Цезарь, дѣйствительно, вовлеченъ былъ въ междоусобную войну, то Галлы могли бы угрожать Италіи такою же страшною опасностью, какою нѣкогда угрожали ей Кимвры.

Но Цезарь умѣлъ отлично пользоваться всѣми благопріятными случаями, представ-

* Жители Оверни.
** Жители Шартрскаго и Орлеанскаго округовъ.

лявшимися на войнѣ, особенно же временемъ. Узнавъ о вспыхнувшемъ возстаніи, онъ, не теряя ни минуты, пошелъ наказывать виновныхъ, и быстротою своего марша, ни мало не замедленною трудностями суровой зимы, показалъ варварамъ, что войска его непобѣдимы, и что имъ нельзя противиться. По дорогамъ, по которымъ, казалось, и гонецъ могъ доѣхать только въ нѣсколько дней, Цезарь двигался со всѣмъ своимъ войскомъ, разоряя страну, разрушая крѣпости, беря приступомъ города и принимая покорность отъ приходившихъ съ повинною. Такъ дѣйствовалъ онъ, пока не присоединились къ возстанію и Эдуи, которые называли себя братьями Римлянъ и пользовались ихъ особымъ расположеніемъ. Ихъ отпаденіе возбудило страхъ и опасенія въ войскѣ Цезаря. Поэтому онъ быстро отступилъ и прошелъ черезъ землю Лингоновъ * съ цѣлью вступить въ землю Секвановъ, которые считались почти друзьями и жили къ Италіи ближе остальныхъ племенъ.

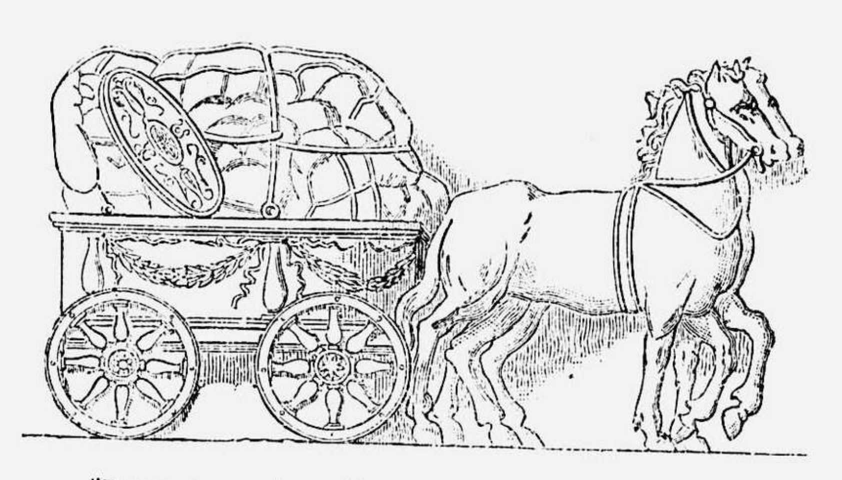
* Между верховьями Сены и Соны.

Непріятель въ огромномъ числѣ шелъ за нимъ по пятамъ и окружилъ его. Цезарь, ни мало не смущаясь, вступилъ въ бой, и послѣ долгаго и кроваваго дѣла, въ которомъ особенно полезны были ему германцы, нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Но сначала онъ, кажется, потерпѣлъ неудачу: по крайней мѣрѣ, Арверны и теперь еще * показываютъ висящій въ одномъ изъ ихъ храмовъ мечъ, отнятый, по ихъ словамъ, у Цезаря. Впослѣдствіи друзья напоминали ему объ этомъ мечѣ, но онъ только усмѣхнулся и на высказанное ими мнѣніе, что его бы слѣдовало снять, отвѣчалъ, что допустить этого не можетъ, потому что смотритъ на этотъ мечъ, какъ на вещь, посвященную богамъ. Многіе изъ бѣжавшихъ съ поля сраженія заперлись съ своимъ царемъ въ Алезіи **. Цезарь немедленно обложилъ этотъ городъ, казавшійся неодолимымъ и по высотѣ своихъ стѣнъ и по многочисленности заключенныхъ въ немъ

* Плутархъ родился около 46-го года по Р. Х. и умеръ между 120 и 130.

** Теперь мѣстечко Ализъ въ департаментѣ Котъ-доръ (Côte-d'or).

войскъ. Во время этой осады Цезарь подвергся опасности, при одной мысли о которой леденѣетъ воображеніе. Изо всѣхъ частей Галліи собрались вооруженные люди и, образовавъ силу въ 300,000 человѣкъ, пошли выручать Алезію, гдѣ было до 70,000

Багажная телѣга. (Барельефъ колонны Антонина).

воиновъ. Очутившись, такимъ образомъ, между двумя арміями, Цезарь принужденъ былъ провести двѣ линіи окоповъ: одну къ сторонѣ города, другую къ сторонѣ наступавшихъ войскъ, потому что онъ погибъ бы безвозвратно, если бы этимъ двумъ арміямъ удалось подать другъ другу руку.

Осада Алезіи во многихъ отношеніяхъ послужила къ славѣ Цезаря. Никогда ни прежде, ни послѣ, не пришлось ему такъ ярко проявить свое мужество, не отступавшее ни передъ какимъ рискомъ, и свои военачальническія дарованія. Всего удивительнѣе, что, вступивъ въ бой съ многочисленнымъ непріятелемъ, напиравшимъ на него со стороны поля, и разбивъ его, онъ умѣлъ скрыть это отъ защитниковъ города. Но еще болѣе удивительно, что римляне, оставленные передъ стѣнами города, также ничего не знали объ этой побѣдѣ, пока она не была возвѣщена имъ криками защитниковъ Алезіи и воплями женщинъ, которыя со всѣхъ сторонъ города видѣли Римлянъ, несущихъ въ свой лагерь множество украшенныхъ серебромъ и золотомъ щитовъ, запачканныхъ въ крвови панцырей, сосудовъ для питья и палатокъ, очевидно галльскаго издѣлія. Въ этомъ сраженіи большая часть Галловъ была убита на мѣстѣ, и такимъ образомъ огромное ополченіе варваровъ исчезло, какъ призракъ, или какъ сновидѣніе.

Осажденные, и сами натерпѣвшись всякихъ бѣдъ, и причинивъ не мало тревогъ Цезарю, наконецъ сдались. Ихъ предводитель Верцингеториксъ, надѣвъ на себя великолѣпнѣйшее оружіе и украсивъ свою лошадь блестящею сбруей, выѣхалъ изъ города. Проскакавъ нѣсколько разъ кругомъ Цезаря, сидѣвшаго на возвышенномъ мѣстѣ въ курульскихъ креслахъ *, Верцингеториксъ соскочилъ съ лошади, снялъ съ себя все вооруженіе и сѣлъ у ногъ Цезаря; въ этомъ положеніи пробылъ онъ нѣсколько времени, храня глубокое молчаніе, пока наконецъ Цезарь не велѣлъ увести его, приказавъ содержать его подъ стражей до дня своего тріумфа.

Съ нѣкотораго времени Цезарь сталъ думать о томъ, какъ бы уничтожить ему Помпея; послѣдній питалъ тѣ же мысли относительно Цезаря. Послѣ того какъ Крассъ, который одинъ могъ поддерживать равновѣ-

* Такъ назывались кресла, въ которыхъ садился преторъ, когда производилъ судъ. Какъ правитель Галліи, Цезарь былъ и ея преторомъ.

сіе между соперниками, убитъ былъ въ войнѣ съ Парѳами, Цезарю для того, чтобы стать первымъ человѣкомъ въ республикѣ, оставалось только уничтожить человѣка, который уже былъ таковымъ; съ своей стороны Помпей, для устраненія отъ себя опасности, необходимо долженъ былъ избавиться отъ человѣка, котораго боялся. Правда, Помпей только недавно сталъ бояться Цезаря, а прежде презиралъ его, воображая, что можетъ также легко низложить его, какъ возвысилъ; Цезарь, съ своей стороны, замышляя погубить соперника, сначала какъ бы отошелъ на нѣкоторое разстояніе, какъ дѣлаетъ боецъ въ циркѣ передъ нанесеніемъ удара. Своими великими подвигами въ Галльской войнѣ онъ такъ возвысилъ свою армію и свою собственную репутацію, что на него смотрѣли какъ на человѣка, стоящаго на равной ногѣ съ Помпеемъ. Для того, чтобы приступить къ осуществленію своихъ намѣреній, онъ не могъ имѣть недостатка въ предлогахъ; онъ находилъ ихъ прежде всего въ безпорядкахъ, происходившихъ въ Римѣ,

а затѣмъ и самъ Помпей доставлялъ ихъ. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ классы общества до такой степени развратились, что публично выставлялись столы, за которыми искатели должностей открыто покупали голоса у народа; а народъ не только подавалъ свои голоса за этихъ людей, но и готовъ былъ вступить за нихъ въ драку, для чего и являлся въ собраніе не иначе, какъ съ лукомъ, мечомъ и пращею. Поэтому часто случалось, что народъ не уходилъ изъ собранія, не запачкавъ кровью ораторской трибуны, и Римъ обратился въ постоянную сцену насилій. При такомъ страшномъ положеніи дѣлъ, при такихъ бурныхъ проявленіяхъ эпидемическаго помѣшательства, многіе разумные люди думали, что было бы счастіемъ для государства, если бы все это кончилось превращеніемъ республики въ монархію. Были даже и такіе, которые не колеблясь объявляли во всеуслышаніе, что монархія была единственнымъ лѣкарствомъ, единственнымъ выходомъ для государства изъ его отчаяннаго положенія, лишь бы нашелся врачъ, который умѣлъ

бы мягкой и нѣжной рукой подать это лѣкарство. Говоря такъ, они разумѣли Помпея.

Этотъ послѣдній въ своихъ рѣчахъ постоянно отклонялъ отъ себя честь диктатуры; но въ то же время каждый шагъ его обнаруживалъ явное къ ней стремленіе.

Катонъ, угадывая его тайныя мысли, убѣждалъ сенатъ объявить его одного консуломъ, доказывая, что удовлетворенный этой формой монархіи, наименѣе отступающей отъ закона, онъ воздержится отъ насильственныхъ мѣръ для достиженія диктатуры. Сенатъ не только принялъ предложеніе Катона, но и продлилъ Помпею срокъ управленія Испаніей и Африкой, не смотря на то, что онъ управлялъ этими провинціями черезъ своихъ намѣстниковъ и держалъ тамъ войска, на содержаніе которыхъ шло изъ общественной казны не менѣе 1,000 талантовъ *.

Тогда Цезарь черезъ своихъ друзей сталъ искать второго консульства и потребовалъ, чтобы ему также продленъ былъ срокъ управленія

* 1.500,000 р.

Галліей. Помпей не высказался противъ этого требованія, но Марцеллъ и Лентулъ, ненавидѣвшіе Цезаря по разнымъ другимъ причинамъ, подняли сильный шумъ и стали дѣлать Цезарю всякаго рода непріятности, не исключая даже и такихъ, которыя задѣвали его честь. Такъ, напр., они отняли права гражданства у жителей Новокомума *, колоніи, недавно основанной Цезаремъ въ Галліи **; одного изъ ихъ сенаторовъ, пришедшаго въ Римъ съ какими-то жалобами, Марцеллъ велѣлъ даже высѣчь розгами и затѣмъ сказалъ ему, что слѣды ихъ на его спинѣ составляютъ новое доказательство того, что онъ не римскій гражданинъ, и что онъ можетъ идти къ Цезарю и показать ему эти знаки. Но когда консульство Марцелла кончилось, Цезарь открылъ казну, нажитую имъ въ Галліи, для всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ политикѣ, и удовлетворялъ всѣ ихъ желанія, не исключая и самыхъ крайнихъ: онъ заплатилъ громадные

* Теперь Комо.

** Цизальпинской.

долги трибуна Куріона; онъ подарилъ консулу Павлу 1500 талантовъ *, на которые этотъ послѣдній соорудилъ близъ форума новую базилику, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояла Фульвіева базилика *. Помпей, встревоженный усиленіемъ партіи Цезаря, сталъ теперь открыто хлопотать, частью лично, частью черезъ друзей, о томъ, чтобы сенатъ принялъ рѣшеніе, назначающее Цезарю преемника въ Галліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ возвращенія ему тѣхъ легіоновъ, которые онъ ссудилъ Цезарю для войны въ Галліи. И Цезарь возвратилъ ихъ, подаривъ каждому воину по 250 драхмъ (50 руб).

Начальники, отводившіе эти легіоны назадъ, распространяли въ народѣ слухи, неблагопріятные для Цезаря и внушившіе Помпею пустыя надежды. Они утверждали, что Помпей пользуется большимъ расположеніемъ въ войскѣ Цезаря, и что если за-

* 2.250,000.

** Такъ назывались въ Римѣ общественныя зданія, которыя служили для торговли и для засѣданія судовъ. Они представляли форму продолговатаго прямоугольника.

вистъ и подкупленныя власти помѣшаютъ ему въ Римѣ достичь того, чего онъ желаетъ, то войска, находящіяся въ Галліи, къ его услугамъ, что они сейчасъ же по вступленіи въ Италію объявятъ себя на его сторонѣ: такъ тягостенъ сталъ для нихъ Цезарь своими безпрестанными походами и явными стремленіями къ захвату верховной власти къ республикѣ.

Ободряемый подобными увѣреніями, Помпей не спѣшилъ наборомъ войскъ, какъ будто ему нечего было опасаться, и дѣйствовалъ противъ своего соперника только рѣчами и сенатскими постановленіями, на которыя Цезарь не обращалъ вниманія.

Разсказываютъ даже, что одинъ сотникъ, присланный Цезаремъ въ Римъ, цѣлый день простоялъ у входа въ сенатъ, дожидаясь результата преній; узнавъ же наконецъ, что сенатъ не хочетъ продлить Цезарю срокъ его полномочій въ Галліи, онъ положилъ руку на мечъ и сказалъ: „такъ этотъ мечъ продлитъ“.

А между тѣмъ предъявленныя Цезаремъ

требованія имѣли видъ справедливости. Онъ изъявлялъ готовность сложить оружіе, но съ условіемъ, чтобы Помпей сдѣлалъ тоже самое, и чтобы они оба, возвратясь въ положеніе простыхъ гражданъ, предоставили странѣ вознаградить ихъ заслуги,—такъ какъ сложить съ себя полномочія и распустить войско въ то время, какъ возобновлялись полномочія Помпея, значило предоставить верховную власть тому, кто другого несправедливо обвинялъ въ стремленіяхъ къ ней. Куріонъ, когда далъ народу эти объясненія, былъ награжденъ громкими рукоплесканіями; нѣкоторые даже бросали въ него цвѣтами и вѣнками, какъ бросаютъ въ бойца, одержавшаго побѣду въ циркѣ.

Въ этомъ же народномъ собраніи Антоній, одинъ изъ трибуновъ, предъявилъ письмо Цезаря, содержавшее въ себѣ тѣ же объясненія. Онъ прочелъ его, несмотря на сопротивленіе консуловъ. Послѣ того Сципіонъ, тесть Помпея, предложилъ сенату постановить, что если Цезарь къ извѣстно-

му сроку не сложитъ оружія, то объявить его врагомъ республики. Затѣмъ консулы предложили два вопроса: 1) Слѣдуетъ ли Помпею распустить свои войска? 2) Слѣдуетъ ли Цезарю распустить войска?—Немногіе подали голосъ за первое предложеніе, но почти всѣ подали голосъ за второе. Послѣ этого Антоній предложилъ вопросъ: не должны ли оба сложить свои полномочія? и всѣ въ одинъ голосъ дали на этотъ вопросъ отвѣтъ утвердительный. Но яростные крики Сципіона и Лентула, изъ которыхъ послѣдній кричалъ: „Не постановленіями, а оружіемъ надо дѣйствовать противъ разбойника", заставили сенатъ разойтись. Видя эти несчастные раздоры, люди всѣхъ общественныхъ классовъ облеклись въ черныя одежды, какъ будто бы былъ общественный трауръ.

Вскорѣ послѣ этого пришли отъ Цезаря новыя письма, съ предложеніями болѣе умѣренными. Изъявляя готовность отказаться отъ всего остального, Цезарь просилъ только оставить ему управленіе Цизальпинской

Галліей и Иллиріей, съ двумя легіонами, на то время, пока онъ будетъ искать второго консульства. Цицеронъ, только что прибывшій изъ Киликіи и горячо желавшій примирить соперниковъ, всѣми силами старался смягчить Помпея.

Помпей соглашался на всѣ предложенія Цезаря, кромѣ того, которое касалось двухъ легіоновъ. Цицеронъ пытался уладить дѣло, стараясь убѣдить друзей Цезаря удовольствоваться двумя провинціями и 6000-мъ войскомъ *.

Помпей не прочь былъ принять эту сдѣлку, но консулъ Лентулъ презрительно отвергъ ее, и даже нанесъ жестокое оскорбленіе Куріону и Антонію, выгнавъ ихъ изъ сената. Этимъ онъ далъ Цезарю благовиднѣйшій предлогъ для его дѣйствій. Цезарь не преминулъ имъ воспользоваться и привелъ войска въ страшное негодованіе, изобразивъ имъ, какъ знатные сановники въ страхѣ, тайкомъ, въ наемной повозкѣ и переодѣтые рабами, бѣгутъ изъ Рима.

---

* Т. е. однимъ легіономъ.

У Цезаря было въ то время не свыше 300 человѣкъ конницы и 5000 пѣхоты; остальныя войска оставилъ онъ по ту сторону Альпъ, и теперь послалъ имъ приказаніе идти на соединеніе съ нимъ. Но предпріятіе его только лишь начиналось, и замышляемое имъ нападеніе пока еще не требовало многочисленныхъ войскъ; гораздо лучше было поразить врага смѣлымъ и скорымъ открытіемъ непріязненныхъ дѣйствій: неожиданнымъ движеніемъ можно было скорѣе устрашить его, чѣмъ долгими приготовленіями. Поэтому онъ приказалъ легатамъ и другимъ военачальникамъ изъ всего вооруженія взять только мечи и овладѣть Ариминомъ *, большимъ городомъ въ Галліи, причемъ принять всѣ мѣры для того, чтобы какъ можно менѣе было кровопролитія и шуму. Передавъ начальство надъ войскомъ Гортензію, онъ самъ цѣлый день провелъ въ циркѣ, гдѣ смотрѣлъ на бой гладіаторовъ; передъ наступленіемъ вечера, взялъ ванну и потомъ пошелъ въ столовую, гдѣ нѣсколь-

* Теперь Римини.

ко времени провелъ въ обществѣ приглашенныхъ имъ къ ужину. Когда же стемнѣло, онъ оставилъ своихъ гостей, пожелавъ имъ веселиться до его возвращенія и прибавивъ, что имъ недолго придется его ожидать. Нѣкоторымъ друзьямъ онъ уже прежде далъ приказаніе за нимъ слѣдовать, но не всѣмъ заразъ и разными дорогами. Затѣмъ, сѣвъ въ наемную повозку, онъ поѣхалъ, но не по той дорогѣ, которая вела въ Ариминъ; на нее онъ свернулъ уже позднѣе. Такимъ образомъ, прибылъ онъ къ Рубикону, небольшой рѣкѣ, отдѣляющей Галлію отъ остальной Италіи.

Въ виду приближающейся опасности его осадили тревожныя мысли. Его пугалъ смѣлый и великій замыселъ, который онъ готовился привести въ исполненіе. Онъ остановился, чтобы съ самимъ собою обсудить послѣдствія своего шага; долго стоялъ онъ, молча взвѣшивая доводы, говорившіе въ пользу и противъ его предпріятія, и не одинъ разъ переходилъ отъ одного рѣшенія къ другому. Разсуждалъ онъ и съ бывшими при

немъ друзьями, въ числѣ которыхъ былъ Азиній Полліонъ, о томъ, сколько бѣдствій принесетъ человѣчеству его переходъ черезъ эту рѣку и какой судъ произнесетъ надъ нимъ потомство. Но вдругъ, положивъ конецъ всѣмъ размышленіямъ о будущемъ и произнеся слова: „жребій брошенъ,“— слова, обыкновенно произносимыя людьми, пускающимися въ сомнительныя и трудныя предпріятія, переправился на другой берегъ и поѣхалъ такъ быстро, что еще до разсвѣта достигъ Аримина и овладѣлъ имъ.

По взятіи Аримина война широкой волной разлилась по всѣмъ морямъ и землямъ. Переступивъ предѣлы своей провинціи, Цезарь нарушилъ законъ своей страны, и все привелъ въ смятеніе. Не отдѣльныя лица, какъ въ прошлыя войны, разбѣжались въ страхѣ по всей Италіи, а словно цѣлые города сошли съ своихъ основаній и понеслись въ другія мѣста. Бурные потоки устремились въ Римъ; столица міра переполнилась пришлецами, и волненіе стало такое, что уже

никто не повиновался властямъ и не внималъ голосу разума. Казалось, Римъ готовъ былъ пасть жертвой собственныхъ насилій: до такого ожесточенія дошла въ немъ борьба партій и такъ сильны были судороги, потрясавшія весь общественный строй. Даже и торжествующіе сторонники Цезаря не держали себя спокойно, но, часто встрѣчая въ этомъ большомъ городѣ напуганныхъ и огорченныхъ приверженцевъ Помпея, высокомѣрно ругались надъ ними и грозили будущимъ.

Помпей, уже смущенный новымъ оборотомъ дѣла, еще болѣе смущался общими толками о его поведеніи. Одни порицали его за то, что онъ возвысилъ Цезаря во вредъ себѣ и республикѣ; другіе за то, что онъ дозволилъ Лентулу оскорбить Цезаря (см. выше), когда послѣдній уступилъ и предложилъ разумныя условія для соглашенія. Фавоній предлагалъ ему даже топнуть ногой, намекая на хвастливыя слова, произнесенныя имъ разъ въ сенатѣ: сенаторамъ не для чего, сказалъ онъ, принимать мѣры для приготовленія

къ войнѣ, такъ какъ ему, Помпею, стоитъ только топнуть ногой, чтобы вся Италія наполнилась легіонами, готовыми стать подъ его начальство.

Впрочемъ, силы Помпея и теперь еще превосходили силы Цезаря, но его сторонники никакъ не хотѣли допустить, чтобы онъ дѣйствовалъ по собственнымъ соображеніямъ. Распространяя ложную молву, что непріятель все гонитъ передъ собой, что онъ уже передъ воротами города, они повсюду сѣяли страхъ и довели Помпея до того, что онъ и самъ увлекся общимъ потокомъ. Рѣшивъ, что войну уже не отвратить ничѣмъ, и что республика въ опасности, онъ оставилъ Римъ, издавъ приказъ, чтобы сенатъ и всѣ, предпочитавшіе отечество и свободу самовластію, за нимъ послѣдовали. Консулы также оставили городъ, забывъ даже принести жертвы, предписанныя закономъ *. Сенаторы большею частью также бѣжали,

* По закону, консулъ не смѣлъ оставить города, не принеся предварительно жертвы богамъ.

захватывая съ собою вещи, попадавшіяся имъ подъ руку, съ такой торопливостью, что ихъ можно было принять за разбойниковъ, грабившихъ чужое добро. Даже и бывшіе въ городѣ друзья Цезаря, словно измѣнили ему, безъ всякой нужды принявъ участіе во всеобщемъ бѣгствѣ. И плачевное зрѣлище представлялъ тогда городъ, подобно кораблю, который, оставленный своими кормчими, безпомощно несется по морю подъ ударами вѣтровъ и волнъ.

Бѣгство впереди ничего не сулило, кромѣ бѣдствій, и однакоже римляне такъ любили Помпея, что то мѣсто, гдѣ онъ находился, считали отечествомъ, а на Римъ смотрѣли, какъ на лагерь Цезаря. Даже Лабіенъ, одинъ изъ лучшихъ друзей Цезаря, храбрѣйшій и дѣятельнѣйшій изъ всѣхъ его сподвижниковъ въ галльскихъ войнахъ,—и тотъ перешелъ на сторону Помпея. Это не помѣшало Цезарю переслать ему его имущество и деньги.

Между тѣмъ Цезарь обложилъ Корфиній, * гдѣ именемъ Помпея начальство-

* Въ землѣ Самнитовъ, въ Абруццахъ.

валъ Домицій *, имѣя въ своемъ распоряженіи 30 когортъ. Домицій, доведенный до отчаянія, приказалъ рабу, состоявшему при немъ врачемъ, дать ему яду. Домицій выпилъ этого яду, вполнѣ увѣренный, что умретъ; но вскорѣ потомъ, узнавъ, что Цезарь въ высшей степени милостиво обращается съ плѣнными, сталъ сожалѣть о своемъ несчастіи и о томъ, что такъ торопливо рѣшился покончить съ жизнію. Тогда врачъ его успокоилъ, открывъ, что далъ ему не яду, а какого-то снотворнаго питья. Это такъ его ободрило, что онъ всталъ и немедленно отправился къ Цезарю. Но хотя Цезарь простилъ его и въ знакъ примиренія подалъ ему руку, онъ все-таки скоро опять бѣжалъ къ Помпею. Извѣстіе объ этомъ поступкѣ послужило къ успокоенію умовъ въ Римѣ, и многіе изъ бѣжавшихъ оттуда возвратились.

Между тѣмъ Цезарь, присоединивъ къ своимъ войскамъ войска Домиція и другіе от-

* Домицій Энобарбъ назначенъ былъ замѣстить Цезаря въ Галліи.

ряды, оставленные Помпеемъ гарнизонами въ разныхъ городахъ, былъ уже достаточно силенъ для того, чтобы идти на самого Помпея. Однако послѣдній не дождался его прибытія, но отступилъ въ Брундузій *; отсюда онъ послалъ консуловъ съ частью своихъ войскъ въ Диррахій **, куда спустя нѣсколько дней, узнавъ о прибытіи Цезаря, отплылъ и самъ, какъ мы подробно разскажемъ объ этомъ въ его жизнеописаніи. Цезарь желалъ-бы идти за нимъ по пятамъ, но у него не было судовъ. Поэтому онъ возвратился въ Римъ, прославившись тѣмъ, что покорилъ Италію въ 60 дней, не проливъ ни капли крови.

Найдя городъ болѣе спокойнымъ, чѣмъ ожидалъ, онъ вступилъ въ сношенія съ бывшими тамъ сенаторами и въ краткихъ и благосклонныхъ выраженіяхъ просилъ ихъ отправить къ Помпею пословъ для заключенія мира на условіяхъ, почетныхъ для обѣихъ сто-

* Нынѣ Бриндизи, въ южной Италіи, на берегу Адріатическаго моря.

** На противоположномъ берегу въ Македоніи.

ронъ. Но никто изъ нихъ не хотѣлъ взять на себя этого порученія, изъ страха ли передъ Помпеемъ, которому они измѣнили, или изъ недовѣрія къ тому, чтобы Цезарь искренно дѣлалъ свои предложенія, а не на словахъ только.

Когда Цезарь вздумалъ взять нужныя ему деньги изъ общественной казны, трибунъ Метеллъ этому воспротивился и въ доказательство правильности своихъ дѣйствій сослался на нѣкоторые законы. Но Цезарь ему сказалъ: „военное время не все равно, что мирное. Если тебѣ нравится то, что теперь происходитъ, то уходи отсюда: война не терпитъ свободныхъ рѣчей. Когда я положу оружіе и заключу миръ, тогда можешь явиться передъ народомъ и говорить ему рѣчи. Объясняя тебѣ это, я поступаюсь своими правами, потому что ты, какъ и всѣ захваченные мною на войнѣ, въ моихъ рукахъ. Сказавъ эти слова, онъ подошелъ къ дверямъ казнохранилища, но такъ какъ ключей все еще не было, то Цезарь послалъ за слесарями и приказалъ имъ выломать двери. Ме-

теллъ было опять воспротивился, и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ одобряли его; но Цезарь, возвысивъ голосъ, пригрозилъ ему смертью, если онъ не перестанетъ мѣшать. „Молодой человѣкъ, прибавилъ онъ: вѣдь ты знаешь, что для меня это труднѣе сказать, чѣмъ сдѣлать“. Метеллъ, испугавшись угрозы, удалился, и Цезарь съ этихъ поръ легко и свободно бралъ все нужное ему для войны.

Изъ Италіи онъ прежде всего направился въ Испанію, потому что рѣшилъ прогнать оттуда Помпеевыхъ намѣстниковъ Афронія и Варрона, присоединить къ себѣ ихъ войско и провинціи и, такимъ образомъ, идти противъ самого Помпея лишь тогда, когда въ тылу у него не останется ни одного непріятеля. Во время этого похода жизнь Цезаря часто подвергалась опасности отъ засадъ, и его войску приходилось бороться съ голодомъ; но это не мѣшало ему неустанно преслѣдовать названныхъ полководцевъ и наносить имъ пораженія; наконецъ, осадилъ онъ ихъ въ укрѣпленномъ лагерѣ и, окруживъ

со всѣхъ сторонъ окопами, взялъ его приступомъ и присоединилъ ихъ войска къ своимъ собственнымъ; сами же предводители бѣжали къ Помпею.

По возвращеніи его изъ этого похода въ Римъ, его тесть Пизонъ настоятельно требовалъ, чтобы онъ послалъ къ Помпею съ мирными предложеніями; но Исаврикъ, желая угодить Цезарю, возсталъ противъ этого требованія. Сенатъ объявилъ Цезаря диктаторомъ, и тогда онъ возвратилъ изгнанниковъ. возстановилъ честь и гражданскія права пострадавшихъ при Силлѣ и облегчилъ должниковъ сбавкою процентовъ. Совершивъ эти дѣла и нѣкоторыя другія, онъ черезъ 11 дней сложилъ съ себя диктатуру, и самъ провозгласилъ себя консуломъ вмѣстѣ съ Сервиліемъ Исаврикомъ. Затѣмъ, возобновивъ военныя дѣйствія, онъ такъ быстро поспѣшилъ къ Брундузію, что большая часть войска не могла поспѣть за нимъ. Такимъ образомъ, онъ сѣлъ на судно только съ 600 человѣкъ отборной конницы и пятью легіонами. Отчалилъ онъ отъ берега во время зимняго солнцестоянія, въ началѣ января мѣсяца, соотвѣтствующаго аѳинскому мѣсяцу Посидону.

Переплывъ Іоническое море, онъ овладѣлъ городами Орикомъ и Аполлоніей и отослалъ свои корабли назадъ въ Брундузій для перевозки отставшихъ отъ него войскъ. Но эти послѣднія, измученныя продолжительнымъ походомъ и множествомъ непріятелей, съ которыми имъ пришлось имѣть дѣло, громко роптали и жаловались на Цезаря, когда шли къ порту Брундузію. „Куда ведетъ насъ этотъ человѣкъ“, говорили они, и будетъ ли конецъ нашимъ трудамъ? Или онъ будетъ насъ мучить вѣчно, какъ будто у насъ тѣла безчувственныя и не знающія усталости. И само желѣзо поддается ударамъ; наши щиты и брони также требуютъ покоя. Неужели по ранамъ нашимъ Цезарь не видитъ, что предводительствуетъ обыкновенными людьми; что и мы рождены для того, чтобы чувствовать и страдать отъ болѣзней, которымъ подвержены смертные. Сами боги безсильны противъ временъ года и бурь, бушующихъ зимою на моряхъ. А этотъ человѣкъ всѣмъ

этимъ опасностямъ насъ подвергаетъ, какъ будто онъ бѣжитъ отъ непріятеля, а не преслѣдуетъ его.

Говоря такія рѣчи, они медленно подвигались къ Брундузію. Но когда, прибывъ туда, увидали, что Цезарь ужь отплылъ, то заговорили иначе: называли себя измѣнниками своему полководцу и бранили своихъ начальниковъ за то, что во время похода они ихъ не торопили. И сидя на прибрежныхъ утесахъ, смотрѣли черезъ море по направленію къ Эпиру въ ожиданіи: не покажутся ли суда, которыя должны перевезти ихъ.

Между тѣмъ Цезарь, видя, что силы его недостаточны для дѣйствій противъ непріятеля; что войска, оставленныя имъ въ Италіи, не спѣшатъ на соединеніе съ нимъ, и желая отдѣлаться отъ мучившей его тоски и недоумѣній, рѣшился на изумительное дѣло. Не смотря на многочисленные непріятельскіе флоты, покрывавшіе море, онъ вздумалъ, не сообщивъ никому о своихъ намѣреніяхъ, сѣсть на 12-ти весельное судно и отплыть

въ Брундузій. Съ этою цѣлью ночью явился онъ на корабль въ одеждѣ невольника и, выбравъ себѣ мѣсто, спокойно сидѣлъ, какъ простой человѣкъ. Рѣкою Аніемъ * пошло судно въ море. Обыкновенно выходъ въ морѣ здѣсь удобный, потому что утренній вѣтеръ, дующій отъ земли, отгоняетъ морскія волны; но въ эту ночь сильный вѣтеръ поднялся со стороны моря и пересилилъ вѣтеръ, дувшій со стороны суши, и рѣка, встрѣтившись съ яростными морскими волнами, страшно забурлила; волны сталкивались съ ужаснымъ шумомъ и образовали такія грозныя толчеи, что кормчій отчаялся въ возможности выйти въ море и приказалъ матросамъ повернуть назадъ. Замѣтивъ это, Цезарь всталъ съ своего мѣста и, открывъ кормчему, кто онъ такой, сказалъ: плыви впередъ, мой другъ, и ничего не бойся,—ты везешь Цезаря и его судьбу. Услышавъ это, моряки забыли о бурѣ и изо всѣхъ силъ налегли на весла, чтобы взять верхъ надъ сопротивленіемъ волнъ. Но такова была ихъ сила въ устьѣ рѣки и судно такъ зали-

* Нынѣ Воюда.

вало, что Цезарь, наконецъ, позволилъ, хотя и съ величайшимъ неудовольствіемъ, повернуть назадъ. Когда Цезарь возвратился въ лагерь, солдаты встрѣтили его густой толпой и горько жаловались на то, что онъ не надѣется побѣдить съ ними одними и изъ-за отсутствующихъ подвергаетъ себя величайшимъ опасностямъ.

Вскорѣ послѣ этого изъ Брундузія прибылъ Антоній съ войскомъ. Ободренный Цезарь, сталъ вызывать Помпея на битву. Помпей стоялъ лагеремъ въ выгодной позиціи и въ изобиліи получалъ все нужное какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ, тогда какъ Цезарь съ самаго начала не пользовался изобиліемъ, а потомъ во всемъ терпѣлъ даже крайнюю нужду, и солдаты его очень обрадовались, когда въ окрестныхъ поляхъ нашли какой-то корень, который могли ѣсть съ молокомъ. Изъ этого корня приготовляли они булки и, подъѣзжая къ непріятельскимъ передовымъ постамъ, бросали ихъ солдатамъ Помпея, говоря: „пока земля производитъ такіе корни, мы не перестанемъ осаждать васъ“.

Помпей не могъ допустить, чтобы такіе хлѣбы и такія рѣчи передавались въ его лагерь: солдаты его и безъ того обнаруживали страшный упадокъ духа, и содрогались при мысли, что ихъ противники до такой степени закалились, что могутъ переносить то, что подъ стать только дикимъ звѣрямъ.

Между тѣмъ у окоповъ Помпея происходили частыя стычки, въ которыхъ постоянно побѣждалъ Цезарь: но одна изъ нихъ кончилась пораженіемъ войскъ Цезаря и чуть не повлекла за собой взятія его лагеря. Помпей самъ повелъ свои войска въ аттаку, и никто не устоялъ передъ нимъ. Воины Цезаря бѣжали за свои окопы и покрыли рвы мертвыми тѣлами. Цезарь бросился къ бѣгущимъ, пытался остановить ихъ и вновь выстроить въ боевой порядокъ, но ничего не могъ сдѣлать. Онъ хватался за знамена, чтобы остановить ихъ; но знаменоносцы оставляли ихъ въ его рукахъ, или бросали на землю, такъ что 32 знамени достались въ руки побѣдителямъ. Цезарь самъ чуть не лишился жизни: увидя одного высокаго и здо-

роваго воина, бѣгущаго съ поля битвы, онъ остановилъ его рукой и приказалъ воротиться назадъ; но озадаченный и смущенный солдатъ замахнулся на него мечомъ; къ счастію Цезаря, его щитоносецъ успѣлъ во-время отрубить руку солдату и тѣмъ предотвратилъ ударъ.

Цезарь считалъ свое дѣло окончательно проиграннымъ. Къ счастію его, Помпей, по осторожности или по волѣ случая, не довершилъ великаго дѣла, и отступилъ, загнавъ непріятеля въ окопы, почему Цезарь, возвращаясь съ поля битвы, и сказалъ своимъ друзьямъ: сегодня побѣда осталась бы на сторонѣ непріятелей, если бы во главѣ ихъ стоялъ полководецъ, умѣющій побѣждать. Удалившись въ свою палатку, онъ легъ отдохнуть, но никогда не проводилъ онъ болѣе печальной ночи: во все ея продолженіе мучила его мысль о томъ, что онъ плохо велъ войну, потому что, имѣя передъ собою обширныя равнины Македоніи и Ѳессаліи съ богатыми городами, онъ не перенесъ туда войны, а сталъ лагеремъ на берегу моря, на

которомъ господствовали непріятельскіе флоты, и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, по недостатку припасовъ, скорѣе самъ былъ въ осадѣ, чѣмъ осаждалъ непріятеля.

Такъ метался онъ въ постели, думая о своемъ тяжеломъ положеніи, и наконецъ рѣшилъ сняться съ лагеря и повести войско въ Македонію противъ Сципіона, разсчитывая или завлечь туда Помпея и принудить его къ сраженію въ странѣ, гдѣ нельзя будетъ ему получать помощи и припасовъ со стороны моря, или уничтожить Сципіона, ниоткуда не получающаго поддержки.

Отступленіе Цезаря подняло духъ Помпеева войска; его офицеры требовали, чтобы ихъ послали преслѣдовать Цезаря, побѣжденнаго и обращеннаго въ бѣгство. Но самъ Помпей не расположенъ былъ подвергать интересы своей партіи случайностямъ битвы. Хорошо снабженный всѣмъ нужнымъ, онъ предпочиталъ тянуть войну, чтобы такимъ образомъ отнять у солдатъ Цезаря послѣднія силы. Лучшіе изъ воиновъ Цезаря, конечно, обладали опытностью и мужествомъ,

неодолимыми на полѣ битвы; но по старости лѣтъ они сдѣлались неспособными къ долгимъ переходамъ и уже отвыкли копать окопы, брать приступомъ стѣны, проводить цѣлые дни подъ оружіемъ. Слишкомъ тяжелы они стали, чтобы переносить лишенія, и охота къ труду уменьшалась у нихъ вмѣстѣ съ физическою силою. Сверхъ того, между ними свирѣпствовала какая-то заразительная болѣзнь, происходившая главнымъ образомъ отъ плохой пищи. Но всего важнѣе было то, что у Цезаря не было ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ, и, казалось, что въ весьма недалекомъ будущемъ онъ пропадетъ самъ собою. Вотъ причины, по которымъ Помпей уклонился отъ рѣшительной битвы.

Но хвалилъ его за это только одинъ Катонъ, который жалѣлъ крови своихъ согражданъ, и въ послѣдней битвѣ, когда увидѣлъ поле, покрытое тысячами непріятельскихъ тѣлъ, то закрылъ лицо руками и удалился, обливаясь слезами. Всѣ другіе порицали Помпея за то, что онъ уклонялся отъ битвы, и называли его Агамемнономъ и царемъ царей;

говорили, что онъ не хочетъ лишиться монархической власти и удовольствія видѣть столькихъ полководцевъ, смиренно приходящихъ въ его палатку за приказаніями. Фавоній, видимо старавшійся усвоить себѣ свободную рѣчь Катона, горько жаловался на то, что изъ-за честолюбія Помпея имъ не придется въ этомъ году ѣсть фиги въ Тускулумѣ *. Также и Афроній, прибывшій недавно изъ Испаніи, гдѣ онъ такъ неискусно дѣйствовалъ, что навлекъ на себя обвиненіе въ томъ, что продалъ Цезарю свое войско, спросилъ Помпея: почему-же не рѣшаются вступить въ сраженіе съ купцомъ, купившимъ у него провинціи Испаніи?

Подстрекаемый этими упреками, Помпей, вопреки своимъ убѣжденіямъ, пошелъ вслѣдъ за Цезаремъ. Цезарь совершалъ свой походъ съ большими затрудненіями, такъ какъ послѣ проигранной имъ битвы всѣ съ презрѣніемъ смотрѣли на него и отказывали ему

---

* Городъ, лежавшій въ недалекомъ разстояніи отъ Рима. Въ его прелестныхъ окрестностяхъ богатые римляне строили себѣ дачи.

въ съѣстныхъ припасахъ. Но вотъ онъ овладѣлъ Θессалійскимъ городомъ Гомфи, и войска его не только нашли тамъ добрые запасы всего имъ нужнаго, но и избавились вдругъ отъ заразительной болѣзни (о которой сказано выше): нашедши тамъ много вина, они съ жадностью пили его и затѣмъ, въ дальнѣйшемъ своемъ походѣ, развлекали себя вакхическими играми. Короче сказать, благодаря вину и движенію въ состояніи ихъ тѣла произошли благотворныя перемѣны, и болѣзнь прошла.

Когда оба войска стали другъ противъ друга лагеремъ на равнинахъ Фарсальскихъ, Помпей возвратился къ прежнему своему мнѣнію тѣмъ охотнѣе, что встревоженъ былъ зловѣщими предзнаменованіями и страшнымъ сномъ. Онъ видѣлъ во снѣ самого себя, что онъ въ театрѣ, что весь римскій народъ ему рукоплещетъ, и что онъ украшаетъ храмъ Венеры Побѣдительницы, отъ которой Цезарь велъ свое происхожденіе. Но если Помпей безпокоился, то сторонники его до того были увѣрены въ побѣдѣ, что нѣкоторые изъ

нихъ, Домицій, Спинтеръ, Серапіонъ, уже спросили, кому изъ нихъ быть первосвященникомъ послѣ Цезаря *); другіе поручили въ Римѣ нанять для нихъ дома, приличные сану консула или претора: такъ увѣрены были они, что немедленно по окончаніи войны будутъ избраны на эти высокія должности. Съ особеннымъ нетерпѣніемъ желали битвы всадники **, гордые блестящимъ вооруженіемъ, добрыми конями и своей собственной силой и красотой. Къ тому-же и многочисленностью превосходили они всадниковъ, служившихъ въ войскѣ Цезаря: ихъ было 7,000 противъ 1,000. Такое же неравенство существовало и въ пѣшемъ войскѣ обоихъ полководцевъ: пѣхота Помпея состояла изъ 45,000 человѣкъ, а пѣхота Цезаря изъ 22,000.

Собравъ своихъ солдатъ, Цезарь объявилъ имъ, что Корнифицій идетъ къ нему на помощь съ двумя легіонами, и уже близко; что, сверхъ того, у него еще есть 15 когортъ,

* О томъ, какъ Цезарь получилъ этотъ санъ, см. выше.

** Это были богатые люди, изъ которыхъ послѣ Пуническихъ войнъ образовалось сословіе, непосредственно слѣдовавшее за сословіемъ сенаторовъ.

стоящихъ подъ начальствомъ Колена въ окрестностяхъ Мегары и Аѳинъ. Затѣмъ спросилъ у нихъ, хотятъ-ли они дожидаться этихъ войскъ, или готовы сразиться безъ нихъ? Всѣ громко отвѣчали: „Незачѣмъ дожидаться; гораздо лучше искусствомъ и хитростью устроить такъ, чтобы какъ можно скорѣе принудить непріятеля къ битвѣ“.

Жертвоприношеніе у Римлянъ. (Луврскій музей).

Послѣ этого первымъ дѣломъ Цезаря было принести очистительныя жертвы за свое войско. Когда закололи первую жертву, прори-

цатель провозгласилъ, что сраженіе будетъ черезъ три дня. — „А что сулятъ намъ внутренности животнаго? спросилъ Цезарь. — „Наилучшій отвѣтъ на это“, сказалъ жрецъ, „можешь дать ты самъ. Боги предсказываютъ великій переворотъ въ дѣлахъ. Если въ настоящую минуту ты чувствуешь себя счастливымъ, то жди худшаго, а если несчастнымъ, то жди лучшаго“.

Накануне сраженія, когда, около полуночи, обходилъ онъ свои войска, онъ увидѣлъ въ воздухѣ огненный метеоръ: надъ его лагеремъ онъ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ, а надъ лагеремъ Помпея упалъ на землю. Утромъ, когда смѣняли часовыхъ, въ непріятельскомъ лагерѣ словно произошелъ шумъ, какъ бываетъ, когда войскомъ овладѣваетъ паническій страхъ. Несмотря на все это, Цезарь не ожидалъ сраженія въ этотъ день и приказалъ своимъ войскамъ сняться съ лагеря и идти на Скотузу *.

Но лишь убрали палатки, прискакали ла-

---

* Городъ въ Ѳессаліи

зутчики и объявили, что непріятель идетъ дать сраженіе. Обрадованный этимъ извѣстіемъ, Цезарь возблагодарилъ боговъ молитвой, а затѣмъ, раздѣливъ войско на три отдѣльныя части, выстроилъ его въ боевой порядокъ. Центръ поручилъ онъ Домицію Кальвину, лѣвое крыло Антонію, а себѣ взялъ правое, состоявшее изъ десятаго легіона, во главѣ котораго хотѣлъ лично сражаться.

Какъ разъ противъ этого крыла расположилась непріятельская конница; боясь ея многочисленности и блестящаго вооруженія, онъ приказалъ шести когортамъ, стоявшимъ сзади, двинуться тихонько впередъ. Поставивъ ихъ за своимъ правымъ крыломъ, онъ далъ имъ наставленіе, что имъ дѣлать въ случаѣ, если непріятельская конница нападетъ на нихъ. Что касается до Помпея, то онъ самъ начальствовалъ правымъ крыломъ, Домицій лѣвымъ, а тесть его Сципіонъ— центромъ. Вся конница сосредоточилась на лѣвомъ крылѣ, въ томъ предположеніи, что она обойдетъ правое крыло непріятеля и

своимъ нападеніемъ приведетъ въ полное разстройство ту часть войска, въ которой лично сражался Цезарь; оно убѣждено было также, что пѣшее войско, какъ бы ни были многочисленны и плотно сомкнуты его ряды, не въ силахъ выдержать одновременнаго натиска столь значительныхъ массъ кавалеріи, что оно неизбѣжно съ перваго-же нападенія будетъ разбито и разсѣяно въ прахъ.

Передъ самымъ началомъ битвы Помпей приказалъ своей пѣхотѣ стоять на одномъ мѣстѣ сомкнутымъ строемъ и не начинать боя, пока непріятель не приблизится на такое разстояніе, что его можно будетъ достать брошеннымъ дротикомъ. Цезарь утверждаетъ, что такое распоряженіе было ошибкой со стороны Помпея; онъ, стало быть, не сознавалъ, какую силу пріобрѣтаетъ каждый ударъ со стороны начинающихъ сраженіе смѣлымъ и стремительнымъ нападеніемъ, и въ какой мѣрѣ возбуждается мужество каждаго отдѣльнаго воина при быстромъ наступленіи всего войска.

Цезарь съ своей стороны собрался двинуть свою пѣхоту впередъ, когда вдругъ услыхалъ, какъ одинъ изъ его самыхъ вѣрныхъ и опытныхъ сотниковъ ободрялъ своихъ воиновъ и убѣждалъ ихъ отличиться въ предстоящемъ сраженіи. Цезарь назвалъ его по имени и сказалъ; „Ты не боишься, Кай Крассинъ? Чѣмъ, думаешь ты, кончится наше дѣло?“ — „Цезарь“, сказалъ ветеранъ смѣлымъ голосомъ и протягивая впередъ руку, „побѣда будетъ на нашей сторонѣ, и побѣда славная; сегодня ты меня похвалишь живого или мертваго“. Съ этими словами онъ бросился на непріятеля, во главѣ своей команды, состоявшей изъ 120 человѣкъ: прорвавъ первые ряды непріятеля и устремляясь яростно впередъ, онъ производилъ страшное кровопролитіе среди вражескаго войска, но вдругъ упалъ, пораженный мечемъ въ ротъ съ такой силой, что остріе вышло черезъ затылокъ.

Когда такимъ образомъ пѣхотныя войска завязали горячее дѣло въ центрѣ, съ лѣваго крыла Помпея съ великой самоувѣренностью

помчалась конница, растягиваясь, чтобы обойти правое крыло Цезаря; но прежде чѣмъ она могла начать нападеніе, передъ ней явились шесть когортъ, поставленныя Цезаремъ позади своего праваго крыла. Противъ обыкновенія, воины Цезаря не бросали дротиками издали и, подойдя ближе, не наносили ударовъ въ ноги или бедра, но, по данному имъ приказанію, мѣтили въ глаза и наносили раны въ лицо. Ибо Цезарь разсчитывалъ, что эти молодые всадники, не привыкшіе къ войнѣ и ранамъ и цвѣтущіе красотой, болѣе всего будутъ избѣгать ударовъ въ лицо и сейчасъ же бросятся бѣжать съ поля битвы, какъ увидятъ, что вмѣстѣ съ опасностью въ настоящемъ имъ угрожаетъ и безобразіе въ будущемъ. Какъ онъ ожидалъ, такъ и случилось. Молодые всадники не могли вынести вида копій, направленныхъ имъ прямо въ лицо; при видѣ желѣза, сверкающаго передъ ихъ глазами, они отворачивались и закрывали себѣ лицо руками. Затѣмъ ряды ихъ разстроились, и они обратились въ дикое бѣгство, испортивъ самымъ

позорнымъ образомъ все дѣло Помпею. Ко-горты, которыя ихъ рубили, окружили пѣ-хоту Помпея, напали на нее съ тылу и пе-ребили.

Помпей, увидавъ съ другого крыла бѣг-ство своей конницы, совершенно растерялс- и забылъ, что онъ Помпей Великій. Слов- лишенный разума волею боговъ, онъ удалил- въ свою палатку, не говоря ни слова, и си-дѣлъ тамъ, ожидая конца боя. Когда же вс- его войско было разбито и разсѣяно, и не-пріятель взобрался на валъ его лагеря вступилъ въ битву съ войсками, поставлен-ными охранять его, тогда только онъ слов- опомнился и, громко сказавъ: „Какъ, и в- мой лагерь ворвались“! — сложилъ съ себ- оружіе и военачальническіе знаки, надѣл- одежду, удобную для бѣгства, и тайно бѣ-жалъ. Какія несчастія затѣмъ его постигл- какъ онъ отдался въ руки египтянъ и был- измѣннически убитъ, объ этомъ мы подробн- разскажемъ въ его жизнеописаніи.

Вступивъ въ лагерь и увидавъ, какое мно-жество убитыхъ непріятелей лежало на земл-

съ какимъ ожесточеніемъ его воины про-жали ихъ убивать, Цезарь сказалъ со -дохомъ: „сами они этого хотѣли; они до-ли меня до этой необходимости; если бы Кай Цезарь, послѣ столькихъ побѣдоносно -онченныхъ войнъ, распустилъ свои легіоны, -ня казнили бы какъ преступника“. Азиній -ллiонъ * разсказываетъ, что эти слова -азаны были Цезаремъ по-латыни, но что -ъ, Полліонъ, потомъ записалъ ихъ по-гре-ски. Онъ сообщаетъ также, что убитые -и взятіи лагеря по большей части были -вольники; свободныхъ же воиновъ пало - продолженіе всего сраженія не болѣе 6000. -льшую часть взятой въ плѣнъ пѣхоты Це-рь включилъ въ свои собственные легіоны -простилъ многихъ знатныхъ лицъ, въ чи-ѣ ихъ и того Брута, который впослѣдствіи -илъ его. Разсказываютъ, что когда послѣ -аженія Брута долго нигдѣ не находили, -езарь былъ въ смертельномъ страхѣ, и по-

* Одинъ изъ сторонниковъ Цезаря, принимавшій личное -астіе въ Ферсальскомъ сраженіи, и авторъ не дошедшей -насъ Исторіи гражданской войны (между Помпеемъ и -езаремъ).

томъ очень обрадовался, когда Брутъ, здр
вый и невредимый, явился къ нему.

Между многочисленными знаменіями, пре
вѣщавшими Цезарю побѣду, наиболѣе по
разительное замѣчено было въ городѣ Тра
лесѣ *. Тамъ, въ храмѣ Побѣды стояла ст
туя Цезаря, и вся мѣстность кругомъ, уж
и сама по себѣ твердая, была вдобавок
вымощена очень крѣпкимъ камнемъ, и о
нако у самаго подножія статуи вдругъ вы
росла пальма. Въ городѣ Патавіи ** зна
менитый въ то время прорицатель, Кай Кор
нелій, землякъ и знакомый историка Ливі
въ самый день Фарсальской битвы наблюдал
полетъ птицъ. Его наблюденія, по разска
Ливія, открыли ему моментъ, когда началос
сраженіе, и онъ сказалъ присутствовавшим
„Великое дѣло близится теперь къ развязк
оба полководца вступили въ сраженіе“. З
тѣмъ, продолжая свои наблюденія, онъ вдруг
вскочилъ съ своего мѣста и восторженн
вскрикнулъ: „Цезарь, ты побѣждаешь“! Ви

* Въ Каріи, въ югозападной части Малой Азіи.

** Нынѣ Падуя, въ сѣверовосточной части Италіи.

затѣмъ, что все общество поражено его словами, онъ снялъ съ головы священный вѣнокъ и поклялся, что не надѣнетъ его опять, пока событія не подтвердятъ, что онъ дѣйствительно обладаетъ даромъ прорицанія. Ливій ручается за истинность этого разсказа. Радуясь побѣдѣ, Цезарь объявилъ все населеніе Ѳессаліи свободнымъ, и затѣмъ пустился преслѣдовать Помпея. Вступивъ въ Азію, чтобы почтить память Теопомпа, оставившаго намъ собраніе басенъ, онъ далъ тѣ-же права жителямъ города Книда *; жителямъ-же Азіи ** сбавилъ налоговъ на одну треть. Въ Александріи, куда онъ прибылъ послѣ умерщвленія Помпея, онъ съ отвращеніемъ отвернулся отъ Теодота, преподнесшаго ему голову его соперника.

Изъ вещей, оставшихся послѣ Помпея, онъ присвоилъ себѣ только одинъ перстень;

* Въ Каріи.

** Подъ этимъ именемъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть провинцію Азію, состоявшую изъ земель, доставшихся Риму по наслѣдству отъ Пергамскаго царя Аттала III (западная часть Малой Азіи).

взявъ эту вещь въ руки, онъ прослезился. Царь Птоломей ловилъ бродившихъ по странѣ приверженцевъ Помпея и присылалъ ихъ къ Цезарю; но Цезарь осыпалъ ихъ милостями и принималъ къ себѣ на службу. Своимъ друзьямъ въ Римѣ онъ писалъ, что изъ наслажденій, доставленныхъ ему побѣдою, важнѣйшее состоитъ въ томъ, что каждый день онъ даритъ жизнь двумъ или тремъ согражданамъ, сражавшимся противъ него.

Что касается до слѣдовавшей затѣмъ египетской войны, то, по мнѣнію многихъ, она была начата безъ всякой необходимости; единственно изъ страсти къ Клеопатрѣ завязалъ онъ борьбу, которая нанесла ущербъ его славѣ и подвергла опасности его жизнь. Другіе же обвиняютъ министровъ царя и преимущественно евнуха Фотина, имѣвшаго большое вліяніе при дворѣ: убивъ Помпея и изгнавъ Клеопатру, онъ теперь втайнѣ питалъ злые умыслы противъ самого Цезаря.

Разсказываютъ, что съ этихъ поръ Цезарь, для большей безопасности, сталъ проводить ночи въ бесѣдахъ съ друзьями. И дѣйствительно, всѣ поступки и слова Фотина по отношенію къ Цезарю были невыносимо дерзки и злобны. Поставляя римскимъ солдатамъ лежалый и покрытый плѣсенью хлѣбъ, онъ говорилъ, что и такимъ хлѣбомъ они должны быть довольны, разъ они живутъ на счетъ другихъ народовъ. По его приказанію на царскій столъ стали подавать одну деревянную и глиняную посуду по той причинѣ, что Цезарь за какой-то долгъ присвоилъ себѣ все царское золото и серебро. Дѣло въ томъ, что отецъ тогдашняго царя долженъ былъ Цезарю 17.500,000 драхмъ *. Часть этого долга Цезарь еще раньше простилъ дѣтямъ своего должника, но теперь, въ видахъ продовольствованія своего войска, требовалъ отъ нихъ уплаты 10.000,000 драхмъ **. Вмѣсто уплаты Фотинъ совѣтовалъ Цезарю сначала покончить съ важными

* 4.306,000 р.

** 2.419,910 р.

дѣлами, бывшими у него на рукахъ, а потомъ ужъ требовать денегъ, которыя онъ тогда и поспѣшитъ возвратить ему, если будетъ на то соизволеніе царя. Но Цезарь отвѣчалъ, что не имѣетъ надобности въ египетскихъ совѣтникахъ, и тайно послалъ за Клеопатрой.

Взявъ съ собой одного только друга, Аполлодора Сицилійскаго, она сѣла на маленькій корабль и только въ сумерки прибыла ко дворцу. Никѣмъ не замѣченная, проникла она въ комнаты Цезаря и такъ плѣнила его своимъ острымъ и находчивымъ умомъ и прелестями своего разговора, что онъ взялъ на себя помирить ее съ братомъ и настоялъ на томъ, чтобы они царствовали вмѣстѣ. По случаю примиренія во дворцѣ былъ праздникъ.

Въ это время одинъ изъ слугъ Цезаря, его цирюльникъ, человѣкъ робкаго и подозрительнаго характера, по врожденной ему опасливости сталъ ко всему присматриваться и прислушиваться и открылъ, что полководецъ Ахилласъ и евнухъ Фотинъ сговорились убить Цезаря. Извѣщенный объ этомъ умыслѣ, Цезарь окружилъ воинами залу, гдѣ веселились приглашенные, и велѣлъ убить Фотина. Но Ахилласъ бѣжалъ къ своему войску и началъ трудную и страшную войну, въ которой Цезарь съ весьма малыми силами долженъ былъ бороться противъ большого города и могущественной арміи.

Прежде всего пришлось ему страдать отъ недостатка воды, такъ какъ египтяне завалили камнями всѣ водопроводы. Затѣмъ онъ потерялъ всѣ корабли, бывшіе у него въ Александрійскомъ портѣ: не желая, чтобы они достались непріятелю, онъ самъ сжегъ ихъ; къ несчастью, пожаръ не ограничился одними кораблями: огонь перекинуло съ верфи на дворецъ, и сгорѣло громадное александрійское книгохранилище. Великая опасность угрожала ему и въ морскомъ сраженіи близъ острова Фароса: видя, что непріятель тѣснитъ его моряковъ, онъ спрыгнулъ съ плотины въ небольшой корабль и поспѣшилъ къ нимъ на помощь. Но со всѣхъ сторонъ напали на него египтяне, и тогда онъ бро-

сился въ море и съ большимъ трудомъ добрался вплавь до своихъ галеръ. Разсказываютъ, что въ то время у него были въ рукѣ маленькія книжечки; непріятель осыпалъ его стрѣлами и, чтобы спастись отъ нихъ, онъ часто нырялъ; несмотря на то, онъ держалъ высоко надъ водой руку съ книжками въ то время, какъ другою помогалъ себѣ плыть. Вышедши на берегъ, онъ увидалъ, что его лодка пошла ко дну. Наконецъ царь перешелъ на сторону возставшихъ, и тогда Цезарь напалъ на него и разбилъ. Великое множество египтянъ было убито, самъ-же царь пропалъ безъ вѣсти. Это дало Цезарю поводъ возвести на египетскій престолъ Клеопатру. Вскорѣ послѣ того она родила ему сына, котораго Александрійцы звали Цезаріономъ. Самъ-же онъ поспѣшилъ въ Сирію, а оттуда въ Малую Азію; здѣсь онъ узналъ, что поставленный имъ намѣстникъ этой провинціи, Домицій, разбитъ Фарнакомъ, сыномъ Митридата *, и принужденъ бѣжать изъ Понта * съ небольшимъ войскомъ, бывшимъ подъ его начальствомъ; что Фарнакъ, горяче продолжая войну, овладѣлъ уже Виѳиніей и Кападокіей, стремится овладѣть и Малой Арменіей, и возстановляетъ всѣхъ тамошнихъ царей и князей противъ Римлянъ **. Цезарь немедленно пошелъ на него съ тремя легіонами и въ большомъ сраженіи близъ Цемы на голову разбилъ его: вся армія Фарнака была уничтожена и Понтійское царство у него отнято. Желая дать понятіе о быстротѣ, съ которой онъ раздѣлался съ Фарнакомъ, Цезарь написалъ Амантію, одному изъ своихъ римскихъ друзей, только три слова: veni, vidi, vici, (пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ). На латинскомъ языкѣ эти три слова, имѣя одинакое окончаніе, отличаются не только сжатостью, но и изяществомъ выраженія.

* Знаменитый Понтійскій царь, всю жизнь свою боровшійся съ Римлянами.

* Такъ называлась страна, лежавшая по южному берегу Черпаго моря па востокъ отъ рѣки Галиса (нынѣ Кизиль-Ирмака).

** Виѳинія—часть Малой Азіи, лежавшая по Черному морю па западъ отъ Галиса. Каппадокія—внутри Малой Азіи на югъ отъ Понта. Малая Арменія составляла часть Малой Азіи, смежную съ собственной Арменіей и лежавшую между верхнимъ Евфратомъ и Антитаврскими горами.

Послѣ этого, столь успѣшнаго, похода Цезарь возвратился въ Италію и прибылъ въ Римъ какъ разъ къ тому времени, когда кончался второй годъ его диктатуры (до сихъ поръ эта должность никогда не давалась на цѣлый годъ). На слѣдующій годъ онъ былъ выбранъ консуломъ. Но въ то же время его порицали за снисходительность, съ которою онъ отнесся къ войскамъ, произведшимъ почему-то мятежъ и убившимъ при этомъ двухъ преторовъ, Коскопія и Гольбу: вмѣсто всякаго наказанія, онъ только въ обращенной къ нимъ рѣчи назвалъ ихъ гражданами, а не воинами; затѣмъ каждому изъ нихъ далъ по 1,000 драхмъ * и по большому участку земли въ Италіи.

Были и другіе поводы къ жалобамъ на него, а именно: безумныя выходки Долабеллы **, корыстолюбіе Аминтія, пьянство Антонія, дерзость Корифниція; послѣдній, получивъ въ свое владѣніе домъ Помпея, нашелъ его слишкомъ тѣснымъ для себя и по-

* По 250 рублей.

** Будучи народнымъ трибуномъ, Долабелла часто производилъ въ народѣ волненія и мятежи.

тому разрушилъ и на мѣстѣ его выстроилъ себѣ новый домъ *.

Цезарь зналъ, что это раздражало Римлянъ и самъ не одобрялъ поступковъ этихъ лицъ; но политическія соображенія побуждали его пользоваться ихъ услугами.

Послѣ Фарсальскаго сраженія Катонъ и Сципіонъ бѣжали въ Африку, гдѣ, при помощи царя Юбы **, собрали значительную военную силу. Цезарь рѣшился идти на нихъ войной. Съ этой цѣлью онъ прежде всего отправился въ Сицилію. Это было время зимняго солнцестоянія. Чтобы отнять у своихъ офицеровъ всякую надежду на отсрочку похода, онъ раскинулъ свой шатеръ на самомъ берегу моря; затѣмъ, дождавшись попутнаго вѣтра, сѣлъ на корабль съ 3,000

* Въ Плутарховомъ жизнеописаніи Антонія и во второй филиппикѣ Цицерона этотъ самый поступокъ приписывается Антонію. Подъ именемъ Филиппикъ дошли до насъ рѣчи, сказанныя Цицерономъ уже по смерти Цезаря противъ Антонія; такъ онѣ названы потому, что по силѣ краснорѣчія мало уступали рѣчамъ Демосѳена противъ Филиппа Македонскаго.

** Юба—царь Нумидійскій. Нумидія въ сѣверной Африкѣ, на западъ отъ бывшихъ владѣній Карѳагенской республики.

пѣхоты и съ небольшимъ числомъ конницы. Высадивши ихъ благополучно на берегъ Африки, онъ отправился тайно назадъ за остальными войсками, составлявшими болѣе многочисленную силу. Онъ очень объ нихъ безпокоился, но къ счастію встрѣтилъ ихъ на морѣ на пути въ Африку и привелъ въ свой лагерь.

Тутъ онъ узналъ, что его враги возлагали большія надежды на исполненіе одного прорицанія, гласившаго, что родъ Сципіоновъ всегда будетъ побѣдоносно воевать въ Африкѣ. Случилось, что въ его войскѣ служилъ одинъ изъ потомковъ Сципіона Африканскаго *, по имени Сципіонъ Саллютіонъ; этотъ человѣкъ не пользовался уваженіемъ въ войскѣ; не смотря на то, изъ насмѣшки-ли надъ Сципіономъ, предводителемъ непріятельскихъ войскъ или изъ дѣйствительнаго желанія повернуть прорицаніе оракула въ свою пользу, во всѣхъ происходившихъ стычкахъ онъ ставилъ его во главѣ войска, какъ-бы настоящаго полководца. А стычки происходи-

* Знаменитаго побѣдителя Аннибала.

ли часто, такъ какъ войска Цезаря, терпя недостатокъ въ хлѣбѣ и фуражѣ, должны были и то и другое добывать себѣ силой. Лошадямъ приходилось давать морской травы, предварительно выжимая изъ нея соль и примѣшивая для вкуса травы. До такой нужды доводила ихъ многочисленная нумидійская конница; благодаря своимъ отличнымъ лошадямъ и частымъ и внезапнымъ набѣгамъ, она держала весь берегъ въ своей власти.

Разъ случилось, что конные воины Цезаря, пользуясь свободнымъ временемъ, развлекались представленіями одного Ливійца, плясавшаго и игравшаго на флейтѣ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Оставивъ своихъ лошадей на попеченіи мальчиковъ, они съ величайшимъ наслажденіемъ смотрѣли на Ливійца, какъ вдругъ непріятель внезапно напалъ на нихъ и частью перебилъ, частью обратилъ въ бѣгство. Вслѣдъ за бѣжавшими, ворвался онъ даже въ лагерь, и если бы не подоспѣлъ Цезарь съ Азиніемъ Полліономъ и не остановилъ бѣгущихъ, то войнѣ былъ бы

уже тогда конецъ. Въ другомъ дѣлѣ побѣда опять склонялась на сторону непріятеля, и тогда Цезарь схватилъ за воротъ бѣжавшаго съ поля сраженія знаменосца, повернулъ его назадъ и сказалъ: „Смотри, вотъ гдѣ непріятель!“ Сципіонъ, ободренный такимъ успѣшнымъ началомъ, желалъ рѣшительнаго сраженія. Оставивъ Афранія и Юбу въ ихъ лагеряхъ, отстоявшихъ на недалекое разстояніе одинъ отъ другого, онъ самъ прибылъ въ лагерь, лежавшій выше озера, въ сосѣдствѣ съ Тапсомъ *, съ тѣмъ, чтобы возвести тамъ укрѣпленіе, которое могло бы служить и опорнымъ пунктомъ для наступленія, и убѣжищемъ въ случаѣ пораженія. Пока Сципіонъ занимался этимъ сооруженіемъ, Цезарь съ необыкновенной быстротой прошелъ черезъ страну, почти непроходимую отъ густыхъ лѣсовъ и тѣсныхъ ущелій, внезапно напалъ на его армію съ тылу и съ фронта и обратилъ его въ бѣгство. Затѣмъ, пользуясь своимъ счастіемъ, сейчасъ же овладѣлъ лагеремъ Афронія и разрушилъ лагерь

* Въ Африкѣ, на Тунисскомъ берегу.

Нумидійцевъ; царь Юба поспѣшилъ спастись бѣгствомъ. Такимъ образомъ, въ теченіе немногихъ часовъ онъ овладѣлъ тремя лагерями и убилъ до 50000, потерялъ самъ только 50 человѣкъ.

Такъ нѣкоторые разсказываютъ объ этомъ дѣлѣ, другіе же передаютъ, что когда Цезарь выстроилъ свои войска и отдалъ всѣ нужныя приказанія, съ нимъ случился припадокъ его всегдашней болѣзни; чувствуя приближеніе недуга, Цезарь, прежде чѣмъ лишиться чувствъ, успѣлъ приказать, чтобы его перенесли въ ближнюю башню: тамъ и лежалъ онъ спокойно, пока продолжался припадокъ.

Многіе изъ бывшихъ консуловъ и преторовъ успѣли спастись бѣгствомъ. Впослѣдствіи, когда ихъ открыли и задержали, одни сами себя лишили жизни, а другіе были преданы смертной казни по повелѣнію Цезаря. Катонъ не участвовалъ въ битвѣ. Онъ стоялъ въ Утикѣ во главѣ гарнизона. Туда и поспѣшилъ теперь Цезарь, желая взять въ плѣнъ Катона непремѣнно живымъ. Но до-

рогою онъ узналъ, что Катонъ лишилъ себя жизни, и страшно смутился. Истинная причина этого смущенія осталась тайной; извѣстно только, что Цезарь громко сказалъ: „Катонъ, завидую твоей смерти, потому что и ты позавидовалъ славѣ, которую я пріобрѣлъ бы, если бы подарилъ тебѣ жизнь". Но книга, впослѣдствіи написанная имъ противъ Катона, не свидѣтельствуетъ о его благосклонномъ расположеніи къ этому человѣку,—и могъ-ли онъ оказать милость врагу живому, когда излилъ столько злобы на врага мертваго. Впрочемъ, въ виду милосердія, оказаннаго имъ Цицерону, Бруту и безчисленному множеству другихъ, поднявшихъ противъ него оружіе, нѣкоторые предполагаютъ, что упомянутое сочиненіе внушено ему не враждебнымъ расположеніемъ къ Катону, а скорѣе раздраженнымъ политическимъ честолюбіемъ. Написано оно по слѣдующему поводу: Цицеронъ написалъ похвальное слово Катону. Это сочиненіе, озаглавленное „Катонъ", многихъ привело въ восторгъ и достоинствомъ содержанія, и несравненнымъ краснорѣчіемъ

сочинителя. Но Цезаря оскорбилъ успѣхъ сочиненія: въ восхваленіи человѣка, убившаго себя для того, чтобы не попасть въ его руки, онъ видѣлъ нѣчто такое, что выставляло въ невыгодномъ свѣтѣ его собственный характеръ. А потому, въ отвѣтъ Цицерону, онъ написалъ книгу подъ заглавіемъ „Антикатонъ" и въ ней взвелъ много обвиненій на великаго человѣка. Благодаря именамъ авторовъ, обѣ книги и теперь имѣютъ своихъ почитателей.

По возвращеніи изъ Африки въ Римъ, Цезарь въ самыхъ велерѣчивыхъ выраженіяхъ говорилъ народу о своихъ побѣдахъ. Онъ утверждалъ, что покорилъ такое множество земель, что въ общественные запасы будетъ ежегодно поступать до 200,000 аттическихъ мѣръ пшеницы и до 3,000,000 фунтовъ масла. Затѣмъ его почтили тріумфами за побѣды въ Египтѣ, Понтѣ и Африкѣ.

Африканскій тріумфъ праздновался не надъ Сципіономъ, а только надъ Юбой. Въ торжественномъ шествіи шелъ и молодой сынъ нумидійскаго царя, именемъ также Юба. Плѣнъ послужилъ ему въ великое благо: изъ

полудикаго и невѣжественнаго Нумидійца образовался историкъ, достойный занять мѣсто въ ряду ученѣйшихъ греческихъ писателей. За тріумфами послѣдовали щедрыя награды войску, праздники и увеселенья для народа. Народъ угощали за 22000 столами разомъ, и при каждомъ столѣ было по три мѣста; въ честь Юліи, уже давно умершей дочери Цезаря, устраивались гладіаторскіе бои и примѣрныя морскія сраженія.

По окончаніи празднествъ сдѣлана была перепись гражданамъ: число ихъ съ 320,000 сократилось до 125,000. Таковы были гибельныя послѣдствія междоусобной войны; такъ много народу истребила она въ Римѣ, не говоря уже о бѣдствіяхъ, навлеченныхъ ею на остальную Италію и на всѣ другія провинціи.

Послѣ всѣхъ этихъ дѣлъ Цезаря избрали въ консулы въ четвертый разъ. Тогда онъ немедленно выступилъ въ походъ въ Испанію противъ сыновей Помпея. Не смотря на свою молодость, послѣдніе собрали многочисленную армію, оказались мужественными и смѣ-

лыми предводителями на войнѣ и причинили Цезарю не мало тревогъ. Большое сраженіе произошло подъ стѣнами Мунды *. Сначала непріятель тѣснилъ войска Цезаря, и послѣднія оказывали слабое сопротивленіе. Тогда Цезарь бросился обходить ряды своихъ воиновъ и громко кричалъ имъ: „Неужели вы не постыдитесь выдать своего полководца въ руки мальчиковъ?“ Этотъ упрекъ вызвалъ великія и мужественныя усилія со стороны его солдатъ, и непріятель обратилъ наконецъ тылъ, оставивъ на мѣстѣ болѣе 30,000 убитыхъ; побѣдители потеряли только тысячу, но за то самыхъ лучшихъ и храбрыхъ воиновъ. Уходя съ поля битвы, Цезарь сказалъ своимъ друзьямъ, что часто сражался ради побѣды, но что теперь въ первый разъ довелось ему сражаться для спасенія жизни.

Побѣда при Мундѣ была одержана въ праздникъ Бахуса, въ тотъ самый день, когда четыре года тому назадъ поднялся въ походъ Помпей Великій. Младшій сынъ послѣдняго спасся бѣгствомъ, а старшій, спустя нѣ-

* Городъ въ югозападной Испаніи, близъ Севильи.

сколько дней послѣ сраженія, попался въ руки Дидія * и былъ убитъ; его голову немедленно доставили Цезарю.

Это была послѣдняя война Цезаря, но отпразднованный затѣмъ тріумфъ оскорбилъ Римлянъ самымъ чувствительнымъ образомъ. Теперь онъ сѣлъ въ тріумфальную колесницу не за то, что побѣдилъ чужеземныхъ полководцевъ или варварскихъ царей, а за то, что разорялъ и истреблялъ потомство человѣка, который, не смотря на несчастный конецъ своего поприща, все таки оставался однимъ изъ величайшихъ гражданъ Рима. Въ этихъ торжествахъ всѣ видѣли насмѣшку надъ бѣдствіями страны и прославленіе дѣлъ, которыя передъ судомъ боговъ и людей могли быть оправданы только правомъ необходимой обороны. Притомъ же прежде онъ никогда не присылалъ гонцовъ или писемъ съ извѣщеніями о побѣдахъ, одержанныхъ въ междоусобныхъ войнахъ, а словно стыдился ихъ.

Несмотря на то Римляне видѣли, что только единовластіе можетъ положить конецъ внутреннимъ войнамъ и сопровождавшимъ ихъ бѣдствіямъ и потому склонились передъ счастіемъ этого человѣка и, давъ надѣть на себя ярмо, провозгласили его пожизненнымъ диктаторомъ. Вручить, такимъ образомъ, одному лицу власть не только безотвѣтственную, но и непрерывную, —значило признать законность самовластія. Цицеронъ первый предложилъ въ сенатѣ оказать Цезарю великія почести, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой прилично воздавать ихъ человѣку. Другіе же вслѣдъ за нимъ наперерывъ расточали Цезарю самую грубую лесть и вносили предложенія до того нелѣпыя и странныя, что благодаря имъ диктаторъ сдѣлался ненавистнымъ и невыносимымъ для самыхъ умѣренныхъ людей. Думаютъ, что и враги Цезаря принимали участіе въ этомъ состязаніи, желая имѣть какъ можно болѣе предлоговъ и причинъ къ тому, чтобы поднять на него руки. Въ глазахъ же всѣхъ другихъ онъ тѣмъ менѣе заслужилъ упрековъ, что положилъ конецъ междоусобнымъ войнамъ, и Римляне были правы, когда, въ

* Начальствовавшаго надъ флотомъ Цезаря.

благодарность за снисходительность Цезаря къ побѣжденнымъ, постановили соорудить храмъ Милосердію. И въ самомъ дѣлѣ, онъ не только простилъ большую часть сражавшихся противъ него, но и почтилъ ихъ почестями и должностями: Брута и Кассія, напр., онъ назначилъ преторами. Затѣмъ велѣлъ возстановить опрокинутыя статуи Помпея, что и дало Цицерону поводъ сказать: „Возстановивъ статуи Помпея, онъ тѣмъ самымъ укрѣпилъ основанія собственныхъ статуй“. Его друзья настаивали, чтобъ онъ окружилъ себя тѣлохранителями, и многіе вызывались поступить въ ихъ число, но онъ не хотѣлъ этого допустить. „Лучше умереть одинъ разъ, сказалъ онъ, чѣмъ жить въ постоянномъ ожиданіи смерти“. Считая лучшей и надежнѣйшей охраной народную любовь, онъ старался расположить къ себѣ и народъ и войско: народъ— угощеніями и раздачею хлѣба, а войско— основаніемъ колоній. Въ числѣ послѣднихъ важнѣйшими были Каренагенъ и Коринеъ. Замѣчательна ихъ судьба: въ одно время

были они взяты и разрушены, и въ одно время возстановлены.

Что касается знатныхъ, то однимъ обѣщалъ онъ консульство или преторство, другимъ иныя почетныя и выгодныя должности, и всѣмъ сулилъ награды въ будущемъ, потому что желалъ управлять людьми, хорошо къ нему расположенными. До чего доходилъ онъ въ своемъ желаніи всѣхъ обязать, видно изъ слѣдующаго факта: консулъ Фабій Максимъ внезапно умеръ какъ разъ наканунѣ того дня, когда кончался срокъ его консульству—и что-же? на одинъ оставшійся день онъ все-таки назначилъ консула—Камилія Ребилія. По обычаю, многіе явились къ нему съ поздравленіями и съ тѣмъ, чтобы примкнуть къ шествію, во главѣ котораго новый консулъ долженъ былъ идти въ сенатъ. По этому случаю Цицеронъ сказалъ: „Поспѣшимъ поздравить консула, пока еще не прошелъ срокъ его должности“.

Цезарь сознавалъ себя рожденнымъ для великихъ дѣлъ, и многочисленные подвиги не только не внушали ему желанія мирно на-

слаждаться плодами своихъ трудовъ, но и подстрекали его къ новымъ подвигамъ, порождали мысль о новыхъ, еще болѣе великихъ предпріятіяхъ; прежняя слава меркла въ его глазахъ, и онъ искалъ новой, еще большей. Это было просто состязаніе и борьба съ самимъ собой, борьба столь же горячая, какъ и та, которую ведешь съ другими, борьба для той цѣли, чтобы будущія дѣянія затмили собой прошлыя. Онъ замышлялъ идти войной на Парѳовъ и уже занимался приготовленіями къ ней. Покоривъ ихъ, онъ предполагалъ пройти черезъ Гирканію, * обогнуть Каспійское море, перевалить черезъ Кавказскія горы, вторгнуться въ Скиѳію, напасть на народы, сосѣдніе съ германцами, проникнуть въ самую Германію, возвратиться въ Римъ черезъ Галлію, округлить границы римскаго государства, раздвинуть ихъ во всѣ стороны вплоть до Океана.

Страна, занимающая южный берегъ Каспійскаго моря

Среди приготовленій къ этому походу, онъ предполагалъ прокопать Коринѳскій перешеекъ, поручивъ это дѣло Аніэну, и прорыть новое русло для Тибра, которое, начинаясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Римомъ, направлялось бы на городъ Цирцеи: такимъ образомъ Тибръ изливался бы въ море близъ Таррацины * и купцы, пріѣзжающіе въ Римъ, пользовались бы удобнымъ и безопаснымъ путемъ. Сверхъ того, думалъ онъ осушить болота, окружающія города Помецій и Сецій, ** и обратить ихъ въ равнину, воздѣлываніе которой заняло бы многія тысячи рукъ; для огражденія отъ наводненій ближайшихъ къ морю окрестностей Рима соорудить плотины и насыпи, очистить подступы къ городу Остіи *** отъ мелей и подводныхъ камней и устроить тамъ безопасные порты и гавани, достаточно обширные

---

* Оба города, Чирчелло и Террачина, лежатъ на Террачинскомъ заливѣ, на западъ отъ залива Гаэтскаго.

** Нынѣ Понтинскія болота, на сѣверъ отъ Террачинскаго залива.

*** Городъ при устьѣ лѣваго рукава Тибра—гавань Рима.

для помѣщенія многочисленныхъ кораблей, со всѣхъ сторонъ пріѣзжавшихъ къ Риму. Для исполненія всѣхъ этихъ плановъ были уже сдѣланы нѣкоторыя приготовленія.

Великую пользу принесъ онъ также исправленіемъ календаря, придумавъ весьма остроумный планъ для устраненія ошибочнаго счета времени. Не говоримъ уже объ отдаленной древности, когда римскіе мѣсяцы такъ плохо совпадали съ перемѣнами временъ года, что праздники и дни, установленные для извѣстныхъ жертвоприношеній, стали наконецъ приходиться совсѣмъ не въ тѣ эпохи года, для которыхъ они были установлены. Во времена Цезаря, когда солнечный годъ вошелъ уже во всеобщее употребленіе *, большинство не имѣло почти никакого понятія о счисленіи времени, и одни только жрецы сознавали существующія несообразности и пытались устранить ихъ внезапною, никѣмъ неожидаемою, вставкою добавочнаго мѣсяца, называемаго

* Прежде считали годъ лунный, изъ 12 мѣсяцевъ, по 28 дней въ каждомъ.

Мерцидоніемъ *. Говорятъ, что въ первый разъ это средство примѣнено было Нумою; но въ жизнеописаніи этого царя мы уже замѣтили, что оно оказалось слишкомъ слабымъ для устраненія путаницы, происходившей отъ несовпаденія мѣсяцевъ и дней съ небесными и другими явленіями въ природѣ.

Цезарь предложилъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе первыхъ философовъ и математиковъ своего времени; затѣмъ, на основаніи представленныхъ ему проектовъ, составилъ свой собственный способъ счисленія времени и обнародовалъ его для всеобщаго употребленія **. Римляне и теперь пользуются этимъ способомъ и потому относительно разницы временъ года съ періодами обращенія солнца ближе другихъ народовъ подходятъ къ истинѣ. Но и это полезное нововведеніе подало поводъ къ насмѣшкамъ въ средѣ завистни-

* Вторымъ царемъ миѳическаго періода римской исторіи (765—762). Первымъ былъ Ромулъ, которому приписывается основаніе Рима.

** Онъ это сдѣлалъ въ качествѣ первосвященника, который, по законамъ Нумы, имѣлъ право учреждать праздники и назначать дни жертвоприношеній.

ковъ и вообще всѣхъ, нетерпѣливо сносившихъ власть Цезарь. Такъ Цицеронъ, если я не ошибаюсь, на чьи-то слова, что „завтра взойдетъ Лира“ *, отвѣчалъ: „Безъ сомнѣнія; такъ ей предписано указомъ“. Какъ видно, и на исправленный календарь смотрѣли, какъ на мѣру насильственную.

Но что всего болѣе плодило ненависть противъ него и стало наконецъ причиной его смерти, такъ это стремленіе къ царской власти. Для многихъ это было первымъ и единственнымъ поводомъ къ жалобамъ на него, а для его исконныхъ враговъ это послужило самымъ благовиднымъ предлогомъ для составленія заговора. Тѣ, которые искренно желали имѣть его царемъ, распространяли въ народѣ толки, что по сивиллинымъ книгамъ ** Римляне побѣдятъ Парѳовъ лишь тогда, когда пойдутъ на нихъ войной подъ предводительствомъ царя.

* Созвѣздіе сѣвернаго полушарія.

** Греки называли Сивиллами женщинъ, обладающихъ даромъ предсказанія. По миѳическимъ преданіямъ о древнѣйшемъ періодѣ римской исторіи (періодѣ царей), одна изъ такихъ Сивиллъ прибыла въ Римъ изъ города Кумъ (греческой колоніи въ Южной Италіи) и принесла съ собою книги съ записанными въ нихъ предсказаніями сивиллъ. Царь Тарквиній Прискъ (616—578 до Р. Х.) купилъ ихъ, и съ тѣхъ поръ хранились онѣ въ Капитолійскомъ храмѣ (Капитолій—кремль города Рима, и главной святыней въ немъ почитался храмъ, посвященный тремъ главнѣйшимъ божествамъ Рима: Юпитеру, богу громовержцу, Юнонѣ, богинѣ неба, и Минервѣ, богинѣ мудрости) подъ надзоромъ особо учрежденной для того коллегіи жрецовъ, которые нерѣдко, по поводу текущихъ событій, объявляли народу предсказанія, будто-бы почерпнутыя изъ этихъ книгъ. При императорѣ Гоноріи (395—423 по Р. Х.), когда въ Римѣ уже не было язычниковъ, Сивиллины книги были сожжены.

Однажды, когда онъ возвратился изъ Альбы * въ Римъ, эти самыя лица осмѣлились встрѣтить его криками: „царь! царь!“ Замѣтивъ, что эти крики смутили народъ, Цезарь принялъ на себя гнѣвный видъ и сказалъ, что онъ называется Цезаремъ, а не царемъ. На это замѣчаніе никто не отвѣчалъ ни слова, и Цезарь продолжалъ свой путь, видимо печальный и недовольный.

Въ другой разъ сенатъ постановилъ воздать ему особыя почести, и всѣ консулы и преторы, въ сопровожденіи всѣхъ сенаторовъ, направились къ трибунѣ, гдѣ онъ въ это время сидѣлъ, сообщить ему о своемъ

* Городъ по ту сторону Апеннинъ.

постановленіи; но Цезарь не всталъ при ихъ приближеніи, а принялъ ихъ какъ частныхъ лицъ и отвѣчалъ, что воздаваемыя ему почести скорѣе требуютъ умаленія, чѣмъ приращенія.

Такимъ пріемомъ былъ огорченъ не только сенатъ, но и народъ; послѣднему казалось, что въ лицѣ сенаторовъ нанесено оскорбленіе самому Риму, и тѣ, которые не обязаны были оставаться, сейчасъ же удалились угрюмые и унылые. Цезарь замѣтилъ это и немедленно отправился въ свой домъ; тамъ, скинувъ съ плечъ мантію и обнаживъ горло, онъ крикнулъ своимъ друзьямъ, что сейчасъ-же готовъ подставить свою шею первому, кто захочетъ поразить его. Впослѣдствіи онъ въ свое оправданіе ссылался на обычную свою болѣзнь: подверженные ей, говорилъ онъ, не могутъ спокойно стоять на мѣстѣ, когда говорятъ народу рѣчи: ими овладѣваетъ дрожь и головокруженіе, кончающіяся совершенной потерею чувствъ. Не такъ было на самомъ дѣлѣ: разсказываютъ даже, что самъ онъ хотѣлъ встать передъ

сенатомъ; но одинъ изъ его друзей или, скорѣе, льстецовъ, Корнилій Боабъ, удержалъ его отъ этого. „Помни, что ты Цезарь“, сказалъ онъ: „неужели ты не сочтешь приличнымъ, чтобы они почтили тебя, какъ своего государя“?

За этими оскорбленіями послѣдовало оскорбленіе трибуновъ. Былъ праздникъ Луперкалій. По мнѣнію многихъ писателей, это древній пастушескій праздникъ, имѣющій нѣкоторое сходство съ праздникомъ Аркадскихъ Ликей *. Молодые люди знатнѣйшихъ фамилій и сановники бѣгаютъ нагіе по городу и, ради забавы и смѣха, бьютъ бѣгущихъ впереди ихъ ремнями изъ кожи съ волосами. Знатныя женщины становятся на ихъ пути и подставляютъ, какъ ученики учителю, свои руки для ударовъ: такимъ образомъ беременныя надѣются получить счастливое раз-

* Такъ назывался праздникъ, праздновавшійся въ Аркадіи въ честь Зевса Ликейскаго. Послѣднее прозваніе произошло отъ горы Ликайонъ, на которой возвышался храмъ Зевеса. Праздникъ сопряженъ былъ съ человѣческими жертвоприношеніями (Аркадія—страна, лежащая внутри Пелопонеса или Мореи, полуострова, составляющаго южную часть Греціи).

рѣшеніе отъ родовъ, а безплодныя способность къ зачатію. Цезарь смотрѣлъ на эти забавы съ трибуны, подымавшейся среди форума, сидя на золотомъ стулѣ въ тріумфальной одеждѣ. Въ числѣ участвовавшихъ въ священномъ бѣгѣ находился Антоній. Когда онъ вышелъ на форумъ, толпа передъ нимъ разступилась, и онъ приблизился къ Цезарю и протянулъ ему діадему, увитую лавровымъ вѣнкомъ. Раздались рукоплесканія, но очень слабыя, какъ-бы со стороны лицъ, умышленно для этой цѣли поставленныхъ. Цезарь оттолкнулъ руку Антонія, и воздухъ огласился рукоплесканіями всей многочисленной толпы, бывшей на площади. Антоній снова протянулъ діадему, и опять послышались рукоплесканія со стороны немногихъ: Цезарь и на этотъ разъ оттолкнулъ руку Антонія, и опять вся толпа громко захлопала. Заключивъ отсюда, что народъ не одобряетъ поступка Антонія, Цезарь всталъ съ своего мѣста и приказалъ отнести діадему въ Капитолій. Но съ другой стороны всѣ его статуи вдругъ украсились царскими діадемами.

Въ это время явились на форумѣ оба трибуна, Флавій и Маруллъ, и стали срывать діадемы; затѣмъ, найдя лицъ, которыя первыя привѣтствовали Цезаря титуломъ царя, они ихъ повели въ тюрьму, и весь народъ пошелъ за трибунами, провожая ихъ громкими рукоплесканіями и называя брутами, въ память Брута, положившаго конецъ наслѣдственной монархіи въ римскомъ государствѣ и передавшаго власть въ руки сената и народа. Но раздраженный Цезарь лишилъ Марулла и его товарища трибунской должности, и затѣмъ въ обвинительной рѣчи, сказанной въ народномъ собраніи, называлъ ихъ часто брутами и кумейцами, * не обращая вниманія на то, что такими выраженіями оскорблялъ и самый народъ.

Это происшествіе обратило взоры всего народа на Марка Брута; по отцу его считали потомкомъ древняго Брута, а по матери онъ

* Игра словъ: какъ имя нарицательное, слово brutus значить дуракъ, идіотъ. Кумы,—греческій городъ въ Эоли, часть малоазіатскаго берега между заливами Адрамитскимъ и Смирнскимъ. Жители этого города слыли за людей крайне грубыхъ и недалекихъ.

происходилъ изъ не менѣе знаменитаго дома Сервиліевъ; къ тому же онъ былъ племянникъ и зять Катона. Правду сказать, почести и милости, оказанныя ему Цезаремъ, притупляли его вражду къ монархіи и не дозволяли предпринять что нибудь противъ Цезаря по собственному почину, ибо послѣ сраженія при Фарсалѣ, когда бѣжалъ, Помпей, онъ не только былъ самъ прощенъ и исходатайствовалъ прощеніе многимъ друзьямъ своимъ, но и вообще много значилъ у Цезаря. Съ одной стороны, онъ получилъ самое почетное изъ тогдашнихъ преторствъ; съ другой было рѣшено, что спустя четыре года онъ будетъ консуломъ, а не Кассій, ищущій той же должности. По этому поводу, говорятъ, Цезарь сказалъ: „Правда, Кассій въ пользу своего исканія представляетъ болѣе справедливыя основанія, но все-таки онъ не будетъ предпочтенъ Бруту.“ Однажды при немъ нѣкоторые чернили Брута; но онъ не обратилъ вниманія на ихъ слова, хотя заговоръ въ это время уже затѣвался, и, касаясь рукою своего тѣла, сказалъ: „Брутъ

ждетъ конца этого тѣла.“ Говоря это, онъ разумѣлъ, что доблесть Брута, конечно, дѣлаетъ его достойнымъ власти, но изъ желанія властвовать онъ не станетъ неблагодарнымъ и преступнымъ.

Однако, сторонники переворота, обращавшіе свои взоры на одного Брута, или на него болѣе чѣмъ на всякаго другого, не смѣли говорить съ нимъ объ этомъ прямо; зато судъ и мѣсто, на которомъ онъ, какъ преторъ, сидѣлъ, отправляя свои судейскія обязанности, ночью наполнялись записками, по большей части содержавшими въ себѣ слѣдующія слова: „Ты спишь, Брутъ,“ или „Ты не Брутъ.“ Замѣчая, что подобныя записки мало-по-малу возбуждаютъ честолюбіе Брута, Кассій сталъ больше прежняго подстрекать его, тѣмъ болѣе, что онъ самъ, какъ мы уже указали въ книгѣ, написанной о Брутѣ, имѣлъ свои особенныя причины ненавидѣть Цезаря. Цезарь съ своей стороны также подозрѣвалъ Кассія, такъ что однажды сказалъ своимъ друзьямъ: „Чего, по вашему мнѣнію, желаетъ Кассій? А мнѣ онъ не нравится: онъ

слишкомъ блѣденъ". Въ другой разъ, разсказываютъ, получивъ доносъ на Антонія и Долабеллу, что будто они замышляютъ перемѣну, онъ выразился такъ: „Этихъ жирныхъ и хорошо причесанныхъ я не боюсь нисколько; гораздо страшнѣе для меня блѣдные и худые." Подъ этими послѣдними онъ разумѣетъ Кассія и Брута.

Но, повидимому, на этотъ разъ приговоръ судьбы не въ такой мѣрѣ былъ неожиданъ, въ какой неизбѣженъ. Разсказываютъ, что замѣчены были разныя знаменія и видѣнія. Конечно, по поводу столь великаго несчастія не слѣдуетъ упоминать о небесныхъ явленіяхъ, шумѣ, раздававшемся ночью въ разныхъ мѣстахъ, о птицахъ-одиночкахъ, прилетавшихъ на форумъ и опускавшихся тамъ на землю. Нельзя однако не остановить вниманія на томъ, что сообщаетъ философъ Страбонъ: что будто бы въ воздухѣ видны были огненные люди, наступившіе другъ на друга, что у слуги одного солдата вышло изъ руки яркое пламя, и всѣ видѣвшіе это были увѣрены, что рука его сго-

ритъ; но потухло пламя, и человѣкъ оказался здоровъ и невредимъ. Затѣмъ, когда самъ Цезарь приносилъ жертву, у жертвеннаго животнаго не видать было сердца; и это сочли за самое страшное знаменіе, потому что неестественно, чтобы могло быть животное безъ сердца. И теперь еще можно встрѣтить людей, разсказывающихъ, что одинъ гадатель предупреждалъ Цезаря, что великая бѣда приключится съ нимъ въ тотъ день марта мѣсяца, который у Римлянъ называется идами; въ этотъ самый день, разсказываютъ тѣ же люди, Цезарь, на пути въ сенатъ, встрѣтилъ этого самого прорицателя, то привѣтствовалъ его и сказалъ ему въ шутку: „Вотъ и наступили мартовскія иды.„ Но послѣдній спокойно отвѣчалъ: „Да, наступили; но еще не прошли". Наканунѣ этихъ идъ онъ ужиналъ у Лепида, гдѣ, по обыкновенію, подписывалъ письма за столомъ. Покамѣстъ онъ ставилъ подписи, кто-то предложилъ вопросъ: „какой смертью лучше умереть?" Цезарь прежде всѣхъ поспѣшилъ громко сказать: „неожиданною". Послѣ ужина онъ воз-

вратился домой и, по обыкновенію, легъ спать съ своей женой. Среди ночи двери и окна въ его домѣ сами собой растворились. Проснувшись вдругъ отъ этого стука и отъ свѣта луны, онъ услыхалъ, что жена его Кальпурнія, стонетъ во снѣ и произноситъ несвязныя слова, словно плачетъ, держа его убитаго въ своихъ объятіяхъ.

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что ничего подобнаго ей не снилось, и что дѣло было такъ. Изъ Тита Ливія мы знаемъ, что надъ домомъ Цезаря, въ видѣ украшенія и для отличія, по опредѣленію сената, была подстроена вышка. Эту вышку Кальпурнія видѣла во снѣ сломанною и отъ этого плакала и стонала. Поэтому, проснувшись, она просила Цезаря не выходить со двора въ этотъ день, если возможно, и засѣданіе сената отложить. „Если на мои сны ты вниманія не обращаешь“, прибавила она, „то постарайся узнать будущее путемъ другихъ гаданій и жертвоприношеній“. Безпокойство Кальпурніи сообщилось и Цезарю и возбудило въ немъ подозрѣніе; жена его не была суевѣрна, какъ многія женщины; этой слабости онъ въ ней прежде не замѣчалъ, а теперь видѣлъ ее сильно взволнованной. Принеся нѣсколько жертвъ, прорицатели также объявили, что знаменія неблагопріятны, а потому Цезарь послалъ Антонія въ сенатъ съ повелѣніемъ отложить засѣданіе до другаго дня.

Это повелѣніе сильно встревожило Децима Брута, прозваннаго Альбиномъ. Цезарь такъ былъ увѣренъ въ его расположеніи къ себѣ, что назначилъ его своимъ вторымъ наслѣдникомъ; несмотря на то Децимъ также принялъ участіе въ заговорѣ Марка Брута и Кассія. Боясь, чтобы отсрочка засѣданія не повела къ открытію заговора, онъ поспѣшилъ къ Цезарю и, смѣясь надъ гадателями, сталъ осыпать его упреками за то, что онъ не боится оскорбить сенатъ. „Вѣдь сенаторы собрались по твоему приказанію“, говорилъ онъ, и всѣ расположены постановить, чтобы ты провозглашенъ былъ царемъ въ провинціяхъ, лежащихъ внѣ Италіи; чтобы ты носилъ діадему всякій разъ, когда ѣздишь по землямъ и морямъ не итальянскимъ. Если

же теперь твой посланный явится въ засѣданіе сената и твоимъ именемъ повелитъ ему разойтись и собраться въ другой разъ, когда Кальпурніи приснятся лучшіе сны, то что начнутъ говорить о тебѣ твои завистники, и кто станетъ слушать твоихъ друзей, когда они начнутъ увѣрять, что ты не тиранъ и не требуешь себѣ рабскаго повиновенія? Если же ты окончательно рѣшилъ, чтобы не было сегодня засѣданія, то ступай лучше самъ объявить сенату объ этомъ твоемъ желаніи. Договаривая эти слова, онъ беретъ Цезаря за руку и уводитъ его съ собой. Цезарь недалеко отошелъ отъ двери, какъ чей-то рабъ попытался дойти до него, чтобы сказать ему нѣчто; не будучи въ состояніи этого сдѣлать за множествомъ народа, тѣснившагося около Цезаря, онъ бросился въ его домъ, отдавшись въ руки Кальпурніи, просилъ дозволенія ожидать возвращенія Цезаря, такъ какъ долженъ былъ сдѣлать ему важное сообщеніе. Артемидоръ Книдскій, преподававшій въ Римѣ греческую словесность, былъ настолько знакомъ съ нѣкоторыми лицами, посѣщав-

шими домъ Брута, что зналъ о замыслахъ заговорщиковъ; онъ пришелъ къ Цезарю съ письмомъ, содержавшимъ въ себѣ все, что онъ хотѣлъ передать ему; но замѣтя, что Цезарь, получая бумаги, тотчасъ же отдаетъ ихъ сопровождавшимъ его чиновникамъ, протолкался къ нему и, подавая письмо, сказалъ: „Цезарь, прочти это письмо безъ свидѣтелей и поскорѣй; въ немъ сообщается о дѣлахъ великихъ и важныхъ для тебя“. Цезарь взялъ его и нѣсколько разъ принимался читать, но къ нему безпрестанно подходили и мѣшали. Нѣкоторые утверждаютъ, что это письмо было ему передано кѣмъ то другимъ, а Артемидоръ, всю дорогу оттѣсняемый толпой, никакъ и не могъ добраться до него.

Всѣ эти обстоятельства могли быть дѣломъ случая, но нельзя сказать того о мѣстѣ, гдѣ въ этотъ день сенатъ держалъ засѣданіе и гдѣ произошла кровавая драма.

Тамъ возвышалась статуя Помпея, и само зданіе было воздвигнуто этимъ полководцемъ, для украшенія построеннаго имъ театра. Не очевидно ли отсюда, что само божество вело

это дѣло и привлекло сюда Цезаря? Говорятъ, что Кассій передъ нападеніемъ на Цезаря, взглянулъ на статую Помпея и обратился къ ней съ мысленной молитвой, хотя и держался ученія Эпикура *; но въ минуту совершенія опаснаго дѣла имъ овладѣло такое восторженное волненіе, что онъ забылъ о своихъ вѣрованіяхъ.

Преданность Антонія Цезарю и его необыкновенная тѣлесная сила дѣлали его опаснымъ, и потому Альбинъ умышленно завелъ съ нимъ длинный разговоръ, чтобы не дать ему войти въ залу засѣданія. Когда Цезарь вошелъ, всѣ ораторы встали, воздавая ему честь. Изъ сообщниковъ Брута одни окру-

* Аѳинскій философъ 4-го вѣка. Онъ училъ, что жизнь дана намъ для счастья и что высшее счастье состоитъ въ спокойномъ, ничѣмъ не возмущаемомъ наслажденіи благами жизни. Конечно, онъ признавалъ не только матеріальныя, но и духовныя блага. Онъ училъ также, что міръ произошелъ случайно и что боги, живя въ пустыхъ пространствахъ между міровыми тѣлами, не принимаютъ ни малѣйшаго участія ни въ явленіяхъ природы, ни въ дѣйствіяхъ человѣка. Изъ мнѣній философовъ ни одно, быть можетъ, не содѣйствовало въ большей мѣрѣ распространенію того невѣрія, которое овладѣло высшимъ римскимъ обществомъ въ послѣднія столѣтія Римской республики.

жили стулъ, на которомъ долженъ былъ сѣсть Цезарь, другіе пошли къ нему на встрѣчу, чтобы вмѣстѣ съ Тулліемъ Цимберомъ просить его о возвращеніи изъ изгнанія брата Туллія и просили его все время, пока онъ шелъ къ своему мѣсту. Сѣвъ на свое мѣсто, онъ продолжалъ отклонять ихъ просьбы; они просили еще настойчивѣе, а онъ сердился. Тогда Туллій обѣими руками взялся за его тогу и обнажилъ ему шею; это былъ условленный знакъ для нападенія: Каска первый ударилъ его мечомъ въ шею и нанесъ ему не глубокую и легкую рану: обязанный начать смѣлое дѣло, онъ видимо смутился. Цезарь обернулся къ нему, схватилъ его мечъ и держалъ его крѣпко. Оба въ одно время воскликнули; Цезарь по-латыни: „Злодѣй, Каска, что ты дѣлаешь?“ а Каска по-гречески, обращаясь къ своему брату: „Братъ, помоги“! Въ первую минуту сенаторы, не участвовавшіе въ заговорѣ, пришли въ ужасъ; дрожа всѣмъ тѣломъ, не смѣли ни бѣжать, ни защищать Цезаря, не могли даже слова сказать. Между тѣмъ заговорщики, обна-

живъ мечи, окружили его со всѣхъ сторонъ. Удары посыпались ему въ глаза, въ лицо; его травили, какъ дикаго звѣря; всѣмъ хотѣлось поразить жертву и принять участіе въ убійствѣ. Метаясь во всѣ стороны отъ нападавшихъ и съ громкими криками отбиваясь отъ нихъ, Цезарь вдругъ увидалъ, что и Брутъ обнажилъ на него мечъ; тогда онъ покрылъ голову тогой и предоставилъ себя ударамъ заговорщиковъ. Случайно, или умышленно, его отбросило къ статуѣ Помпея, и ея подножіе обагрилось кровью Цезаря. Такимъ образомъ, Помпей какъ бы самъ присутствовалъ при наказаніи своего врага, который теперь лежалъ распростертый у его ногъ и бился въ судорогахъ отъ множества полученныхъ имъ ранъ. Говорятъ, что ему нанесли двадцать три раны; сами заговорщики, нападая за-разъ на одного человѣка, наносили другъ другу раны. Когда съ Цезаремъ покончили, Брутъ выступилъ на середину залы, какъ бы желая нѣчто сказать о совершенномъ дѣлѣ, но сенаторы, не будучи въ силахъ его слушать,

бросились вонъ изъ сената и привели народъ въ смущеніе и неописанный ужасъ. Одни затворяли свои дома; другіе покидали лавки и конторы; народъ бѣгалъ по улицамъ; кто бѣжалъ въ сенатъ смотрѣть на ужасное зрѣлище, кто возвращался оттуда. Антоній и Лепидъ, самые преданные друзья Цезаря, искали убѣжища въ чужихъ домахъ. Но Брутъ и другіе заговорщики, въ крови, съ обнаженными мечами, вышли всѣ вмѣстѣ изъ сената и направились къ Капитолію, не какъ люди, спасавшіеся бѣгствомъ, но довольные и вполнѣ спокойные. Они призывали народъ къ свободѣ и принимали въ свои ряды знатнѣйшихъ гражданъ, попавшихся къ нимъ на встрѣчу. Нѣкоторые изъ приставшихъ показывали видъ, что будто участвовали въ дѣлѣ, и хвалились этимъ. Въ числѣ ихъ были Кай Октавъ и Лентулъ Спинтеръ. Позднѣе, они за свое хвастовство поплатились жизнью: Антоній и молодой Цезарь * осудили ихъ на смерть. Но они не пріобрѣли славы, изъ-за

---

* т. е. молодой Октавіанъ, впослѣдствіи императоръ Августъ.

которой погибли. Даже тѣ, которые ихъ наказали, мстили имъ не за дѣяніе, а за намѣреніе.

На другой день сообщники Брута отправились на площадь и говорили рѣчи; народъ слушалъ, ни одобряя, ни порицая, слушалъ внимательно, но храня глубокое молчаніе и тѣмъ свидѣтельствуя какъ о своемъ сожалѣніи къ Цезарю, такъ и объ уваженіи къ Бруту. Объяснивъ общую амнистію (всепрощеніе), сенатъ, съ одной стороны, постановилъ воздавать Цезарю божескія почести и не отмѣнять ни малѣйшей мѣры, постановленной имъ, когда онъ былъ у власти, съ другой—роздалъ Бруту и его сообщникамъ провинціи и почтилъ ихъ почестями. И такимъ образомъ всѣ думали, что дѣла снова пошли правильнымъ ходомъ, и республика снова пришла въ наилучшее состояніе.

Но когда открыли завѣщаніе Цезаря и прочли, что каждому римлянину онъ оставлялъ послѣ себя значительный даръ, когда принесли на площадь окровавленный и изувѣченный трупъ его, народъ не въ силахъ

былъ сдержать себя: откуда ни возьмись, на площади оказалось около тѣла множество скамей, рѣшетокъ и столовъ; ихъ подожгли, и тѣло Цезаря сгорѣло. Потомъ толпы народа, набравъ горящихъ головней, побѣжали поджигать дома убійцъ; нѣкоторые разбѣжались по городу, отыскивая убійцъ, съ намѣреніемъ растерзать ихъ; но ихъ не нашли, потому что они находились подъ вѣрной охраной Цинна. Одинъ изъ друзей Цезаря видѣлъ въ эту ночь странный сонъ: ему снилось, что Цезарь приглашалъ его ужинать; онъ отказался, но Цезарь взялъ его за руку и повелъ насильно. Узнавъ, что на площади сжигаютъ тѣло диктатора, онъ всталъ и хотя былъ встревоженъ видѣннымъ сномъ и болѣнъ лихорадкой, но поспѣшилъ на площадь отдать другу послѣдній долгъ. Когда онъ прибѣжалъ на площадь, кто-то назвалъ его по имени, отвѣчая другому, спросившему, кто онъ такой; вскорѣ пронеслось по всей толпѣ, что этотъ человѣкъ одинъ изъ убійцъ Цезаря. Дѣйствительно, одинъ изъ заговорщиковъ назывался Цинной. На-

родъ, принявъ его за это лицо, бросился на него и растерзалъ тутъ-же на площади. Ярость народа испугала Брута и Кассія, и они поспѣшили удалиться изъ Рима. Въ жизнеописаніи Брута я разсказалъ, что̀ они дѣлали потомъ и какія несчастія ихъ постигли.

Цезарь умеръ 56 лѣтъ, переживъ Помпея немного болѣе чѣмъ 4-мя годами. Всю жизнь свою стремился онъ къ верховной власти, и наконецъ достигъ ея цѣною тяжкихъ усилій и преодолѣвъ много великихъ опасностей; однако плодомъ всѣхъ этихъ усилій былъ только пустой титулъ и слава, возбудившіе противъ него зависть согражданъ. Но могучій духъ *, руководившій имъ во время его жизни, не переставалъ дѣйствовать и послѣ его смерти; онъ явился мстителемъ, который шелъ по пятамъ убійцъ и преслѣдовалъ ихъ по землямъ и морямъ до тѣхъ поръ, пока не осталось ни одного въ живыхъ и ни одинъ

* По древнимъ италійскимъ повѣрьямъ, каждый человѣкъ имѣетъ при себѣ духа хранителя, сопутствующаго ему во всѣхъ шагахъ его.

изъ принявшихъ хотя малѣйшее участіе въ дѣлѣ не понесъ наказанія.

Изъ всѣхъ человѣческихъ событій самое необыкновенное произошло съ Кассіемъ: побѣжденный при Филиппахъ, онъ убилъ себя тѣмъ самымъ мечомъ, которымъ поражалъ Цезаря. Изъ явленій небесныхъ самымъ изумительнымъ было явленіе кометы, ярко свѣтившей въ продолженіе семи ночей послѣ убійства Цезаря, а также помраченіе солнечнаго свѣта: въ продолженіе цѣлаго года солнце вставало блѣдное и безъ лучей и отъ него исходила теплота, безъ всякой живительной силы, такъ что воздухъ, мало разрѣжаемый слабой теплотой, былъ мрачный и тяжелый, а плоды, дозрѣвая только на половину, завядали отъ слишкомъ холоднаго воздуха. Но что убійство Цезаря было не угодно богамъ,—объ этомъ особенно ясно свидѣтельствуетъ видѣніе, бывшее Бруту: собираясь перевести свое войско изъ Абидоса на другой материкъ, онъ отдыхалъ ночью въ своей палаткѣ и, по обыкновенію, не спалъ, а думалъ о будущемъ; изъ всѣхъ пол-

ководцевъ едва-ли кто другой могъ такъ мало спать и такъ долго бодрствовать. И вдругъ ему послышался какой-то шумъ около входа; затѣмъ, при свѣтѣ лампы, готовой уже потухнуть, онъ увидѣлъ призракъ человѣка, изумительно высокаго роста и съ безобразнымъ лицомъ. Брутъ испугался сначала, но видя затѣмъ, что привидѣніе ничего не дѣлаетъ, а только стоитъ молча у его постели, онъ спросилъ: „кто ты такой“, и получилъ въ отвѣтъ: „твой злой геній, Брутъ; ты увидишь меня при Филиппахъ“. Брутъ съ увѣренностью сказалъ: „я тебя увижу“,—и духъ сейчасъ-же исчезъ. Спустя нѣкоторое время выстроилъ онъ свои войска въ боевой порядокъ противъ Антонія и Цезаря; въ первомъ сраженіи Брутъ одержалъ верхъ, обративъ въ бѣгство всѣхъ стоявшихъ противъ него, преслѣдовалъ ихъ до самаго лагеря Цезарева и отдалъ его своимъ воинамъ на разграбленіе. Ночью, наканунѣ 2-го сраженія, то-же самое привидѣніе снова явилось ему. Тогда онъ понялъ, что было суждено ему свыше, и въ сраженіи бро-

сался въ самыя опасныя мѣста. Впрочемъ, ему не пришлось пасть на полѣ битвы; потерпѣвъ пораженіе, онъ удалился на сосѣдній утесъ, бросился грудью на обнаженный мечъ, пронзилъ себя, какъ говорятъ, при помощи одного друга, усилившаго ударъ, и тутъ-же на мѣстѣ умеръ.
